

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА «ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

**РАДУЕТСЯ СЕРДЦЕ МОЕ,
ИБО ТЫ ЖИВЕШЬ, ХРИСТЕ**

РИМИНИ 2017

РАДУЕТСЯ СЕРДЦЕ МОЕ, ИБО ТЫ ЖИВЕШЬ, ХРИСТЕ

Упражнения Братства
«Общениа и освобождения»

РИМИНИ, 2017

© 2017 Fraternità di Comunione e Liberazione

Перевод с итальянского: Я. Тунгушпаева, Е. Цыганкова, А. Шилова

«По случаю ежегодных духовных упражнений для членов Братства “Общения и освобождения”, проходящих в Римини, Его Святейшество папа Франциск, духовно присоединяясь к этому собранию, устремляет к его участникам сердечное приветствие и самые теплые мысли. Обращаясь к многочисленным присутствующим здесь и к тем, кто подключился по спутниковой связи, он желает, чтобы, подкрепляемые уверенностью в присутствии Христа воскресшего и живого, они пришли к изобильному внутреннему открытию плодотворности христианской веры в мире, терзаемом логикой выгоды, которая влечет за собой все большую нищету и порождает культуру отвержения.

Святейший Отец молит о дарах Божественного Духа, чтобы революция нежности, начатая Иисусом в Его особой любви к малым, могла осуществиться на пути, проложенном досточтимым монсеньором Луиджи Джуссани, который призывал превратить нищету в нашу любовь. Прося поддерживать неустанной молитвой его вселенское служение, он испрашивает небесного заступничества Пресвятой Девы и от всего сердца преподает вам и всем собравшимся апостольское благословение, с радостью распространяя его на все Братство».

Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь
Его Святейшества, 28 апреля 2017 г.

Пятница, 28 апреля, вечер

На входе и выходе:

Франц Шуберт. Симфония № 8 си минор, D 759 («Неоконченная»)

Карлос Клайбер – Венский филармонический оркестр

«Spirto Gentil» n. 11, Deutsche Grammophon

■ ВВЕДЕНИЕ

Хулиан Каррон

«Чтобы молитва не была чисто механическим действием, – говорил нам отец Джуссани, – возвысим наше сознание, пробудим нашу ответственность! <...> Весь мир словно накрыт свинцовым куполом – забвением о цели, ради которой человек просыпается по утрам, вновь принимается за дела, вновь берет себя в руки. Все вещи говорят ему: “Пробудись”. <...> Боже мой, каждое утро должно было бы нести такое освобождение! Но вместо этого наши дни обычно с самого начала обесцениваются тягостным забвением, даже если потом они полны деятельности. <...> Когда мы собираемся вместе, наша цель – вновь обратиться к свету... [очнуться от этого забвения и] не допустить, чтобы человек рядом с нами плакал в одиночестве и без всякой перспективы. Тогда, в такие моменты, туман, обволакивающий нашу голову, может рассеяться: мы вновь становимся сознательными и берем на себя ответственность за нас самих и за вещи, за любовь к нам и за любовь к солнцу, за любовь к нам и за любовь к людям. <...> От нас зависит, возникнет ли в мире и будет ли существовать компания, будет ли возможна компания, устраняющая отчужденность между мной и тобой, между одним человеком и другим и позволяющая вещам быть полезными, позволяющая времени быть полезным»¹.

Будем просить об этом со всей сознательностью, на какую мы только способны.

Снизойди, Дух Святой

Начну с чтения телеграммы, направленной нам Святейшим Отцом: «По случаю ежегодных духовных упражнений для членов Братства “Общения и освобождения”, проходящих в Римини, Его Святейшество папа Франциск, духовно присоединяясь к этому собранию, устремляет к его участникам сердечное приветствие и самые теплые мысли. Обращаясь к многочисленным присутствующим здесь и к тем, кто подключился по спутниковой связи, он жела-

¹ L. Giussani. *Un evento reale nella vita dell'uomo*. Milano: Bur, 2013. P. 219–220.

ет, чтобы, подкрепляемые уверенностью в присутствии Христа воскресшего и живого, они пришли к избыточному внутреннему открытию плодотворности христианской веры в мире, терзаемом логикой выгоды, которая влечет за собой все большую нищету и порождает культуру отвержения. Святейший Отец молит о дарах Божественного Духа, чтобы революция нежности, начатая Иисусом в Его особой любви к малым, могла осуществиться на пути, проложенном досточтимым монсеньором Луиджи Джуссани, который призывал превратить нищету в нашу любовь. Прося поддерживать неустанной молитвой его вселенское служение, он испрашивает небесного заступничества Пресвятой Девы и от всего сердца преподает вам и всем собравшимся апостольское благословение, с радостью распространяя его на все Братство. Дано в Ватикане, 28 апреля 2017 г. Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь Его Святейшества».

1. «Что это за спасение, если оно не свободно?»

Кажется парадоксальным начало сегодняшнего вечера: отец Джуссани напомнил нам, что молиться надо так, чтобы молитва не была механическим действием, он призывал нас возвысить наше сознание, пробудить нашу ответственность, то есть взять в руки нашу свободу. Тем не менее, незадолго до того, как еще раз услышать его слова, мы пели о нашей неспособности жить в истине и том, насколько противоречиво мы пользуемся свободой: «Я научился только обманывать себя... <...> В моих руках осталась лишь выжженная земля и бессмысленные имена. Своими руками я никогда не смогу установить справедливость»².

Почему отцу Джуссани так важно вновь призвать нас к сознательности, к тому, чтобы мы возвысили наше сознание и взяли в руки нашу свободу? О причине напоминает нам Пеги: «Что это за спасение [говорит Бог], если оно не свободно. / Как его назвать. / Мы хотим, чтобы спасение было заработано им самим. / Им самим, человеком. Добыто им самим. / В каком-то смысле шло от него самого. В этом секрет, / В этом тайна свободы человека. / Такова цена, которую мы назначаем за свободу человека»³.

Кто вообразил бы, что можно столь высоко оценить человека и его свободу? Бог желает, чтобы мы по-настоящему были главными героями нашего спасения. Таким образом и время, и история не лишаются содержания! Почему? «Потому что Я Сам свободен, говорит Бог, и Я сотворил человека по образу и подобию Моему. / Такова тайна, таков секрет, такова цена / Всякой

² Ср. С. Chieffo. *La guerra // Песенник*. М.: Духовная библиотека, 2006. С. 173.

³ Ш. Пеги. *Избранное: Мистерии. Проза. Поэзия*. М.: Русский путь, 2006. С. 330.

свободы. / Свобода этой твари есть прекраснейший на свете отблеск / Свободы Творца. И поэтому мы даем ей, / мы закладываем в нее ее подлинную цену»⁴.

Почему же Бог так хочет вовлечь нас в наше спасение, зная, какие мы бедолаги? По какой причине Он настаивает на нашем соработничестве?

«Спасение, – продолжает Пеги, – не будь оно свободным, не исходи оно от человека свободного, уже ничего бы для нас не значило. <...> / Какой интерес представляло бы подобное спасение? / Чем, по-вашему, должно мне быть интересно рабское блаженство, рабское спасение, блаженство слуги? Какое удовольствие в том, чтобы быть любимым рабами?»⁵

Пеги, опережая свое время, затрагивает здесь наиболее чувствительную точку нашей эпохи – свободу. Если в какую-то историческую эпоху эти слова были верны, то тем более верны они в настоящем, во времена, когда нет больше незыблемых убеждений, и потому никакой традиции недостаточно, чтобы сообщать христианство и делать его приемлемым. Хуже того, все, казалось бы, против него. Христианство больше не в моде, его не передашь по привычке или посредством неких обычаев, сложившихся в обществе. Для многих вокруг нас вера превратилась в этакое «старье», которое следует не задумываясь отбросить в сторону. Подобное положение дел может либо сбить нас с ног, либо вновь подтолкнуть на рискованный путь, еще сильнее оттеняя то, что было истинно с самого начала христианства: Христос предлагает Себя свободе человека.

Это верно прежде всего для нас: никто не избавит нас от нашей свободы, ничто не может прижиться в нас, не будучи принятым и заработанным в свободе. Именно в ней мы больше всего нуждаемся, как пишет мне один из вас: «Дорогой Хулиан, за три дня до духовных упражнений я ощутил желание рассказать тебе, почему в очередной раз решил в них участвовать. Мне мало чисто механически ответить согласием на приглашение, я должен вновь открыть разумные причины, по которым я могу находиться там с открытым умом и сердцем. В мире, на первый взгляд, столь далеком от наших упражнений, я чувствую, что они несут благо и пользу и мне, и миру. В жизни каждого человека разворачивается великая игра отношений с Бесконечным, которое таинственным образом пронизывает конечность нашего существования и призывает его к Себе. Когда я открылся Ему, горизонт моей жизни изменился. Моя жизнь, как и жизнь всех остальных людей, непроста. Ведя мою борьбу и идя по пути огромной благодати, по которому ты призываешь нас идти, я понял: жизнь прекрасна не потому, что в ней все в порядке и полностью соответству-

⁴ Ср. Ш. Пеги. *Избранное: Мистерии. Проза. Поэзия*. Указ. соч. С. 330.

⁵ Ch. Péguy. *Il mistero dei santi innocenti // Misteri*. Milano: Jaca Book, 1997 P. 322.

ет моим представлениям о ней. Жизнь прекрасна, потому что каждый день в ней есть возможность отношения с Тайной, и все способно стать вызовом, помогающим открыть это отношение и получить что-то для себя. Освободиться от тревоги и страха (подлинных болезней нашего времени, которые пытаются лечить с помощью лекарств) мне позволил опыт непредвиденного, скрывающего в себе что-то, уготовленное для меня, некую возможность углубления отношений с Тайной. Я нуждаюсь в том, чтобы еще раз услышать, как Кто-то зовет меня по имени, и знать, что начатое Им во мне никогда не закончится. И поэтому я благодарен тебе, призванному пробуждать наш взгляд и наше сердце и обращать их к притягательности Иисуса, я благодарен и всем тем из нас, кто пламенно любит собственную судьбу».

Кого заинтересовало бы несвободное спасение, рабское блаженство? И какая радость для Бога, если люди станут любить Его по инерции или вынуждению? Богу ничего не стоило сотворить существ, которые справлялись бы со своими задачами механически, по-рабски. Он также мог сотворить и другие звезды, вращающиеся по заданной траектории. Они тоже, по словам Пеги, способствовали бы тому, чтобы сияло в мире Его могущество. «Могущество Мое сияет во всем творении и во всей его жизни; / В песке морей и в звездах неба... / И никто не оспаривает его, ибо все его знают. / И оно сияет в неживой природе, и в промысле, и в самом появлении человека»⁶.

Так чего же хотел Бог? «Творя мир разумный, Я хотел большего, – говорит Бог. / И лучшего. Бесконечно лучшего. Бесконечно большего. Я восхотел свободы. / И Я создал эту свободу. <...> / Когда узнаешь, что такое быть любимым свободно, теряешь вкус ко всякой покорности. / Когда узнаешь, что такое быть любимым свободными людьми, поклонение рабов уже не трогает. / <...> Ничто столько не весит, ничто столько не стоит. / Это несомненно Мое величайшее изобретение»⁷.

Итак, Бог восхотел чего-то лучшего. И нам это прекрасно известно: «Когда узнаешь, что такое быть любимым свободными людьми, поклонение рабов уже не трогает», ты «теряешь вкус ко всякой покорности». Бог хотел чего-то «бесконечно лучшего, бесконечно большего»: быть любимым свободно.

«Спросите у отца, не лучшая ли минута / Та, когда сыновья начинают любить его, как взрослые люди, / Его самого как человека, / Свободно, бескорыстно, / Спросите отца, чьи дети подрастают. <...> Спросите у отца, нет ли такого тайного часа, / Тайного мгновения, / Не тогда ли он наступает, / Когда его сыновья становятся взрослыми людьми, / Свободными, / И относятся к нему как к человеку, / Свободному, / Любят его как человека, / Свободно, /

⁶ Ш. Пеги. *Избранное: Мистерии. Проза. Поэзия*. Указ. соч. С. 350.

⁷ Там же. С. 331.

Спросите отца, чьи дети подрастают. / Спросите у отца, есть ли один счастливейший из всех миг / И не то ли это / Когда кончается покорность и сыновья, ставшие взрослыми людьми, / Любят его (относятся к нему), так сказать, со знанием дела, / Как человек человека, / Свободно, / Бескорыстно. Оценивают его. / Спросите у отца, знает ли он, что ничего не стоит / Человеческого взгляда, когда он скрещивается с человеческим взглядом. / А Я им отец, говорит Бог, и Я знаю удел человеческий. / Это Я его создал. / Я прошу у них не слишком многого. Я прошу только их сердце. / Когда Я получаю сердце, то нахожу, что это хорошо. Я не привередлив. / Покорность всех рабов на свете не стоит одного хорошего взгляда свободного человека. Вернее, покорность всех рабов на свете Мне противна, и Я отдал бы все / За один хороший взгляд свободного человека»⁸. Один хороший взгляд: не совершенство, а хороший взгляд свободного человека. Пеги завершает мысль: «Этой свободе, этой бескорыстности Я пожертвовал всем, говорит Бог, / Этому желанию быть любимым свободными людьми, / Свободно, / Настоящими людьми, мужественными, взрослыми, твердыми. / Благородными, нежными, но нежностью твердой. / Чтобы добиться этой свободы, этой бескорыстности, Я пожертвовал всем, / Чтобы сотворить эту свободу, эту бескорыстность, / Чтобы дать толчок этой свободе, этой бескорыстности. Чтобы научить его свободе»⁹.

О том же другими словами говорит святой Григорий Нисский: «Кто сотворил человека быть причастником собственных Своих благ..., тот не лишил бы наилучшего и драгоценнейшего из благ – разумею дар... свободы»¹⁰.

Какой интерес представляет для нас спасение, которое не свободно? Никакого. Да и Богу оно не интересно. Спасение становится интересным для человека и для Бога, только когда оно свободно. Для Бога – потому что Он хочет быть любимым свободными людьми, а не рабами. Для нас – потому что иначе спасение не стало бы моим, твоим. Свобода есть необходимое условие для того, чтобы понимать спасение не как нечто рабское, насажденное силой, а как то, что имеющее непосредственное отношение к нашим потребностям. На протяжении истории мы не раз видели, куда заводит несвободное спасение, навязанное силой, привычкой или же страхом. Принуждение многим людям привило отвращение к такого рода спасению. А привычка со временем отбила к нему всяческий интерес.

Итак, большой вопрос, который каждый из нас должен задать себе в начале этих упражнений, прост: по-прежнему ли меня интересует спасение? Не привычка, не механическое повторение определенных действий, а спасение!

⁸ Ср. Ш. Пеги. *Избранное: Мистерии. Проза. Поэзия*. Указ. соч. С. 340–341.

⁹ Там же. С. 342.

¹⁰ Григорий Нисский. *Большое огласительное слово*. Гл. 5.

Интересует ли оно меня как в начале, желаю ли я его столь же пламенно, как в начале? Нам прекрасно известно, что это не само собой разумеется. Время и превратности жизни никому не дают послаблений. Вот почему каждый должен посмотреть на собственный опыт и ответить за себя.

2. «Христос остается обособленным от сердца»

Готовя предисловие к новой книге, собравшей упражнения Братства, которые проводил отец Джуссани, я натолкнулся на беспокойство, высказанное им во время первых упражнений в 1982 году, когда Братство получило признание Святого Престола. Тогда он дал понять всем, что недостаточно пассивно оставаться в Движении, чтобы поддерживать его изначальную свежесть и не утратить интерес к произошедшей с нами встрече. Даже нам, избранным, удостоившимся потрясающего дара встречи со Христом в отце Джуссани, не достаточно было одной лишь привычки, чтобы сберечь начало. Он говорил: «Вы повзрослели, уверенно освоили свою профессию, но вместе с тем возможна как бы отдаленность от Христа (в сравнении с волнением, которое вы испытывали много лет назад [речь не о последовательности, которая была в нас много лет назад, а о волнении], особенно в определенных обстоятельствах, сложившихся много лет назад)... Имеет место отдаленность от Христа, кроме разве что некоторых моментов... <...> когда вы беретесь совершать дела в Его имя, во имя Церкви или Движения». Как мы видим, отец Джуссани не позволил возможной эйфории от признания Братства Святым Престолом сбить его с толку. «Христос словно далек от нашего сердца [хотя мы можем заниматься множеством дел]... или, точнее, Христос остается обособленным от нашего сердца»¹¹. Мало было просто оставаться в Движении, чтобы по-прежнему ощущать «волнение, которое мы испытывали много лет назад», в самом начале.

Ключевым моментом в суждении отца Джуссани была его догадка о том, что, повзрослев, мы стали проживать жизнь со всеми ее делами, пусть даже правильными, определенным образом, из-за чего «Христос оставался обособленным от сердца». А если Христос обособлен от сердца, рано или поздно Он перестает нас интересовать. Христос нам интересен в силу Своей способности приводить в трепет наше сердце, целиком и полностью соответствовать ему и позволять нам улавливать это соответствие.

Обособленность Христа от сердца касается отношения не только с Ним, но и со всем остальным. Отдаленность Христа от сердца – продолжает отец Джуссани – порождает другую отдаленность, «которая обнаруживается... (я говорю

¹¹ L. Giussani. *Una strana compagnia*. Milano: Bur, 2017. P. 21–22.

в том числе и о мужьях и женах) в конечном обоюдном затруднении, в отдаленности самого сокровенного в сердце одного человека от самого сокровенного в сердце другого; исключением являются лишь моменты совместных занятий (когда нужно заниматься домом, заботиться о детях и т. д.)»¹².

Обособленность Христа от сердца касается нашего отношения со всем, «потому что сердце [говорил Джуссани *Там же*] – в том, как человек смотрит на своих детей, как он смотрит на жену или мужа, как он смотрит на прохожего, как он смотрит на людей из общины и коллег или – прежде всего – как он поднимается по утрам»¹³. Однако если Христос не имеет к отношениям к тому, как мы смотрим на жену, мужа, прохожего, коллег и т. д., тогда Он не имеет отношения и к самой жизни, к девяности девяти процентам жизни. В результате со временем Он становится ненужным, неинтересным для нас.

Из опыта нам хорошо известно, что Христос стал для нас интересным присутствием, поскольку привел в трепет наше сердце, заставил по-новому трепетать наше «я» перед лицом всех вещей («Реальность становится очевидной в опыте»¹⁴, – говорил отец Джуссани). Точно так же мы признаем, что другой человек, он или она, – именно тот, с кем мы желаем разделить жизнь, поскольку благодаря ему самые глубины нашего «я» затрепетали. Этот трепет – лишь сентиментальность или же возможность понять всю важность того присутствия для нас? То же самое касается и встречи со Христом, столкновения с Его присутствием в изначальном опыте.

Чтобы понять, как обстоят дела для каждого из нас, достаточно спросить себя: какое чувство преобладает сейчас в моей жизни? Что мы открываем в глубине самих себя? Какая мысль господствует в нас? Какая музыка непрерывно звучит фоном в нашем существовании? Человек един, и поэтому в конечном счете в нем господствует лишь одна мысль, лишь одно конечное чувство, каким бы оно ни было. Тут бесполезен любой анализ, потому что каждый вдруг оказывается перед большим вопросом: действительно ли Христос по-прежнему интересует меня, как при первой встрече?

Достаточно провести параллель с пламенным желанием, которое родилось в нас в самом начале, и мы увидим, стал ли Христос ближе нашему сердцу, нежели тогда, или же сегодня Он оторван от него, обособлен от сердца, которое когда-то встрепенулось, и этот трепет «покорил» нас? Вот какова альтернатива: можно быть покоренными либо обособленными. Все более покоренными либо все более обособленными. Я говорю это не для того, чтобы вы судили себя с точки зрения морализма (давайте не будем терять

¹² L. Giussani. *Una strana compagnia*. Op. cit. P. 22.

¹³ *Ibidem*. P. 24.

¹⁴ L. Giussani. *Dal temperamento un metodo*. Milano: Bur, 2002. P. 143.

время на подобные занятия!), я говорю это, чтобы бы осознали, по-прежнему ли Он интересуется вами и насколько мы сейчас воодушевлены в сравнении с началом.

3. Путь, который нам предстоит пройти

Далеко ли наше сердце от Христа или нет, зависит от нашей свободы. Она же задействована и в отношении с тем, кто сделал для нас Христа столь близким, – с отцом Джуссани и его харизмой, с наследием, которое мы получили.

На аудиенции 7 марта папа сказал нам: «Верность харизме не означает “окаменелость” – помните, что только дьявол обращает все в камень! Быть верным харизме не значит записать ее на пергаменте и поместить под стекло. Наследие, оставленное вам отцом Джуссани, не должно стать музеем воспоминаний, принятых решений и норм поведения. Оно, несомненно, предполагает верность традиции, однако, как говорил Малер, верность традиции “состоит в том, чтобы поддерживать живым пламя и не поклоняться пеплу”. Отец Джуссани никогда не простил бы вас, если бы вы утратили свободу и переквалифицировались в экскурсоводов по музею или в почитателей пепла. Поддерживайте живым пламя памяти о первой встрече и будьте свободными!»¹⁵

Без свободы жизнь каждого из нас может превратиться как раз в такой музей воспоминаний о былых временах. Если в настоящем нет ничего более интересного, чем все воспоминания вместе взятые, жизнь замирает, ведь никаких воспоминаний, даже самых замечательных, никаких принятых решений, никаких норм поведения недостаточно, чтобы поддерживать пламя живым сейчас. Этот путь никогда не должен прерываться: нельзя жить на ренту от прошлого. Фон Бальтазар писал об этом еще в начале пятидесятых годов: «Истина, которую продолжают лишь передавать, не подвергая глубокому переосмыслению, утрачивает жизненную силу»¹⁶. Ему вторил тогда же и Гвардини: «Монотонность сухого продолжения начатого задушит нас»¹⁷.

Тогда, в 1982 году, все были рады собраться в Римини и праздновать только что произошедшее признание Братства Святым Престолом, однако отец Джуссани не ослабил хватку, ни на секунду не забыл о своей пламенной любви к жизни каждого из нас. Ему важно было, чтобы тот момент, отмеченный папским признанием, стал возможностью осознать, что наша жизнь,

¹⁵ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

¹⁶ H. U. von Balthasar. *La percezione dell'amore. Abbattere i bastioni e Solo l'amore è credibile*. Milano: Jaca Book, 2010. P. 13.

¹⁷ R. Guardini. *Natale e capodanno. Pensieri per far chiarezza*. Brescia: Morcelliana, 1993. P. 38.

по мере того как мы взрослые, отдалялась от Христа. Что его беспокоило? Зрелость опыта людей, входивших в Братство, особенно после признания, – зрелость, по сей день зависящая исключительно от пути, который каждый из нас должен совершить.

Отец Джуссани хорошо понимал, что никакой статус и никакие указания к действию не в состоянии подменить движение свободы, оно является обязательным условием пути к зрелости, к истине о нас самих. Он говорил: «Поразительно думать о жизни, о времени как об изменении. Зачем мать рождает в мир младенца и тот живет потом сорок, пятьдесят, шестьдесят, восемьдесят, девяносто лет? Чтобы он менялся! Чтобы претерпевал изменения! Но что значит меняться? Значит становиться все более истинными, то есть все больше самими собой»¹⁸. Кьеркегор замечает: «Я постигаю истину, только когда она становится жизнью во мне»¹⁹, – это и есть чувство изменения. Вот конечная причина призыва, который обращал к нам отец Джуссани: он хотел, чтобы мы становились все более истинными, все более самими собой. Как далеко это от морализма! Однако изменение не может произойти без нашего участия, без нашей свободы, без непрерывного вовлечения в него каждого из нас.

Почему отец Джуссани так настаивал на необходимости проделывать путь к зрелости? Потому что, взрослея в близости со Христом, мы способны достичь полноты нашей жизни и стать самими собой. В противном случае побеждает отчуждение. Однако эта зрелость далеко не самоочевидна, она не наступает автоматически с течением времени, когда мы становимся взрослыми по паспорту. Она не самоочевидна даже для тех, кто вырос на опыте Движения. Именно по этой причине в 1982 году отец Джуссани говорил: «Есть некоторая двусмысленность в том, чтобы “становиться взрослыми”... Не думаю, что обычно наше взросление делает Христа роднее для нас... что оно сделало более близким для нас ответ на вопрос, который содержался в предложении, услышанном нами двадцать пять лет назад. Мне так не кажется»²⁰.

Обычно наше взросление не делает Христа роднее для нас! Мы можем отнестись к этим словам как к раздражающему упреку или же принять их с бесконечной благодарностью, услышав в них голос человека, которому настолько дороги наша жизнь и наш путь, что он пользуется любой возможностью, чтобы напомнить нам истину о самих себе и не позволить нам скатиться в ничто.

---

¹⁸ L. Giussani. *Una strana compagnia*. Op. cit. P. 125.

¹⁹ Ср. S. Kierkegaard. *Esercizio del cristianesimo // Le grandi opere filosofiche e teologiche*. Milano: Bompiani, 2013. P. 2109, 2111.

²⁰ L. Giussani. *Una strana compagnia*. Op. cit. P. 24–25.

И тут возникает вопрос: почему интерес сходит на нет и мы вдруг ощущаем Христа далеким от сердца? Почему взросление не сделало Его более близким? Потому что, как всегда говорил нам отец Джуссани, недостаточно спонтанности: взросление не спонтанный процесс. Необходимо задействовать нашу свободу, необходим путь – тот, который для апостолов стал «путем убеждения»²¹.

Позволим отцу Джуссани направлять нас на этом заново осознанном пути взросления в вере, который нас ожидает. Нам нужно задействовать нашу свободу, прежде всего чтобы поддерживать открытой нашу человечность: «Каждый из нас должен вовлекаться в... крайнюю открытость духа... И здесь велика ответственность воспитания: способность к пониманию, хотя и отвечающая нашей природе, спонтанно не проявляется. Более того, если рассматривать ее как чисто спонтанное начало, исходная чувствительность, на которой она основана, будет задушена; сведение религиозности к чисто спонтанным проявлениям – это самый окончательный и тонкий способ ее преследования, это превознесение ее наиболее зыбких и преходящих аспектов, вызванных сиюминутной сентиментальностью. Если постоянно не подстегивать чувствительность к нашей человечности и не упорядочивать ее, то ни одно событие, сколь бы громким оно ни было, не найдет в ней соответствия. Так или иначе, все когда-нибудь испытывали чувство тупой отчужденности от реальности, которое охватывает нас, когда мы просто плывем по течению, когда не делаем никаких усилий: неожиданно вещи, слова и поступки, которые прежде были логичными и мотивированными, перестают быть таковыми, становятся непонятными»²².

С помощью чего мы улавливаем соответствие? С помощью нашего сердца, нашей человечности. Если наше сердце дремлет, никакое событие, включая событие Христа, не сможет явить свое соответствие сердцу и осуществить его. А без соответствия остается лишь отчужденность. «Как же я здесь одинока! О великий Боже, как одинока я здесь и какой чужой себя чувствую! Все вокруг меня враждебно мне, и нигде мне нет места. Даже вещи, окружающие меня, можно сказать, не видят меня, и меня словно нет. <...> Реальность отсутствует. Настоящая жизнь отсутствует»²³. Недостаточно, чтобы Христос продолжал происходить, если во мне нет открытости, позволяющей мне заметить Его и не воспринимать Его как нечто чуждое, если я глух к Его присутствию. Именно поэтому без свободы спасение не может сохранять для меня интерес. Подчеркивать свободу – существенно важно, ведь она не

²¹ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М.: Христианская Россия, 2010. С. 63.

²² Там же. С. 110

²³ P. Claudel. *Il pane duro // Il pane duro. Destino a mezzogiorno*. Milano: Massimo, 1971. P. 102.

некий довесок к жизни. Однако не стоит и думать, будто мы справимся самостоятельно. Нет! Если мы свободно не задействуем всю нашу человечность, Христос остается обособленным, далеким от нас.

4. «Первая опасность, встающая перед нами, – формализм»

Каково же следствие этой обособленности Христа от сердца, этой тупой отчужденности, которую порой мы ощущаем со временем? Формализм.

«Первая опасность, встающая перед нами, заключается в формализме, в повторении слов или жестов, которые не встряхивают или так или иначе не переворачивают, то есть не движут что-то в тебе, не просвещают все больше взгляд, каким ты смотришь на самого себя, не подпитывают уверенность в отношении какой-либо ценности (к примеру, участие в выборах – потребность твоей человечности, в противном случае твоей человечности недостает меры)»²⁴.

Формализм есть вера, существующая параллельно жизни, довольствующаяся повторением слов и жестов; это присоединение, отождествляющееся с участием в определенных моментах или с выполнением определенной деятельности; однако, если она ничем во мне не движет, то вне этих моментов или по завершении этой деятельности мы предстоим перед жизнью, как и все остальные, мы тоже оказываемся между «крайней самонадеянностью и самым мрачным отчаянием»²⁵.

Отец Джуссани говорил также и о «формальном присоединении к общине». Вот как он описывал его: «Человек в порядке не потому, что ходит на школу общины, не потому, что участвует в святой мессе со своим священником, не потому, что раздает листовки или вывешивает *дацзыбао*. Все это может быть формальностью, своего рода оплатой пошлины в пользу той социальной реальности, к которой он примыкает. Но когда все это становится опытом? Когда говорит тебе что-то и движет («движение») что-то в тебе»²⁶.

В другой раз, в 1977 году, опять же выступая в университетской среде, он говорил: «Настоящей проблемой является формализм веры. Мы живем в эпоху, когда вера целиком и полностью сведена к морализму. <...> Мы не исходим из сознания о Христе как о нашей жизни, а потому, и жизни мира, и, как следствие, из сознания о мире как о моей жизни»²⁷.

Это понимал и выдающийся православный богослов Оливье Клеман:

²⁴ L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. Milano: Bur, 2008. P. 194–195.

²⁵ Ср. Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. М.: Христианская Россия, 2006. С. 66.

²⁶ L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. Op. cit. P. 194.

²⁷ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Milano: Bur, 2006. P. 109–110.

«Практика Церкви незаметно изменяется, и не вследствие сознательного соиздания, а по причине уступок, склероза, отклонений, повторных истолкований *апостериори*, благоговейного почитания привычек, которые сами по себе случайны»²⁸.

На этом всегда настаивал отец Джуссани. В одном из текстов, относящихся к 1984 году, он утверждал: «Если любое действие нашего Движения не порождает в самой глубине конкретных дел нашей жизни призыв к памяти о Христе, то нет в нем никакой ценности. И даже хуже, в таком случае оно усугубляет положение человека, поскольку благоприятствует формализму и морализму. Тогда событие между нами – событие, которое мы должны трепетно хранить во взгляде и в сердце как критерий нашего поведения в отношении друг друга – свелось бы к социальному убежищу, к общественной позиции»²⁹.

А в упражнениях Братства, вошедших в новую книгу, он добавлял: «В какие-то мгновения наша душа поднимается... “пробуждается”, приходит в движение, однако затем мы вновь начинаем смотреть на повседневную жизнь пустым, ни за что не цепляющимся, тяжелым, ограниченным, подавленным взглядом. Эти два момента мысли и взгляда на нас самих словно никогда не связываются между собой, разве только извне, с точки зрения морализма: то есть, поскольку у нас есть вера, мы не можем делать определенные вещи, тогда как другие делать нужно. Но мы делаем их как бы извне, а не изнутри: то, что делается или не делается, не является выражением нового сознания (обращения), истины о нас, это словно оплата пошлины, адресованной чему-то внешнему, пусть даже благоговейно и глубоко признаваемому и уважаемому. Однако все не так: или Бог есть жизнь, или Он как будто стоит за нашей дверью»³⁰.

Когда мы поддаемся такому разделению (между Богом и жизнью, между присутствием Христа и жизнью, между верой и жизнью), наши обязанности становятся всего лишь приложением к существованию, чем-то чуждым сердцу. Это подчеркивает папа в апостольском обращении *Evangelii gaudium*: «Сегодня у многих... можно заметить чрезмерную заботу о границах личной автономии и комфорта, что побуждает относиться к нашим к нашим обязанностям как к простому приложению к жизни, будто бы они не представляют собой неотъемлемую часть нашей идентичности. В то же время духовная жизнь смешивается с некоторыми религиозными моментами, дающими некоторое облегчение, но не влекущими за собой встречу с другими, ответ-

²⁸ O. Clément. *La rivolta dello spirito*. Milano: Jaca Book, 1980. P. 82.

²⁹ L. Giussani. *Appendice // Alla ricerca del volto umano*. Milano: Jaca Book, 1984. P. 90.

³⁰ L. Giussani. *Una strana compagnia*. Op. cit. P. 194–195.

ственность за мир, страсть к евангелизации. У многих работников на ниве евангелизации, несмотря на молитву, отмечается обострение индивидуализма, *кризис идентичности и ослабление рвения*³¹. Сколько действий лишены духовности и не вызывают желания совершить их и потому утомляют нас. Тот же папа Франциск описывает результат разделения веры и действия, выражающийся в утомительном активизме. «Проблема не всегда заключается в чрезмерной деятельности, но, в первую очередь, в неверно воспринимаемых действиях, без соответствующей мотивации, без духовности, которая должна бы предварять действие и пробуждать желание совершить его. Как следствие, обязанности утомляют неизмеримо больше и даже иногда вызывают болезнь. Речь идет не о спокойном труде, а о напряженном, тяжелом, не приносящем удовлетворения и, в конечном счете, неприемлемом»³².

Каково следствие всего этого? «Тем самым обретает очертания самая страшная угроза, заключающаяся в “сером прагматизме повседневной жизни Церкви, когда внешне все протекает нормально, а на самом деле вера истощается и вырождается в мелочность”. Развивается “психология гробницы”, постепенно превращающая христиан в музейные мумии. Разочарованные в реальности, в Церкви или в самих себе, они борются с постоянным искушением поддаться слащавой печали, лишенной надежды, поработавшей сердце, как “самый ароматный эликсир Сатаны”. Христиане, призванные просвещать и сообщать жизнь, в итоге позволяют себе увлечься вещами, порождающими лишь тьму и внутреннюю усталость, ослабляющими апостольский динамизм. Вот почему я настаиваю: не позволим украсть у нас радость евангелизации!»³³

5. Суть проблемы: «Мы оказались оторванными от человеческого основания»

Когда Христос обособлен от сердца и не кажется интересным для нашей жизни, христианство выкристаллизовывается в доктрину. Если я не признаю, что нуждаюсь во Христе, если не понимаю, что Он принципиально важен, чтобы моя жизнь была полноценной, что без Его присутствия я не могу жить, поскольку ничто другое не утолит мою нужду, – тогда христианство в лучшем случае становится благородным предлогом для моих общественных или религиозных занятий, от коих я буду ждать собственной реализации (или удовлетворения), которая никогда не наступит. Вот почему необходимо правильно

³¹ Франциск. *Evangelii gaudium*, 78.

³² Там же, 82.

³³ Там же, 83.

понимать природу сердца, значение нашего желания, нашей нужды и не заблуждаться, думая, будто можно найти удовлетворение в чем-то помимо Его присутствия. Действительно, Христос становится нам чуждым, когда наше сердце отчуждается от нас самих.

Отец Джуссани ясным образом определил суть проблемы, которую папа столь хорошо описал и из-за которой мы в конце концов отчуждаемся от Христа и от себя самих. «Мы, христиане, – утверждал он в 1985 году в Кьети, – в современной обстановке оказались оторванными не непосредственно от христианских формулировок [которые можно знать наизусть], не непосредственно от христианских обрядов [которые можно по-прежнему повторять], не непосредственно от законов, прописанных в христианском декалоге [которые можно верно соблюдать]. Мы оторваны от человеческого основания, от религиозного чувства. Наша вера уже больше не является религиозностью... она уже не отвечает, как должна бы, на религиозное чувство. [И потому] наша вера не сознает, не понимает саму себя. Автор, которого я читаю вот уже много лет, Рейнхольд Нибур, говорил: “Нет ничего невероятнее, чем ответ на непоставленный вопрос”. Христос есть ответ на вопрос, на человеческий голод, на жажду истины, счастья, красоты и любви, справедливости и конечного смысла»³⁴.

Вера утрачивает интерес, выхолащивается в той мере, в какой мы отрываемся или позволяем себя оторвать от человеческого основания. В результате и Христос становится далеким, а вместе с Ним – и другие люди, и вся действительность, и наши дела: все превращается в пошлину, подлежащую оплате. Об этом говорил Толстой: «Я чувствовал, что пропадает во мне то, что мне нужно для жизни»³⁵.

Предание Христа забвению сегодня, в нашем западном обществе, происходит в первую очередь не посредством явного и прямого Его оспаривания, а через умаление человечности, человеческих желаний и потребностей, через контроль над нашей жадностью, то есть над нашей исконной нищетой. Так Христос становится всего лишь именем (мы об этом не раз говорили), христианство же превращается в некую культурную матрицу и в отправную точку для воззваний этического характера.

Здесь мы можем проследить влияние на нас Просвещения. «Случайные исторические истины [события] не могут служить доказательством необходимых истин разума»³⁶ – утверждал Лессинг. А Кант добавлял: «Основан-

³⁴ L. Giussani. *La coscienza religiosa nell'uomo moderno*. 21 novembre 1985 // Quaderni del Centro Culturale «Jacques Maritain». Chieti. Gennaio. 1986. P. 15.

³⁵ Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 22 т. Т. 16. М.: Художественная литература, 1983. С. 150.

³⁶ Sul cosiddetto «argomento dello spirito e della forza» // *La religione dell'umanità*. Roma–Bari: Laterza, 1991. P. 68.

ная только на фактах историческая вера способна расширять свое влияние не далее, чем этого могут достигнуть по обстоятельствам времени и места известия, позволяющие судить о ее достоверности»³⁷. Мы тоже думали, будто можно познавать, менять что-то, будто можно выработать эффективные воззрения и практики, оставив в стороне реальность Христа, то есть мы поверили в возможность обойтись без Факта, без исторического, воплощенного присутствия Христа, которое становится доступным опыту в Церкви.

Но, как сказал нам отец Джуссани (и мы повторили его мысль на упражнениях в прошлом году), «частный случай... [есть] краугольный камень христианского представления о человеке, о его моральных принципах в отношениях с Богом, с жизнью, с миром»³⁸. Иными словами, только изнутри истории отдельно взятого человека, порожденной Христом, только в силу опыта Христа в сердце каждого из нас способно возникнуть и оставаться живым во времени истинное понимание человека и возможность нравственности. Сейчас, как и тогда, именно событие Христа, историческая встреча с его присутствием позволяет распахнуться полной истине о человеке и вернуться пути к ней.

Послушаем как точно, как детально отец Джуссани описывал частный случай, произошедший в его собственной жизни: «Если бы в первом классе лица я не встретил монсеньора Гаэтано Корти, если бы не услышал немногие лекции итальянского монсеньора Джованни Коломбо, впоследствии ставшего кардиналом Милана, если бы не нашел ребят, которые, слыша о том, что я чувствовал, делали большие глаза, словно от неожиданности столь же непонятной, сколь желанной, если бы я не начал встречаться с ними, если бы все больше людей не присоединялось ко мне, если бы у меня не было этой компании, если бы у тебя не было этой компании, то Христос для меня, как и для тебя, остался бы всего лишь словом, предметом богословских рассуждений или же, в лучшем случае, призывом к “набожной” привязанности, обобщенной и смутной, которая делается определеннее лишь в страхе перед грехами, иначе говоря – в морализме»³⁹.

Однако вернемся к теме, которую мы оставили открытой. Чтобы христианство не выкристаллизовалось в доктрину (богословские рассуждения) и не свелось к этике (морализму), нужны родовые муки, то есть Христос не должен добавляться к нашему существованию извне, с точки зрения морализма, оставаясь в конечном итоге чуждым нашему сердцу, Он должен стоять у истоков нашего сознания и наших действий, так, чтобы очевидность Его

³⁷ Ср. И. Кант. Религия в пределах только разума // *Трактаты и письма*. М.: Наука, 1980. С. 172.

³⁸ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P.82.

³⁹ L. Giussani. *Qui e ora. 1984–1985*. Milano: Bur, 2009. P. 209–210.

присутствия проистекала из глубины жизни, переживаемой в отношении с Ним, в свете связи с Его присутствием. Об этом говорил Мунье в отрывке, прочитанном и прокомментированном отцом Джуссани во время упражнений Братства в 1989 году: «Из земли, из основательности [земля или основательность есть совокупность условий, в которых воплощается жизнь: моя одежда, мой голос, глаза, которые до определенного момента мне служат] неизбежно происходят роды, полные радости [или крика, но это крик радости о рождаемом], рождается терпеливое ощущение возрастающего дела [рождаемое растет, упорядочивается, обретает тело, путь, историю, исполненную терпения], этапов, следующих один за другим [этапов истории], ждите в терпении и доверии [в доверии, ведь Он здесь]. Необходимо страдать, чтобы истина не выкристаллизовалась в доктрину». Всё – страдание: роды, терпение, этап, следующий за этапом и не наступающий сразу же, высшая жертва доверия, то есть уверенности в Другом. Страдание ради того, чтобы факт, пребывающий посреди нас, Христос, не оставался лишь примером или сводом нравственных ценностей, а рождался от плоти. Нужно страдать: соглашаться с тем способом, каким это присутствие находится среди нас. Кроме того, Христос воскрес, но прошел через смерть. В молитве «Ангел Господень» мы просим у Бога, чтобы мы, познавшие воплощение Его Сына Иисуса Христа, Его же смертью и воскресением дошли до опыта Его славы, до изменения жизни и мира. Прирастать ко Христу, позволять Ему проникать в нашу плоть – значит смотреть, постигать, чувствовать, судить, оценивать, пытаться оценивать самих себя и вещи в памятовании о Его присутствии, глядя на все сквозь призму Его присутствия. <...> От этого памятования происходит вся нравственность. Его присутствие ни на йоту не упраздняет закон, а полагает его основания»⁴⁰.

Как сказал папа Франциск в Страстной Четверг, «никогда истина радостного Благовестия не будет лишь отвлеченной истиной из ряда тех, что никогда не воплощаются в жизнь в полной мере»⁴¹.

Одна преподавательница пишет мне: «Во время Триденствия для старшеклассников я обедала с некоторыми ребятами и спросила у одного из них, сидевшего напротив меня, как его зовут, сколько ему лет и где он учится. “Шестнадцать лет, третий класс лицея”. Я продолжила задавать вопросы, и он голосом, лишенным каких-либо эмоций, отвечал: “Да, я доволен и согласен с услышанным, но оно для меня не в новинку, я все это знаю, мне об этом говорил священник из моей общины, с которым я общаюсь последние три

⁴⁰ L. Giussani. *Occorre soffrire perché la verità non si cristallizzi in dottrina ma nasca dalla carne*. Esercizi spirituali della Fraternità di Comunione e Liberazione. Rimini, 1989. P. 24.

⁴¹ Франциск. *Проповедь во время Святой Мессы освящения елеев*. 13 апреля 2017 г.

года. Для меня это углубление уже известного”. Передо мной сидел человек, в котором воплотилось восприятие действительности как чего-то само собой разумеющегося! Я словно увязла в нашем разговоре. Мне ужасно хотелось отступить. И все же – в такое сложно поверить – в глубине, в самой глубине души я была ему благодарна, поскольку он позволил мне стать сознательной в отношении меня, в отношении моего желания. И эта рана заставила меня опуститься на колени: без Тебя, без Тебя, Христе, присутствующего здесь и сейчас, я ничто, я утрачиваю мою человечность, теряю мое “я”. В ходе банального, “безвкусного” обеда я смогла обнаружить основополагающую потребность, сущностную нужду моего существования, которая состоит в том, чтобы заметить, что Ты есть. До недавнего времени я бы даже обратила внимание на подобный эпизод или он вызвал бы во мне лишь кратковременную нетерпимость, раздражение. Я бесконечно благодарна отцу Джуссани за то, что он наставил меня на путь, где ничто, по-настоящему ничто не должно быть забыто или вычеркнуто!»

Это письмо свидетельствует о том, насколько мы нуждаемся в нищете (мы даже опускаемся на колени, чтобы просить о ней), в нищете, к которой призывает нас папа в послании, направленном нам с благодарностью за пожертвования, собранные нами во время паломничеств по случаю Юбилейного года. Я вернусь к нему завтра. Все становится безвкусным, все становится самоочевидным, если мы не сознаем нашу нищету, нашу нужду, если не задействуем нашу свободу. Сколь же прав Пеги! Если мы не становимся, как он говорит, главными героями нашего спасения, оно утратит для нас интерес.

6. «На стороне гроба или же на стороне Христа»

Во время пасхальной проповеди папа призывал: «Подумаем, пусть каждый из нас подумает о ежедневных проблемах, о болезнях, которые пережили мы сами или которые выпали на долю наших родных, подумаем о войнах, о человеческих трагедиях и просто, смиренным голосом без всяких прикрас, один на один с Богом, с самими собой скажем: “Не знаю, как все происходит, но уверен, что Христос воскрес, и я полагаюсь на это”»⁴².

Со Христом можно встречать лицом к лицу любую ситуацию, в какой бы мы ни оказались. Именно в этом и состоит проверка. Наша вера не обречена на кристаллизацию и сухость, однако, чтобы совершить такую проверку, требуется наша свобода. Мы должны решить, на какой мы стороне.

Об этом очень ясно и трогательно говорил папа Франциск 2 апреля на Карпи. Он обращался к пострадавшим от землетрясения в Эмилии-Романье,

⁴² Франциск. *Проповедь во время Святой Мессы в Воскресенье Пасхи*. 16 апреля 2017 г.

но его призыв важен и для нас, собравшихся здесь сегодня: «Остановимся на последнем из чудесных знаков, явленных Иисусом перед Его Пасхой у гроба Его друга Лазаря. <...> Возле того гроба происходит великая встреча-столкновение. С одной стороны – огромное разочарование, шаткость нашей смертной жизни, проникнутой тревогой перед смертью и часто терпящей поражение, испытывающей внутреннее помрачение, которое кажется непреодолимым. Наша душа, сотворенная для жизни, страдает, чувствуя, что ее жажда вечного блага угнетена древним и темным злом. С одной стороны – поражение гроба. Но с другой, есть надежда, побеждающая смерть и зло и имеющая имя: надежда зовется Иисус. <...> Дорогие братья и сестры, мы тоже призваны решить, какую сторону нам занять. Можно стоять на стороне гроба или же на стороне Иисуса. Кто-то замыкается в печали, а кто-то открывается надежде. Кто-то остается под руинами жизни, а кто-то, подобно вам, с Божией помощью разгребает руины и в терпеливой надежде вновь берется за созидание. Перед великими “почему” существования у нас два пути: застыть на месте и с тоской смотреть на вчерашние и сегодняшние гробы или же позволить Иисусу приблизиться к нашим гробам. Именно так, потому что у каждого из нас уже есть маленький гроб, какая-то омертвелая часть сердца: рана, ущерб, нанесенный нам или нами, обида, не оставляющая в покое, угрызения совести, возвращающиеся снова и снова, грех, который мы не в силах преодолеть. <...> Услышим же слова Иисуса, сказанные Лазарю, словно они обращены к каждому из нас: “Иди вон!” Выйди из-под завалов безнадежной печали, разорви пелены страха, мешающие идти, освободись от уз слабостей и тревог, сдерживающих тебя... Следуя за Иисусом, научимся не стягивать нашу жизнь узлом вокруг спутывающихся друг с другом проблем: проблемы будут всегда, всегда, и, когда мы решаем одну, тотчас возникает другая. Однако мы можем обрести новую стабильность, и стабильность эта – именно в Иисусе, имя этой стабильности – Иисус... И пусть у нас не будет недостатка в бременах, Его рука всегда облегчит их»⁴³.

А в пасхальную ночь папа утверждал: «Своим Воскресением Христос не только отвалил камень от гроба: Он также желает смести все преграды, замыкающие нас в бесплодном пессимизме, в наших просчитанных концептуальных мирах, отдаляющихся от жизни, в наших одержимых поисках надежности и чрезмерных амбициях, способных играть с достоинством других. <...> Бог врывается в мир, чтобы перевернуть все критерии и предложить нам новую возможность. <...> Возрадуйся, ибо твоя жизнь скрывает росток воскресения, предложение жизни, ожидающей пробуждения. Вот что призывает нас возвещать эта ночь: сердцебиение Воскресшего, Христа

⁴³ Франциск. *Проповедь на Карни*. 2 апреля 2017 г.

живущего! <...> Пойдем и позволим этой иной заре удивить нас, позволим удивить нас той новизне, какую может даровать лишь Христос. Позволим Его нежности и Его любви двигать нами, позволим биению Его сердца преобразить наш слабый пульс»⁴⁴.

Именно ради этого мы собрались здесь: чтобы поддерживать друг друга, призывать друг друга нашим свидетельством, использованием нашей свободы, чтобы позволить Его присутствию удивить и обнять нас, потому что только так мы не станем пленниками могилы, как говорит папа. «Мы призваны решить, какую сторону нам занять. Можно стоять на стороне гроба или же на стороне Иисуса».

Прошу всех вас соблюдать моменты молчания, чтобы помочь нам быть на стороне Иисуса. Не будем относиться к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. Если мы не помогаем друг другу поддерживать в нас полноценное молчание, не механическое, полное стремления признать Его присутствие, если мы не упражняемся в молчании, то эти дни не станут для нас духовными «упражнениями». Чтобы быть моим, молчание тоже должно рождаться от плоти.

В этом году мы решили использовать часть молчания при входе в зал, чтобы вспомнить некоторые песни из нашей истории. Это предложение возникло от желания не воспринимать как должное дар совместного пения. Мы желаем, чтобы все мы, а следовательно, и наши общины, открыли для себя его красоту и воспитательную силу.

---

⁴⁴ Франциск. *Проповедь на Святой Мессе Навечерия Пасхи*. 15 апреля 2017 г.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 5, 31–42, Пс. 26, Ин. 6, 1–15

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО

«[Иисус же] опять удалился на гору один» (*Ин. 6, 15*). Что значит «удалился»? Бежал от реальности? Скрылся в смирении? Иисус только что совершил самое впечатляющее из Своих чудес, утолив голод нескольких тысяч людей. Лишь воскресение Лазаря превзойдет его по ошеломительности и окажется очевидным и непоколебимым знаком божественной власти этого Человека. Однако сейчас, пребывая в одиночестве на горе, Христос дорожит прежде всего свободой Своих учеников, в тот день уже подвергшейся испытанию перед огромной толпой. Ему известно, что на следующий день, когда Он в синагоге скажет: «Я дам вам в пищу не тот хлеб, что пропадает, но Тело Мою и Кровь» (ср. *Ин. 6, 51*), – их ждет еще более серьезное испытание, а те, кто теперь ищет Его с воодушевлением, чтобы сделать царем, удостоить Его общественного и даже политического признания, уйдут в возмущении все до одного. «Не хотите ли и вы отойти?» – спросит Он у Своих. Петр ответит: «Нет. Куда нам идти? Только Ты имеешь глаголы, наделяющие жизнь смыслом». Иисус же скажет ему: «Не твоя человечность открыла это тебе, но Отец».

Так мы начинаем видеть глубокое значение того «удаления на гору в одиночестве». На Тайной вечере в последней Своей речи Он скажет ученикам: «Я не один» (*Ин. 16, 32*). Быть «одному» для него – всегда быть с Отцом, признавать истоком и тканью Своей человечности непрестанное отношение с Отцом. Благодаря этому свобода Христа, послушание человека Иисуса Отцу укореняет свободу Его учеников, свободу Петра, который честно скажет Ему: «Лишь в Тебе – совершенный смысл моей жизни» (ср. *Ин. 6, 68*). Свобода Христа, горячее беспокойство Христово о каждом из нас: о них Каррон говорил сегодня вечером во введении, спрашивая, какое чувство господствует сейчас в нашей жизни. Какая любовь нам дороже всего в настоящий момент? Апостолы позволили покорить их, охватить, вовлечь в любовь Христа к Отцу, а в Нем – в любовь к человеческой судьбе.

Попросим у Его матери Марии, чтобы и мы могли вновь позволить Ему охватить нас, глубоко и полностью, одного за другим, каждого.

Суббота, 29 апреля, утро

На входе и выходе:

Людвиг ван Бетховен. Симфония № 7 ля мажор, ор. 92

Герберт фон Караян – Берлинский филармонический оркестр

«*Spirto Gentil*» п. 3, Deutsche Grammophon

Отец Пино. Если я существую, если я сознателен, то знаю: я здесь, чтобы стать самим собой, этот день может сделать меня в большей степени самим собой. Но я подобен пустому сосуду, я как пустой сосуд у источника. Я взываю к Тебе, ответь мне.

Ангел Господень

Утренняя

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

«Блаженны нищие духом»

Я бы хотел оттолкнуться от письма, которое Франциск направил нам, чтобы поблагодарить за пожертвования, собранные во время паломничеств по случаю Юбилея милосердия и переданные ему. Как все мы читали, папа воспользовался этой возможностью, чтобы дать нам некоторые наставления касательно нашего пути в нынешней истории Церкви и мира. Разумеется, мы не можем отложить в сторону письмо Святейшего Отца, не попытавшись прежде уловить всю его значимость. Поэтому давайте во время этих упражнений, которые являются важнейшим моментом в жизни нашего Движения, продолжим вчитываться в его содержание.

Папа пожелал сообщить нам, каким утешением для его сердца стал тот факт, что «множество людей вступили на путь милосердия в духе разделения жизни с нуждающимися»⁴⁵, то есть что, переживая Год милосердия, мы не забыли о тех, кто пребывает в нужде.

Благодарность за этот наш опыт разделения жизни с нуждающимися стала для него возможностью еще раз сказать: «Бедняки... напоминают нам о сути христианской жизни»⁴⁶. Это решительное утверждение вытекает из

⁴⁵ Франциск. *Письмо Хулиану Каррону*, 30 ноября 2016 г.

⁴⁶ Там же.

слов святого Августина, приводимых далее в письме: «Некоторым гораздо проще раздать все свои блага нищим, нежели самим стать нищими в Боге». Смысл своей фразы разъясняет сам же Августин, говоря о людях «богатых собой и не нищих в Боге, полных собой и не нуждающихся в Боге»⁴⁷. При этом он цитирует святого Павла: «Если я раздаю все имущество мое и отдаю тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»⁴⁸.

В согласии с этими мыслями папа дает нам понять, к чему именно желает призвать нас: «Подобная нищета необходима, поскольку она выражает то, что в действительности составляет наше сердце, – нужду в Нем»⁴⁹.

Итак, наша нищета столь глубока, что представляет собой нужду в Нем, нужду в Боге. Нищий весь соткан из ожидания, о чем напоминает нам отец Джуссани: «Подумайте, не это ли подлинное описание нищего-нищего-нищего, бедняка, идущего по дороге: он ждет подаяния, которое позволит ему прожить следующее мгновение, продлить путь; вся личность его пребывает в ожидании, но притом без всяких притязаний, ему не на чем основать [свои] притязания; и потому все, все сводится к одному мгновению»⁵⁰.

Итак, первый пункт нашей работы, нашего следования за папой Франциском состоит в том, чтобы заново открыть образующую нас нищету, нашу подлинную нужду. Поднять тему нищеты, как говорит Святейший Отец в своем письме, значит следовать «не либеральной, а радикальной программе, знаменующей возвращение к корням»⁵¹.

Давайте попробуем лучше понять эту нищету.

1. Природа потребностей сердца

Нищета есть признание потребности, из которой соткано наше сердце. «Нищий духом – это человек, у которого нет ничего, кроме того, ради чего и из чего он сотворен, иными словами, у него нет ничего, кроме бесконечного устремления... безграничного ожидания. Безгранично это ожидание не потому, что нет конца той массе вещей, которых он ждет; нет, он не ждет ничего, а живет безграничной открытостью и не ждет ничего! Как говорится в стихотворении Клементе Реборы: “Я никого не жду...” – и все же он весь устремлен

⁴⁷ Августин Блаженный. *Толкования на псалмы*, 71, 3.

⁴⁸ *1 Кор.* 13, 3–4.

⁴⁹ Франциск. *Письмо Хулиану Каррону*, 30 ноября 2016 г.

⁵⁰ ARCHIVIO STORICO DELL'ASSOCIAZIONE ECCLESIALE MEMORES DOMINI. Milano (ASAEMD). *Registrazioni audiovisive*. OR. AUDIO / 1458. Incontro della casa, Gudo Gambaredo (MI), 23 marzo 1970. Trascrizione della registrazione.

⁵¹ Франциск. *Письмо Хулиану Каррону*, 30 ноября 2016 г.

куда-то. <...> В этом заключается самобытность человека⁵² – в том, чтобы быть таким ожиданием. Человек весь устремлен к чему-то иному, что лежит по ту сторону любых границ и чему он не в состоянии дать определение.

Казалось бы, в чем тут новость, мы это уже знаем. Однако, как мы увидим, человек, думая, будто ему все известно, может в кратчайшие сроки дойти до формализма. И поэтому вызов, встающий перед нами, заключается в том, каким образом можно всякий раз по-новому открывать, кем мы являемся, какова природа нашей нужды, – открывать «в самой глубине конкретных дел нашей жизни», чтобы не впасть в формализм или морализм. Отец Джуссани наметил нам путь, и следование по нему зависит от нашей открытости: «Определение, – говорил он, – должно выражать то, что уже было достигнуто, в противном случае оно было бы навязыванием некоей схемы»⁵³ или формальным повторением, превращающимся в доктрину. Если это важно для всех, то уж тем более для нас – сейчас, в наши времена.

Сердце – предпосылка не теоретическая, а экзистенциальная. Другими словами, оно действует, но необходимо постоянно обнаруживать его в себе и признавать его природу. Благодаря этому сейчас, когда, как мы констатируем в ежедневных разговорах, уже не осталось определений человека, разделяемых всеми, становится проще встречаться с любыми людьми на основании опыта.

Природа сердца не укладывается в уже известные определения и мы не можем удовлетвориться лишь их повторением, поскольку тогда они способны выкристаллизоваться в доктрину, которая не затронет наше «я» даже на самую малость. Сколько из нас знают правильные слова о сердце, но все мы видим, что недостаточно «знать», чтобы наше желание постоянно пробуждалось. Даже зная правильные определения, мы можем проводить дни напролет в пустоте, в полном забвении, не ощущая «нужды в Нем». С другой, экзистенциальной стороны, всегда есть риск жить урезанными представлениями о сердце. И потому нам предстоит проделать путь, чтобы в глубине нашего опыта открыть заложенную в нас человечность.

Что это за путь? К чему мы призваны? «Прежде всего мы должны открыться самим себе, – советует отец Джуссани, – то есть живо обнаружить в себе наш опыт, с симпатией посмотреть на то человеческое, что есть в нас, мы должны принять во внимание то, кем мы в действительности являемся. Принять во внимание – значит серьезно отнестись к тому, что мы испытываем, ко всему, заметить все аспекты нашего опыта, искать *весь* их смысл»⁵⁴. Эта

⁵² L. Giussani. *Uomini senza patria* (1982–1983). Op. cit. P. 298.

⁵³ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Указ. соч. С. 79.

⁵⁴ Ср. Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. Указ. соч. С. 66.

симпатия к человечности, ко всему, что трепещет в нас, столь важна, столь «радикальна», что без нее ничего нельзя понять.

Отец Джуссани рассказывал нам о том, как он, будучи юным семинаристом, осознал, какая нехватка была неотрывной частью его человечности, то есть природы его сердца. Открытие это родилось из глубины конкретных дел его жизни. Попробуем вжиться в его опыт: «Тогда, в первый год лицея, я уловил, как в том тембре голоса дрожало что-то, чего не доставало – не красной мелодии романса Доницетти, а моей жизни: было что-то, чего не доставало и для чего нигде не нашлось бы опоры, свершения, ответа, удовлетворения. И все же сердце требует ответа, лишь ради него оно живет». Вот ключевой момент, позволяющий нам выносить суждение обо всем, с чем мы встречаемся. Отец Джуссани подчеркивает: «Если не исходить из этого, невозможно понять и все остальное»⁵⁵. Если мы впадаем в растерянность и перестаем понимать, причина в том, что мы не исходим из потребности сердца, и тогда все становится абстрактным, сводится к повторению тех или иных фраз.

Отец Джуссани прекрасно знал, насколько не самоочевидна для нас необходимость отталкиваться от опыта, от того, чем мы живем. И поэтому он призывал нас быть крайне внимательными: «Мы слишком легко не исходим из нашего настоящего опыта, то есть из опыта в его полноте и подлинности. <...> Часто мы отождествляем опыт с фрагментарными впечатлениями... И еще чаще путаем опыт с предрассудками или схемами, которые, возможно, неосознанно восприняли из среды». Как мы нередко констатируем, окружающий нас и проникающий и в нас менталитет «не считает наши истинные потребности таковыми и даже не знает, что они собой представляют»⁵⁶.

Как не остановиться на фрагментарных впечатлениях? Отец Джуссани обобщенно описывает путь: «Нужно всматриваться в опыт незамутненным взглядом и принимать человечность со всеми ее нуждами». В противном случае мы в конце концов станем колебаться «между крайней самонадеянностью», уверенностью в нашей способности самостоятельно решить проблемы, и «самым мрачным отчаянием»⁵⁷, наступающим, когда мы осознаем, что нам это не под силу.

Итак, необходимо понять, каковы истинные нужды, составляющие нас, но, чтобы это сделать, мы должны вовлекаться в собственный опыт и упражняться в свободе, о которой говорит Пеги. Действительно, наши истинные нужды выявляются в опыте («в самой глубине конкретных дел нашей жиз-

⁵⁵ L. Giussani. *Quel che cerchi c'è // Spirito Gentil. Un invito all'ascolto della grande musica guidati da Luigi Giussani.* / A cura di S. Chierici e S. Giampaolo. Milano: Bur, 2011. P. 12.

⁵⁶ Ср. Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом.* Указ. соч. С. 66.

⁵⁷ Там же.

ни»⁵⁸, – утверждал отец Джуссани): только в нем обнаруживается то, чего по-настоящему желает наше сердце. Иначе говоря, человечность провоцируется и открывается со всеми нуждами только в отношении с реальностью, перед лицом происходящих событий. Без вызовов со стороны реальности каждый человек мог бы трактовать желания сердца на свой вкус, отождествляя их с тем или иным образом, который рассеивается при первой же проверке. Одним словом, именно опыт показывает нам, каковы наши подлинные нужды. И как мы всегда подчеркивали, переживать опыт не значит просто что-то ощущать. Проявляясь, наши потребности позволяют мне судить о том, что я испытываю. Только тогда ощущаемое становится опытом⁵⁹.

«Тридцать лет назад, – замечал отец Джуссани, – когда я начал говорить об этих вещах, я не думал, что спустя тридцать лет мне придется повторять их множество раз, чтобы разъяснить тем, кто вот уже десять лет идет по нашему пути! Люди читают их [обратите внимание!] и думают, будто поняли, и переходят к чему-то еще, не относясь всерьез к употребляемым словам, то есть не относясь всерьез к действительности»⁶⁰. Как видите, формализм всегда подстерегает нас.

Однако реальность упряма и продолжает возвращаться и стучать в нашу дверь, провоцируя нас. Даже тот, чье представление о самом себе урезано, не в силах предотвратить выявление в опыте подлинной ткани своего сердца. Любые идеологии слишком слабы перед внушительностью реальности, которая становится прозрачной в опыте.

Каковы же знаки, посредством которых человеческое сердце открывается в своей истинной природе? Один из них – скука, которую мы часто понимаем неправильно и о которой Моравиа говорит как о признаке недостаточности реальности: «Я мог бы определить скуку как своего рода болезнь окружающих меня предметов, которые словно бы увядают, блекнут, теряя жизненный тонус, – это то же самое, что на протяжении нескольких секунд вдруг увидеть, как цветок, только что бывший бутоном, увядает и превращается в прах. <...> Скука для меня – это ощущение неполноты, недостаточности окружающей меня действительности, ее скудости, ее несоответствия... <...> Скука настигает меня в те мгновения, когда я ощущаю абсурдность окружающего меня мира... неполноценного, неспособного убедить меня в реальности своего существования»⁶¹. Моравиа не говорит об одном: мы можем испытывать

---

⁵⁸ См. сн. 29.

⁵⁹ «Человека воспитывает опыт, а не то, что он ощущает» (L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Milano: Bur, 2011. P. 82).

⁶⁰ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Op. cit. P. 83.

⁶¹ Ср. А. Моравиа. *Скука*. Пролог. Пер. С. Бушуевой.

недостаточность действительности и, следовательно, скуку исключительно в силу нашего бесконечного по своей природе желания. Собакам скучно не бывает. Леопарди чутко уловил суть вопроса: «все мало и ничтожно по сравнению со способностью собственного духа», с бесконечностью нашего желания. И следовательно, ощущение «неудовлетворенности и пустоты и потому скуки, – «высшее выражение величия»⁶² человеческой природы.

Другой знак – ностальгия, томительное чувство чего-то недостающего нам, чему мы не в состоянии дать определение. «Меня всегда упрекали, – пишет аргентинский прозаик Эрнесто Сабато, – за мою нужду в абсолюте, которая к тому же проявляется в моих персонажах. Эта нужда пересекает, как некий поток, мою жизнь или, точнее, как некая ностальгия по чему-то, до чего я так никогда и не дошел. <...> Я так и не смог унять мою ностальгию, приручить ее, сказав себе, что гармония существовала когда-то в моем детстве; мне бы этого хотелось, но не вышло. <...> Ностальгия для меня – неутолимое томительное желание, место, до которого у меня никогда не получилось добраться. Но это то, чем нам хотелось бы быть, наше желание. Правда, нам настолько не удастся им жить, что мы могли бы поверить, будто оно лежит за пределами природы, если бы любой человек не носил в себе эту надежду быть, это ощущение, словно ему чего-то не хватает. Ностальгия по абсолюту – словно некий фон, невидимый, непознаваемый, с которым, однако, мы соотносим всю жизнь»⁶³. Так Эрнесто Сабато открывает для себя критерий, на основании которого он судит обо всем. Именно это томительное и неутолимое желание позволяет нам понять природу нашей нищеты и осознать, сколь велика наша нужда. Мы несем в себе ностальгию как некий «фон, невидимый, непознаваемый, с которым мы соотносим всю жизнь».

Это «неутолимое томительное желание» выявляет ткань нашего сердца, позволяет нам понять природу нашей нищеты и осознать, как глубока наша нужда. Мы носим в себе невосполнимую ностальгию, словно некий фон, невидимый, непознаваемый, но реальный, с которым мы соотносим всю нашу жизнь. Андрей Тарковский говорил: «Есть только один возможный вид

⁶² G. Leopardi. *Pensieri*. LXVIII // *Poesie e prose*. Vol. 2. Milano: Mondadori, 1980. P. 321.

⁶³ «*Siempre me han echado en cara mi necesidad de absolutos, que por otro lado aparece en mis personajes. Esta necesidad atraviesa como un cauce mi vida, como una nostalgia más bien, a la que nunca hubiera llegado. <...> Yo nunca pude calmar mi nostalgia, domesticarla, diciéndome que aquella armonía fue un tiempo en la infancia; ojalá hubiera sido, pero no. <...> La nostalgia es para mí una añoranza jamás cumplida, el lugar al que nunca he podido llegar. Pero es lo que hubiéramos querido ser, nuestro deseo. Tanto no se lo llega a vivir que hasta podría creerse que está fuera de la naturaleza, si no fuese que cualquier ser humano lleva en sí esa esperanza de ser, ese sentimiento de que algo nos falta. La nostalgia de ese absoluto es como un telón de fondo, invisible, incognoscible, pero con el cual medimos toda la vida» (E. Sabato. *Espana en los diarios de mi vejez*. Barcelona: Seix Barral, 2004. P. 178–179).*

путешествия – в наш внутренний мир. Мы несем в себе наше духовное жилище, как черепаха пастырь»⁶⁴. В нас есть ностальгия по чему-то иному, что мы не можем приручить и что переплетается с не оставляющей в покое неудовлетворенностью, которую никто в конечном итоге не в состоянии скрыть. Об этом писал Павезе: «Все люди больны разъедающим их раком... – неудовлетворенностью, результатом столкновения их реальной, остоной сущности с бесконечной сложностью жизни. И все рано или поздно это замечают»⁶⁵.

Это лишь некоторые примеры (можно было бы привести и множество других), свидетельствующие о самобытном устройстве нашего сердца. Все обстоятельства и вызовы, которые мы переживаем, даны нам не чтобы затруднить нам жизнь: они предоставляют нам возможность понять природу нашей нужды, открыть наши подлинные потребности. Как мы вспоминали, именно в столкновении с реальностью выявляются основополагающие измерения человечности.

На этом пути все оказывается полезным (и помогает выявить, кем мы являемся), даже разочарование. Опыт разочарования неизбежен именно потому, что нет ничего в полной мере соответствующего сердцу, но он – напоминает нам отец Джуссани – не останавливает человека, а, напротив, заводит его, обостряя его жажду. «Такова природа разума, такова природа человеческого сердца, такова природа того, что составляет человека как человека. Иными словами, если человек, сталкиваясь с любой вещью, улавливает ее ограниченность и она тем или иным образом неизменно ранит его, в любом случае (конечно, если он замечает происходящее, если он не рассеян), если человек, сталкиваясь с чем угодно, замечает ограниченность вещей и разочарование, несоответствие, и это не останавливает его, а заводит, значит, он не принадлежит ограниченности и боли, что как бы подталкивает, сдвигает его, влечет его к тому, чтобы попытаться больше ухватить, больше познать, больше вникнуть»⁶⁶. В жизни мы постоянно стараемся ухватиться за то, что вызывает в нас ностальгию, мы жаждем познать запредельное, нехватку которого ощущаем и которое вечно ускользает от нас.

Мы открываем суть нищеты, в рамках опыта, на который сейчас указываем.

По словам Джуссани, то, что в Евангелии зовется нищетой, прекрасно описан Романо Гвардини в комментарии к первым главам «Исповеди» святого Августина: «“Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока

⁶⁴ Ср. О природе ностальгии. Интервью А. Тарковского с Г. Бахманом // *Искусство кино*. 1989. №2.

⁶⁵ С. Pavese. *Il mestiere di vivere*. Torino, Einaudi, 1952. P. 59.

⁶⁶ L. Giussani. *Ciò che abbiamo di più caro (1988–1989)*. Milano: Bur, 2011. P. 491–492.

не успокоится в Тебе⁶⁷. Эти слова выражают самую сердцевину Августиновой концепции человека. Творец поместил его в реальное бытие, позволил ему находиться в собственном центре и двигаться своим шагом; но его сущность отлична от сущности других тварей. Они укоренены в их природе, опираются на самих себя и к себе возвращаются. Образ их существования – замкнутый круг, для человека же он представляет собой дугу, перекинутую через то, с чем тот встречается. <...> Таков закон его существования, и о нем свидетельствует глубокое, никогда не проходящее беспокойство. Его можно неверно истолковать, но нельзя устранить. Когда человек замечает его, оно превращается в пытку; когда принимает, оно ведет его жизненно необходимому покою, то есть к свершению его бытия⁶⁷. Итак, нищета есть «готовность натягивать тетиву собственного лука в поисках не себя, а другого»⁶⁸, того, кто вне тебя, кто не сводим к твоей мере.

Так кто же такой нищий? Человек, которому нечего защищать, кроме своей жадности, кроме своего ожидания, кроме своей исконной природы, какой он не сам себя наделил, и поэтому человек, устремленный к признанию и принятию того, кто способен ответить ему. По этой причине Иисус называет нищих «блаженными». Такая нищета для Него не несчастье, а блаженство: «Блаженны нищие духом. <...> Блаженны алчущие и жаждущие...»⁶⁹ Отец Джуссани говорит, что в действительности «все блаженства суть синонимы, разные способы» говорить об этой нищете, «нищете духа»⁷⁰.

Почему же Иисус так настаивает на нищете? И почему настаивают на ней и отец Джуссани, и папа Франциск?

Дело в том, что именно эта нищета, это ожидание, это томительное желание познать Того, Кто может утолить нашу жажду, «делают нас способными слышать тембр Его голоса, когда он эхом раздастся в нашей жизни. Признавать Христа, Его неповторимый голос, знаки Его присутствия нам позволяют честность, искренность, сила желания понять, кем Бог является для моей жизни, для нашей жизни. “Люди редко учатся тому, что, как они полагают, им уже известно”, – говорила английская писательница Барбара Уорд. Фарисеи думали, что знали, и не научились признавать то Присутствие, которое было ответом на их религиозное чувство, на всю их историю»⁷¹. Вот почему первое из блаженств звучит так: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное». Действительно, лишь люди, отдающие себе

⁶⁷ Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. Указ. соч. С. 230.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Мф. 5, 3–12.

⁷⁰ L. Giussani. *Dal senso religioso a Cristo // Dove la domanda si accende / A cura di C. Fornasieri e T. Lanosa. Castel Bolognese (RA): Itaca, 2012. P. 55–56.*

⁷¹ *Ibidem*. P. 53–54.

отчет в собственной нищете, соглашающиеся, что они нуждаются, алчущие и жаждущие, смогут признать Того, Кто несет Царствие, Кто несет ответ.

Обратите внимание: нас это может удивить, но жажда, как неустанно подчеркивает отец Джуссани, имеет важнейшее значение не только для тех, кому еще предстоит встретить Христа, но и для нас, уже ставших христианами. Религиозное чувство не предпосылка, которую однажды можно позабыть, оно есть неизменно необходимое условие: во-первых, для того, чтобы «расслышать тембр Его голоса, когда он эхом раздается в нашей жизни»; во-вторых, чтобы у нас имелся реальный опыт ответа в настоящем, каким является Христос. Стоит нам заглушить или умалить жажду, стоит оторваться от человеческого основания, и Христос становится не важен, столь же невероятен как ответ на не заданный или уже больше не задаваемый вопрос (и поэтому встреча со Христом углубляет жажду, а не отменяет ее). «Христос – ответ человеку, жаждущему жить в отношении с тем, что составляет его судьбу, смысл его дел, пищи и питья, бодрствования, сна, любви, труда. Если это ожидание и это желание не живы во мне, я не в состоянии распознать ответ... И потому самое важное для нас, христиан, – чтобы было истинно наше религиозное чувство, ведь тогда моей жизни сообщается и реальность Христа»⁷².

Самарянка, ощущавшая всю жажду своего сердца, сразу же догадалась, Кто был в состоянии утолить ее. Ее жажда проявилась во всей полноте, и только перед лицом Того, Кто воплощал в Себе обещание ответа, она впервые смогла по-настоящему посмотреть на нее. «Религиозное чувство» – то есть жажда сердца – проясняется и до конца пробуждается лишь во встрече со Христом: «Историческая встреча с этим человеком представляет собой встречу с точкой зрения, разрешающей и проясняющей человеческий опыт»⁷³. Вот почему нужно, чтобы Христос всегда был современен нам, – тогда религиозное чувство сможет пробуждаться и оставаться живым.

Ранее я цитировал отрывок о том, как удивлялся отец Джуссани необходимости множество раз повторять одни и те же вещи, которые мы продолжаем читать, не вникая в суть. Посмотрим, что случается, когда мы, напротив, принимаем его слова всерьез: «Дорогой отец Хулиан, вот уже много лет я хотела рассказать тебе, но мне все никак не удавалось, не получалось выразить себя. Я считаю себя, точнее, я являюсь человеком без семьи. К сожалению, мои страдания были столь тяжелыми, что повлекли за собой крах моего брака. Я долгие годы жила в озлобленности, и когда ты снова и снова приводил примеры о материнской или отцовской любви, я искренне посы-

⁷² L. Giussani. Dal senso religioso a Cristo // *Dove la domanda si accende* / A cura di C. Fornasieri e T. Lanosa. Op. cit. P. 54.

⁷³ Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. Указ. соч. С. 71.

лала тебя куда подальше, полагая, что тебе повезло и у твоих родителей не было проблем, оставляющих неизгладимый отпечаток на уме и теле. Со мной произошла исключительная встреча, но я всегда считала, будто это глубинное возражение отличает меня от других [то есть встреча может до конца не определять наше восприятие самих себя. И даже признавая исключительность встречи, мы несем в себе это глубинное возражение, связанное с противоречиями и проблемами, которые оставили на нас отпечаток]; оно подобно червю, подтачивающему изнутри: чувство оставленности, словно тень, преследовало меня повсюду, в суждении о компании, о том, принимают меня в ней или нет, ищут ли меня и ценят ли или же до меня никому нет дела. Затем, после мартовской школы общины со мной что-то случилось: мне было очень плохо, но, когда ты сказал о необходимости действовать и вовлекаться в реальность (в реальность, где мне бесконечно трудно), в работу, в отношения с близкими, с друзьями, с разными сторонами жизни, я поняла, что не свободна, что жду счастья от «мгновений просветления» и отождествляю присутствие Иисуса только с компанией. Поворотным моментом, пробудившим мое сердце, стала цитата отца Джуссани «Причина, по которой люди больше не верят или же верят, не веря, [то есть, причина, по которой исключительная встреча не влияет на жизнь в достаточной мере и не пробуждает в ней инаковый опыт, иное восприятие самих себя]... заключается в том, что они не живут собственной человечностью, не относятся всерьез к собственной человечности, к собственной чувствительности, к собственному сознанию, а значит, и к собственной человечности»⁷⁴. В тот вечер я словно вновь начала дышать полной грудью».

Вот в чем суть: позволяя встрече проникнуть в нашу жизнь, принимая в расчет нашу нужду, мы тут же осознаем, насколько нам это соответствует, и первый знак, который мы замечаем в себе, – возможность дышать полной грудью. Письмо продолжается: «Ты помог мне понять саму себя, позволил мне понять, в чем проблема моей жизни. И я начала принимать всерьез все во мне: злость, печаль, трудности, несправедливость, боль и одиночество... Каждое утро я поднимаюсь и решаю [действие свободы] принимать всерьез все, ничего не отменяя. И то, что происходит со мной, – просто удивительно. Не в ходе интроспективного анализа, а на опыте я убеждаюсь, что, вовлекаясь в реальность, я никогда не остаюсь в одиночестве. Изумление и удовлетворение от этого растут и позволяют мне испытывать милосердие по отношению к моим братьям и моим бедным родителям».

Преодоление отдаленности Христа от сердца – за счет признания того, что Он первым победил ее – ведет и к преодолению отдаленности от дру-

⁷⁴ L. Giussani. *Vivendo nella carne*. Milano: Bur, 1998. P. 66

гих людей. «Кажется, я начинаю понимать, что именно это и есть правильная позиция, ведь я счастлива. Я открыла, что Иисус присутствует во всем, чем мы живем, если мы живем в правильной позиции, будучи уверенными в нашей полной зависимости! И это делает меня настолько довольной, что другим я кажусь человеком, лишенным проблем! [Проблемы никуда и не делись, но они больше не определяют ее.] В последнее время мне говорят, что я похорошела и спрашивают, что со мной происходит. А ведь я не молода, мне уже за пятьдесят! Спасибо, дорогой отец Хулиан! Я тоже хочу научиться методу отца Джуссани, хочу, чтобы он стал моих, хочу быть счастливой и наслаждаться жизнью в полной мере. Даже когда я вынуждена проводить воскресенье одна, готовясь к занятиям в школе или убирая, мне больше не страшно. Я поняла, что я не одна. Молюсь о тебе, о том, чтобы Богородица поддерживала тебя. С благодарностью».

Какой опыт доступен каждому, и не потому, что проблемы исчезают, а потому, что мы открываемся возможности принять всерьез предложение, сделанное нам отцом Джуссани.

2. В глубине наших ошибок – жажда спасения, потребность в прощении

Потребность в смысле, в судьбе, о которой мы говорили, неотрывно связана с другой глубочайшей потребностью, составляющей нас и хорошо нам известной, – потребностью в прощении, в милосердии, в искуплении после каждой ошибки, после каждого падения, или поражения, или промаха. И потому реалистичный взгляд на самих себя не может оставить ее без внимания, как не оставляет ее без внимания взгляд Иисуса.

Мы нуждаемся в совершенстве, в смысле, в любви, в справедливости, но по мере того жизни мы убеждаемся, что не в состоянии реализовать все эти нужды, и сталкиваемся с противоречивостью наших действий. Всем нам знаком (о чем свидетельствует и прочитанное мною письмо) опыт разрушения того, что мы любим (как часто это случается в отношениях с любимыми людьми, детьми), поражения там, где хотелось бы преуспеть, неспособности созидать в ситуациях, которые нам важнее всего, падений в круговорот ошибок, слабостей, ничтожности и неумения из него выбираться. Мы оказываемся бессильны, раздавлены нашими недостатками, беспощадно судим самих себя и чуть ли не доходим до того, чтобы считать себя недостойными прощения: кто нам поверит после всего, что мы натворили? Кто еще полюбит нас, если мы столь хрупки, столь неадекватны и непоследовательны? Вот самая неприятная, самая унижительная сторона нашей нищеты, нашей невозможности быть, о которой постоянно говорит нам Евангелие. Мы в точности как те «нищие», мытари и грешники, с которыми приходилось иметь дело

Иисусу. А в глубине ощущения собственной несостоятельности, неудовлетворенности, злости скрывается более или менее выраженная жажда прощения, ожидание взгляда, который позволил бы нам начать все заново, пусть даже порой мы не признаемся в этом и самим себе.

Евангельские мытари являются как бы прототипами нас самих, нередко оказывающихся в такой же ситуации. Их окружал менталитет, насквозь пронизанный морализмом и неизбежно проникавший и в них. Мы можем убедиться в этом по притче о фарисее и мытаре, молившихся в храме. Чтобы понять молитву мытаря, нужно взглянуть на него – подсказывает нам исследователь Иоахим Иеремиас – тем взглядом, каким на него смотрели окружающие, каким он сам смотрел на себя и каким, по нашим ощущениям, часто смотрят на нас другие люди, каким мы сами смотрим на себя, когда мы огибаем: «Мы должны увидеть мытаря глазами его современников. <...> Его гнетет боль отдаленности от Бога [он стоит в глубине храма и не смеет даже поднять голову]. Его положение, как и положение его семьи, в самом деле безнадежно, ведь, чтобы принести покаяние, он не только должен оставить греховную жизнь, то есть отказаться от профессии, но и возместить, воздать отнятые им деньги... Но откуда ему знать, скольких за свою жизнь он обманул? Безнадежно не только его положение, но и сама мольба о милосердии!»⁷⁵ Даже срока за зло, причиненное другим людям, может оказаться мало, чтобы вновь обрести желанный мир в душе, о чем свидетельствуют нам заключенные. Мы словно не в состоянии отделаться от зла, совершенного в отношении нас самих и известного только нам, и в отношении других людей.

Папа Франциск, комментируя некоторые евангельские отрывки, прекрасно описывает суть проблемы: «Никто из присутствовавших при том событии, включая падкого до денег Матфея, не мог поверить посланию, заключенному в указующем персте и отражавшемся в глазах, что взглянули на Матфея с милосердием и избрали его для следования»⁷⁶. Он словно не в силах был поверить в такую возможность. То же самое папа говорит и о Закхее: «Даже он сам не смел надеяться, что расстояние, отделявшее его от Господа, могло быть преодолено, и смирился с тем, что увидит Его лишь мельком»⁷⁷.

Как Иисус смотрит на нищету того, кто не смеет даже надеяться? Чтобы ответить, «мы должны отождествить себя с людьми, о которых повествует Евангелие, – утверждал отец Джуссани и тут же добавлял: – Но мы их не поймем и не отождествимся с тем, что они из себя представляли, если не отождествимся с Иисусом, произносящим: “Закхей”. Мы понимаем Закхея,

⁷⁵ J. Jeremias. *Le parabole di Gesù*. Brescia: Paideia, 1973. P. 175–176.

⁷⁶ Франциск. Аудиенция с «Общением и освобождением». 7 марта 2015 г.

⁷⁷ Франциск. *Ангел Господень*. 3 ноября 2013 г.

когда раздается слово “Закхей”. Мы понимаем, кем был Закхей в тот момент, когда Христос говорит: “Закхей, спускайся, Я иду в дом твой”. Подумайте, что почувствовал Закхей, как он вдруг взвесил все совершенные ошибки, о тяжести которых никогда не думал, как ощутил, чем был он сам и Тот, Кто звал его. Мы видим, что представлял из себя Закхей, отождествляясь со Христом»⁷⁸. «Эта близость, это присутствие, присутствие того, кто смотрит не в другую сторону, а на тебя, эта близость потрясает, и жизнь преобразуется. В самом деле, Закхей по дороге домой не говорил: “Сейчас Он скажет мне, что я украл сотню тут, полсотни там, сейчас...” Его переполнял взгляд Христа, и он отправился домой, чтобы приготовить обед для Того Человека, для Того Человека, Который взглянул на него»⁷⁹. Он был полон молчания.

Однако, чтобы пережить опыт прощения, недостаточно исполненно-го нежности присутствия Иисуса. Необходимо принять Его присутствие, сдаться Его прощению, Его милосердию, необходимо, подобно Закхею, сойти с дерева и побежать домой, чтобы принять Его. И тут в игру вновь вступает свобода. Об этом живо и драматично рассказывается на страницах некоторых романов, рекомендованных нам к прочтению. Подумаем о Безыменном Мандзони и о его встрече с кардиналом Федеригио: «Безыменный был поражен этой пламенной речью, этими словами, которые так определенно отвечали тому, чего он сам еще не сказал, что он еще не вполне решился сказать. Вздвигнутый и смущенный, он хранил молчание. “Так как же это?” – с еще большей теплотой продолжал Федеригио. – У вас есть для меня добрая весть, а вы так долго заставляете меня томиться?” – “У меня – добрая весть? У меня в душе ад – откуда же взять мне добрую весть? Скажите же, если знаете, что это за добрая весть, которую вы ждете от такого человека, как я”. – “А та, что Бог коснулся сердца вашего и хочет обратить вас к себе”, – спокойно отвечал кардинал. “Бог! Бог! Если б увидеть Его! Если б услышать! Где Он, этот Бог? <...> Если это Бог, такой, как о Нем говорят, зачем я Ему?” В словах этих звучало безнадежное отчаяние. Но Федеригио отвечал на них словно по наитию свыше: “Зачем вы Ему? Что Ему делать с вами? Вы – знамение Его могущества и Его благодати. Никто больше вас не может послужить к прославлению Его! <...> На что вы нужны Богу, спрашиваете вы? А даровать вам прощение? А спасти вас? А совершить через вас дело искупления? Это ли не славные и достойные Его дела?»⁸⁰

⁷⁸ ASAEMD. *Redazioni a stampa e dattiloscritti*. OR. STAMPA / 104. Assemblea con un gruppo di giovani che hanno iniziato il cammino vocazionale nell'Associazione Ecclesiale Memores Domini. Gudo Gambaredo (MI), 26 giugno 1993.

⁷⁹ Appunti dalla lezione agli esercizi spirituali dei novizi dei Memores Domini. Le Pianazze (PC), 7 agosto 1982, conservati presso la Segreteria dei Memores Domini, Milano.

⁸⁰ А. Мандзони. *Обрученные*. Пер. Н. Георгиевской. Гл. XXIII.

Вот где в высшей степени проявляется Его истина, вот где ослепительней всего сияет Его слава. Послушаем, что говорит дальше кардинал Федериго: «Подумайте только: если я, ничтожный, жалкий человек и все же столь преисполненный собой, если я, каков я есть, так сокрушаюсь сейчас о вашем спасении, что рад бы отдать за него – Господь тому свидетель! – весь остаток дней моих, – подумайте, как же велика должна быть благодать Того, Кто внушает мне милосердие к вам, столь несовершенное, но столь животворящее; как любит вас, как печется о вас Тот, Кто повелевает мной и внушает любовь к вам, снедающую меня». По мере того как слова эти слетали с уст кардинала, все лицо его, взгляд, все движения подкрепляли их смысл. Лицо слушавшего его, искаженное судорогами, вначале выразило изумление и внимание, потом на нем отразились более глубокие и менее тревожные переживания. Глаза, с детских лет не знавшие слез, увлажнились. Когда кардинал умолк, Безыменный закрыл лицо руками и разразился безудержными рыданиями, которые были как бы последним и самым ясным ответом⁸¹. Безыменный в конце концов сдается, и это отражается на его лице, которое из «искаженного судорогами» становится «изумленным и внимательным». Без такого движения свободы спасение никогда не станет моим. И это вовсе не означает, что нужно подменить собой Бога и спастись самостоятельно. Смысл в следующем: Бог, сотворивший нас без нашего участия, не может спасти нас без нас.

Сдаться на милость прощающего Присутствия, согласиться на спасение – вот в чем заключается постоянная драма свободы. Действительно, мы капитулируем на мгновение, а потом жизнь вновь становится тяжелой, и на первый план выходит наша мера в отношении самих себя. Так случилось с Мигелем Маньярой, главным героем одноименной мистерии Оскара Милоша: «Исповедавшись аббату, он продолжал ходить к нему и изливать перед ним свои грехи; он не мог “выкорчевать” их, не мог вырвать их: они были, были, он их совершил!»⁸². Мы тоже сталкиваемся с подобными трудностями. Как-то раз отцу Джуссани сказали: «Можно уйти с исповеди такими же, какими мы приступили к ней, подавленными нашими грехами». Отец Джуссани ответил: «Для подавляющего большинства людей исповедь не имеет силы, *non valet*, не обладает экзистенциальной плотностью, не влияет на существование, а уж на историю и подавно. Куда сильнее в них реакция, которая в определенный момент, возможно, через год, возникает при воспоминании о совершенных грехах: унижение, бремя последствий, особенно общественных. До тех пор, пока содеянное никого не затронуло, человек остается спокоен, но когда об этом начинают говорить в обществе или писать в газетах, оно становится

⁸¹ Там же.

⁸² L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* Op. cit. P. 388.

для него чем-то огромным и давящим. <...> “Я ошибся, я сделал...”: человек испытывает стыд, даже если никто другой о нем узнает. Я иду на исповедь, и образ того, что я натворил, затмевает величие и уверенность прощения»⁸³.

Если же во мне преобладает уверенность, взгляд Присутствия, то из чего это видно? Из того, что я возрождаюсь. Прощение возрождает, как в случае с Безыменным. «Только... действие нищеты способно оторвать меня от самого себя и позволить мне стать радостным: потому что Христос живет и Христос мой, Христос для меня (*Propter nos homines*). Это важно!»⁸⁴ Когда Мигель Маньяра после исповеди продолжает плакаться перед аббатом о своих грехах, тот поражает его своим немногосложным ответом: «Ничего этого никогда не существовало. Есть лишь Он один». Но необходимо сдаться. Отец Джуссани, комментируя этот эпизод, говорит: чтобы грехи больше не тяготили нас, чтобы быть «по-настоящему свободными, свободными от своих злодеяний», свободными от уже исповеданных грехов, «недостаточно исповедать их: все зависит от привязанности, ясности и уверенности в том, что Христос есть и что Христос есть прощение»⁸⁵.

«Мы хотим, чтобы спасение было заработано самим человеком»⁸⁶, – писал Пеги. Однако заработать спасение не значит произвести его собственными силами, собственным моралистическим усилием: речь о том, чтобы принять спасение, которое уже было дано нам Христом, которое есть Христос присутствующий, живой. Часто мы чувствуем себя обремененными именно из-за неготовности его принять.

Какая нищета нужна, чтобы принять прощение, воплощенное во Христе! Нужна нищета, «ставшая возможной, потому что Христос есть, Христово присутствие господствует, мой взгляд устремлен на Христа. Наконец-то выйти с исповеди свободными можно, если исповедь означает не что иное, как поход ко Христу. Когда приступаешь к исповеди с целью обрести мир через избавление от ошибок, которых ждешь от себя и назавтра, мира не обретаешь; если же ты знаешь, что по слабости твоей, то же самое может случиться и завтра, но все равно идешь на исповедь, глядя на Христа и говоря: “И все-таки я глубочайшим образом предпочитаю Тебя чему угодно, и все-таки Тебе я отвечаю да”, – это тебя освобождает»⁸⁷.

Захвывая до такой степени переполнял взгляд Христа, что «он вдруг взвесил все совершенные ошибки, о тяжести которых никогда не думал»⁸⁸. Благодаря тому взгляду в нем проявилась нищета духа, в нем зародилась на мгновение

⁸³ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Op. cit. P. 386–387.

⁸⁴ *Ibidem*. P. 388.

⁸⁵ *Ibidem*. P. 387.

⁸⁶ См. сн. 3.

⁸⁷ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Op. cit. P. 388.

⁸⁸ См. сн. 78.

нищета духа. С нами происходит так же. По крайней мере на мгновение мы замечаем в себе нищету духа, хотя часто за ней и не следуем. Дерзкому поступку Иисуса, отправившемуся на обед в дом Закхея, должно соответствовать не менее дерзкое движение человеческой свободы, принимающей Его. Однако порой наш внутренний фарисей начинает кричать: «Возмутительно! Невозможно! Не обманывайся, не думай, будто Он станет есть с грешником вроде тебя. Не воображай, будто тебя можно простить. Посмотри, о чем говорят все вокруг: «Он идет есть к грешнику!»» Так у Закхея, как и у каждого из нас, возникает сомнение! Понимаете, какой поразительный вызов поступок Иисуса представляет для Закхея и для нас? Никто не выразил его лучше святого Павла: «Едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками»⁸⁹.

Христос и сегодня продолжает бросать нам вызов, как когда-то бросил его Закхею, и делает Он это посредством определенного присутствия в истории: «Нет такого занятия или социального положения, нет такого греха или преступления, которые могли бы истребить из памяти и сердца Бога хотя бы одного из Его детей. «Бог помнит» всегда, Он не забывает никого из сотворенных им. И я говорю тебе: если на совести твоей лежит груз, если тебе стыдно за многие твои деяния, остановись ненадолго, не пугайся. Подумай о том, что кто-то ждет тебя, поскольку никогда не переставал помнить о тебе, и этот кто-то – твой Отец, Бог, ожидающий тебя! Поднимись, как Закхей, заберись на дерево желания быть прощенным, уверяю тебя: ты не останешься разочарованным. Иисус милосерден и никогда не устает прощать! Запомни хорошенько, Иисус таков»⁹⁰.

Чтобы принять объятие Христа, требуется радикальная нищета: нужно согласиться с тем, что мы бесконечно нуждаемся и потому целиком и полностью зависим от милосердия другого; нужно быть настолько нищими, чтобы не полагаться на то, чем мы обладаем, и не хвалиться своими заслугами. Необходимо высшее сознание о нашей подлинной нужде, о том, кто мы такие на самом деле. Это и есть истина о нас, лишенная каких-либо уверток: чтобы жить, чтобы вновь находить в себе силы, чтобы не падать под грузом наших ошибок, нам нужно прощающее нас присутствие, объятие, возвращающее нам возможность начинать с начала и смотреть на себя с положительной точки зрения. В общем, нужно быть настолько нищими, чтобы целиком и полностью зависеть от Иисуса.

Как мы уже говорили, недостаточно прощающего присутствия, требуется также движение свободы, принимающей прощение. Это становится

⁸⁹ Рим. 5, 7–8.

⁹⁰ Франциск. *Ангел Господень*. 3 ноября 2013 г.

ясно все в той же притче о мытаре и фарисее. Фарисеи, хотя и находились перед прощающим присутствием, не были готовы к прощению. Мытари же, напротив, даже ощущая на себе весь груз собственного зла, обладали крайней открытостью к прощению, они не мнили, будто обладают чем-то, на что можно опереться. Притча адресована как раз тем, кто в глубине души самоуверенно считает себя праведным и с презрением смотрит на других. Иисус говорит: «Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится»⁹¹.

Сейчас мы можем лучше понять письмо папы: «Бедняки... напоминают нам о сути христианской жизни. <...> Подобная нищета необходима, поскольку она выражает то, что в действительности составляет наше сердце, – нужду в Нем»⁹². Бедные, нищие открывают нам глаза на нужду, которую мы с легкостью заглушаем, забываем, прикрываем нашей временной уверенностью, удовлетворением, в котором успокаиваемся, иллюзией господства над вещами и контроля над жизнью. Ничто так не препятствует нашему свершению, как забвение нашей нищеты, нашей неумалимой потребности в другом, нашей потребности в смысле и в спасении.

Когда нам недостает сознания о нашей жажде смысла жизни, когда мы не вполне отдаем себе отчет в нашей ограниченности, в нашем зле, в нашем грехе, а значит, и в нашей потребности в прощении и спасении, это закрывает нас перед встречей с другим, со Христом. Нищета в уже упомянутом двояком смысле слова есть условие вхождения в Царствие Небесное, то есть принятия самого Присутствия Божия, того Присутствия, в котором Бог воплотился. Вот почему Иисус говорил: «Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» Ученики от Его слов растерялись, но Иисус опять сказал им: «Дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие. Они же чрезвычайно изумлялись и говорили между собою: кто же может спастись? Иисус, возрев на них, говорит: человеку это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу»⁹³.

⁹¹ Лк. 18, 10–14.

⁹² Франциск. *Письмо Хулиану Каррону*, 30 ноября 2016 г.

⁹³ Мк. 10, 23–27.

Однако Бог, сотворив нас свободными, не хочет переступить через нашу свободу. И Он первым выходит нам навстречу, предпринимает по отношению к нам инициативу, чтобы побудить нашу свободу, как говорит Гийом ди Сен-Тьерри: «Ты первым возлюбил нас, чтобы мы возлюбили Тебя, не потому, что Ты нуждался в нашей любви, но потому, что, лишь любя Тебя, мы могли быть тем, чем Ты сотворил нас. <...> Ты говорил через Сына, и это было не что иное как побуждение и стимул Твоей любви в отношении нашей любви к Тебе. Ибо Ты знал, Боже, Создатель душ, что любовь эта не могла быть навязана душам сынов человеческих, нужно было лишь побудить ее. Ты также знал, что, где принуждение, там нет свободы, а где нет свободы, там нет и справедливости»⁹⁴, то есть не может быть спасения.

Бог ожидает нашу свободу, не переставая нас прощать, о чем напоминает нам папа: «Благодаря Его милосердному объятию, мне хочется ответить и измениться»⁹⁵. А первое изменение, первое обращение состоит в том, чтобы сдаться, отдаться Его объятию. Первая активность – это пассивность, говорил нам отец Джуссани, то есть принятие того, что нам даруется⁹⁶. И как же нам нужно научиться нищете, о которой говорит нам папа! «Христианская мораль не в титаническом, волюнтаристском усилии человека, решающего быть последовательным и достигающего поставленной цели, – сказал он нам на аудиенции 7 марта 2015 года, – она не в вызове, бросаемом одиночкой всему миру. Нет. Это что угодно, но не христианская мораль. Христианская же мораль есть ответ, ответ, взволнованный удивительным милосердием, непредсказуемым и даже “несправедливым” с человеческой точки зрения, милосердием Того, Кто знает меня, знает мое предательство и тем не менее любит меня, ценит меня, обнимает меня и вновь призывает, не теряя на меня надежды и не оставляя ожиданий. Христианская мораль, – закончил свою мысль папа, – не в том, чтобы никогда не падать, а в том, чтобы всегда подниматься, опираясь на Его руку, поддерживающую нас»⁹⁷.

3. Радуется сердце мое, ибо Ты живешь, Христе

Тот, кто сознает, как безгранична его нужда, над которой склонился Христос, не может не воскликнуть вслед за отцом Джуссани, не может не произнести фразу, множество раз встречающуюся в его текстах: «Радуется сердце мое,

⁹⁴ G. di Saint-Thierry. Liturgia delle ore secondo il Rito romano. Lunedì della III settimana di Avvento. Ufficio delle Letture, seconda lettura // *Breviario Romano*.

⁹⁵ Франциск. Аудиенция с «Общением и освобождением». 7 марта 2015 г.

⁹⁶ «Именно пассивность образует мою изначальную активность, состоящую в приятии, констатации, признании». Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2000. С. 122.

⁹⁷ Франциск. Аудиенция с «Общением и освобождением». 7 марта 2015 г.

ибо Ты живешь [Христе]»⁹⁸. На нашу неспособность выносить самих себя, на нашу вопиющую слабость Бог отвечает Своим присутствием – воплощаясь, становясь нам спутником. Таким образом, «истина о человеке не сводится к очевидному наблюдению о том, как он ничтожен, она – в полной изумления и волнующей вести о том, что ничтожность эта любима. Любящее Присутствие, сильное и верное, превосходящее изменчивую и уязвимую хрупкость, составляющую человека, открылось как подлинное человеческое богатство. И вовсе необязательно очевидность нашей ничтожности представляет собой отправной пункт, точку отсчета, поскольку именно в важности вести об этом Присутствии человек может прозреть собственную наготу, собственную негодность и собственную убогость. Итак, Присутствие Другого есть содержание, уверенность и надежда человека; принимать это, утверждать это – вот существование как любовь. Ибо любить – значит утверждать, что Другой является твоей жизнью и что твоя жизнь – утверждение Другого. “Ты – это я”. “Не я живу, но Другой живет во мне” (святой Павел). Следовательно, ответ христианства на человеческую неспособность выносить самих себя – в смирении, которое становится любовью, то есть в признании собственной ничтожности, открывающейся сокровищу Присутствия»⁹⁹.

Чем больше человек видит, как из самых недр жизни поднимается его подлинная нужда, тем яснее осознает: ответом на нее не могут быть слова, а лишь присутствие в настоящем. Тот, кто сознает свою нищету, способен понять, что Христос вносит в историю. Именно это так воодушевляло отца Джуссани и заставляло его вновь и вновь повторять: «Радуется сердце мое, ибо Ты живешь, Христе». Так случилось и с учениками после смерти Иисуса: только присутствие было в состоянии ответить на плач, на печаль, на одиночество, которые их охватили по погребению. Но не всякое присутствие годится, ведь ученики по-прежнему держались вместе, но были напуганы и собирались за закрытыми дверями, разочарованные. Да, они видели чудеса, совершенные Иисусом, они ели и пили с Ним, о чем прекрасно помнили, но воспоминаний оказалось мало для победы над страхом. Лишь Его присутствие могло им ответить.

То же верно и для нас. Чтобы высвободиться из ловушек, в которых мы нередко застреваем, требуется присутствие в настоящем. Природа христианства – в событии, происходящем сейчас. «Словом “событие” называется происшествие, с которого все не просто началось, – оно пробуждает настоящее, определяет настоящее, наполняет настоящее содержанием, делает настоящее возможным. То, что мы знаем, или то, что мы имеем, становится опытом, если то, что мы знаем или имеем, дается нам сейчас: вот рука, протягивающая нам

⁹⁸ L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Milano: Bur, 2001. P. 148.

⁹⁹ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 196–197.

все это сейчас, вот лицо, выступающее на первый план сейчас, вот кровь, проливающаяся сейчас, вот воскресение, происходящее сейчас. Вне этого “сейчас” нет ничего! Наше “я” способно приходить в движение, испытывать волнение, то есть меняться, только лишь благодаря современности – событию. Христос – это то, что происходит со мной сейчас. Итак, чтобы то, что мы знаем, – Христос, все слова о Христе – стало опытом, нужно настоящее, провоцирующее и потрясающее нас, такое настоящее, каким оно было для Андрея и Иоанна. Христианство – Христос – есть именно то, чем оно было для Иоанна и Андрея [пример отдельно взятой истории, которую не подменишь никакими разговорами], когда они шли за Ним следом; представьте себе, как они были изумлены, когда Он обернулся! А когда они пришли в Его дом... Так происходит всегда, вплоть до сегодняшнего дня, вплоть до сего момента!»¹⁰⁰

Это событие, эта современность Христа есть единственный ответ на человеческую жажду: и такое событие существенно важно не только в самом начале, но и в каждый последующий момент. Вот почему папа утверждает: «Когда мы называем это первичное благовестие “первичным”, это не значит, что его нужно произнести в начале, а потом забыть или заменить другими более важными идеями. Оно первично в качественном смысле, потому что оно *главное*, потому что его всегда нужно снова и снова слышать в разных формах на всех ее этапах и стадиях. <...> Было бы ошибкой думать, что в ходе катехизации *керигма* прекращается, уступая место якобы более “серьезной” подготовке. Нет ничего серьезнее, глубже, надежнее, содержательнее и мудрее этого благовестия. Вся христианская формация – это, в первую очередь, развитие *керигмы*, которая обретает все более осязаемую плоть... Это благовестие отвечает на бесконечную жажду каждого человеческого сердца»¹⁰¹.

Уверенность в Его присутствии растет и поддерживается только благодаря личному опыту, подразумевающему участие нашей свободы, о чем постоянно говорит все тот же папа Франциск. Только личный опыт позволяет нам убедиться, «что совсем не одно и то же: узнать Иисуса и не знать Его. Отнюдь не все равно: идти с Ним или передвигаться вслепую... <...> Нам хорошо известно, что с Иисусом жизнь становится гораздо полнее и что с Ним легче найти смысл всего на свете»¹⁰². Вне этого «сейчас», где Он присутствует, нет ничего! Каждый из нас призван пережить такой опыт, чтобы достичь убежденности, о которой говорит папа.

Братство для нас – это место, где нас приучают к нищете, необходимой, чтобы признавать Его и быть способными бесстрашно смотреть на все, как пишет мне

¹⁰⁰ Л. Джуссани. Пасхальный плакат «Общения и освобождения». 2011 г.

¹⁰¹ Франциск. *Evangelii gaudium*, 164–165.

¹⁰² Там же, 266.

одна из вас: «В прошлое воскресенье у нас была встреча группы Братства, но я не хотела на нее идти, потому что наши встречи в последнее время кажутся мне бесполезными (они протекают не так, как мне хотелось бы). Мы работали над письмом папы Движению. В конце концов я решила довериться Богу, пошла и рассказала обо всем: о моих затруднениях, о первоначальном решении не приходить. Я поняла, что отправилась туда, чтобы научиться нищете и чтобы на первом месте для меня стояли не мои идеи, а лица тех, кто был передо мной. Для меня это стало открытием! Я словно поняла, а точнее, поняла заново, что значит принадлежать Братству: учиться быть нищей, то есть вновь приобретать изначальный, подлинный взгляд на того, кто перед тобой. А иначе зачем нам видаться каждые двадцать дней, если не с целью научиться такой нищете в отношении друзей и всех людей? Надеюсь, этот опыт укрепит меня и, когда я в следующий раз пойду на встречу группы без особого желания и спрошу себя зачем, во мне перевесит желание опять стать нищей во Христе!»

Именно в том месте, которое Тайна даровала нам, в нашем Братстве, чья жизнь включена в жизнь Церкви, мы можем научиться тому, о чем говорит нам отец Джуссани: как переживать все в свете отношения, перевернувшего нас: «Подобно сыну рядом с отцом, подобно ученику перед настоящим учителем, подобно другу вблизи сильного друга, человек [каждый из нас] видит *изнутри этого отношения* [разворачивающегося в настоящем] и действует с энергией, непрестанно *даруемой этим отношением*. Как будто первый объект нашего внимания – *Присутствие*, а не “долг”, который нужно исполнить. Как будто первый объект любви – *Присутствие*, а не реальность, которой нужно овладеть. Как будто первый источник, бьющий необходимой нам энергией, – *Присутствие*, а не наша этическая сила. Ясность нравственного суждения, исполненная привязанности склонность к правде, сила воли – все это вызревает как следствие. Действительно, личность целиком вовлекается в отношение с *Присутствием*, и в ней пробуждается тяга к добру. Нравственность в Церкви есть прежде всего событие – признание Присутствия и “пробывание” с ним. Жить памятью – вот мораль христианской святости»¹⁰³.

Мы меняемся, только если отдаем первенство этому Присутствию. «Что значит присутствие? *Sed super mel et omnia, ejus dulcis praesentia*. Его присутствие – самое благое, самое прекрасное, самое сладостное, что есть в нашей жизни»¹⁰⁴. Поставим себя еще раз на место Андрея и Иоанна, когда они находились перед Иисусом, «когда смотрели, как Он говорил (они до конца не понимали Его мыслей, не понимали всех Его слов): они никогда не встречали никого

¹⁰³ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. Указ. соч. С. 202–203.

¹⁰⁴ L. Giussani. *Ejus dulcis praesentia. La dolcezza come l'evidenza ultima del vero: del vero in azione // Tracce – Litterae Communionis*. Gennaio. 2003. P. III.

подобного, никогда не в состоянии были вообразить, что кто-то способен смотреть, обнимать, слушать настолько по-человечески, столь совершенно и всецело по-человечески, и нести в себе нечто странное, в полной мере безвозмездное, исключительное, превосходящее любую их способность предвидения»¹⁰⁵.

Это Присутствие меняет жизнь тех, кто его принимает, и преобразует историю: «Оно меняет ее через наше присоединение, через то, как мы смотрим, слышим, чувствуем вещи, касаемся их, используем их. «Присутствие» характеризуется таким изменением»¹⁰⁶. Мы знаем, что находимся перед Присутствием, поскольку оно меняет нас. Именно этот опыт переживает Безыменный Мандзони: он находится перед Его присутствием и понимает это, так как оно приводит в движение то в нем, что ему самому сдвинуть было не под силу, что, как ему казалось, сдвинуть было невозможно, о чем свидетельствуют «безудержные рыдания» Безыменного перед кардиналом Федериго.

Что же приносит в жизнь присутствие Христово, когда человек осознает его и отдается Ему? Устремление, желание Его, просьбу. «Просьба есть последний предел, таинственная граница нашей свободы. В просьбе задействована вся наша свобода. Христианин не безразличен к нравственному добру или злу и, осознавая собственную ничтожность, просит, молит, как нищий. Подлинная, основополагающая аскетическая практика заключается в просьбе. А просить на протяжении долгого времени можно, только если по-настоящему желаешь, чтобы произошло то, о чем просишь. Просьба является таковой, только если по-настоящему желаешь, чтобы произошло то, о чем просишь. Как говорит святой Августин в толковании на тридцать седьмой псалом, «молитва твоя – сами желания твои, и если постоянны желания, постоянна и молитва». <...> [А] Григорий Нисский [пишет]: «Душа поражена и изранена отчаянным страхом никогда не получить то, чего она желает, однако эта завеса печали срывается с нее, когда она постигает, что истинное обладание Тем, Кого она любит, состоит в том, чтобы вовек не прекращать желать Его». <...> Вовек не прекращать желать Его: вот событие отношения между человеком и Христом, источником непреходящего желания, вот встреча, пробуждающая человека, пробуждающая в нем способность желать Его всегда. Чему служит судьбоносная встреча, которую Бог позволил нам пережить, если не тому, чтобы помочь нам еще больше желать Бога? Желать Его непрестанно, в ясном и реалистичном смирении нашей слабости»¹⁰⁷.

Способность Христа пробуждать наше желание есть знак Его истинности. Спасение не совпадает с устранением желания. Наоборот. Святой Бернард

¹⁰⁵ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 26.

¹⁰⁶ L. Giussani. *Ejus dulcis praesentia. La dolcezza come l'evidenza ultima del vero: del vero in azione // Tracce – Litterae Communionis*. Gennaio. 2003. P. III–IV.

¹⁰⁷ L. Giussani. «Questa cara gioia sopra la quale ogni virtù si fonda...» // *Tracce – Litterae Communionis*. Op. cit. P. III–IV.

говорит: «Бога ищут не с помощью шагов, но с помощью желаний. А счастье от того, что нашел Его, не гасит желание, а разжигает его. Разве полнота ликования означает угасание желания? Напротив, она масло, подпитывающее его, ибо желание есть пламя»¹⁰⁸. Итак, ностальгия по Нему – верный знак пути, по которому мы шли до сих пор, она показывает, насколько следовали мы за Его инициативой. Каждый из нас может сказать, стала ли его ностальгия по Нему глубже или мы, напротив, отделились от Него. И это не обязательно означает, что мы не участвуем в чем-то, просто Христос нас уже не интересуется, мы не желаем Его, как в первый день, не желаем Его больше, чем в первый день. Спросим себя: мы сегодня еще сильнее нуждаемся в Его присутствии или же в нас вырос скептицизм? Мы отделились от Христа, переживали отношение с Ним формально, поскольку в действительности оно не было так уж необходимо для жизни, или же в нас стала еще глубже ностальгия по Нему? Ищем ли мы Его больше или меньше в сравнении с началом? Если из самого нутра нашего не рождается вновь и вновь желание искать Его, вера превращается лишь в груз, отягощающий жизнь.

Как видим, роль свободы неизменно важна. «Нравственность, – утверждает Джуссани, – есть устремление. Если бы она состояла в “исполнении” некой задачи, то уже не была бы устремлением. Безусловно, нужно стараться делать то, что мы должны. Однако называть нравственность устремлением – значит описывать позицию человека, постоянно обращенного к чему-то другому, готового быть поправленными, чтобы таким образом еще глубже проникнуть в реальность, которая его превосходит, “как небо выше земли”. Согласно словам Иисуса в Евангелии, мы не можем удовлетвориться никакими нашими делами: “Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие. Единственное, чем мы можем удовлетвориться, – утверждение Его, стремление к Нему. И потому мы в высшей степени нищие, ведь перед лицом тайны Бога человек ничто, и вся его сущность – полагаться на Него, быть послушным мгновение за мгновением»¹⁰⁹.

«Чувство, наполняющее меня в последнее время, – пишет одна из вас, – это благодарность за непрестанное предпочтение, которое Иисус оказывает моей жизни. Благодарность и взволнованность, преодолевающие возмущение моего все более и более нуждающегося сердца: нехватка, которую оно испытывает, становится самым дорогим, что у меня есть, хотя я и не всегда замечаю ее».

Во время святой мессы, которую мы сейчас будем служить, попросим, чтобы Он пробудил в нас всю ностальгию по Нему.

¹⁰⁸ Cfr. San Bernardo di Chiaravalle. Sermoni sul Cantico dei Cantici. Sermone LXXXIV // *Opere di San Bernardo*. Parte seconda. Sermoni XXXVI–LXXXVI. Vol. 2. Roma: Città Nuova, 2008. P. 612–619.

¹⁰⁹ L. Giussani. *Il rischio educativo*. Milano: Rizzoli, 2014. P. 47–48.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: 1 Ин. 1, 5 – 2, 2; Пс. 102; Мф. 11, 25–30

ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА ЭДОАРДО МЕНИКЕЛЛИ, АРХИЕПИСКОПА АНКОНЫ-ОЗИМО

Мир Воскресшего да будет со всеми вами.

Он, живое Присутствие, распускает грубые узлы лелеемой нами неволи и, что самое главное, как никто бросает вызов нашему желанию свободы посредством послушания в подражание Ему, сделал послушную любовь Своим завещанием и Своим славным знаменем.

Он, дорогие мои, стал нищим, чтобы понять нищего меня. Да насытит Он истинным богатством вашу и мою жизнь.

Я благодарен отцу Каррону и всем вам за это приглашение, которое побуждает меня молиться с вами и о вас и возобновляет во мне, укрепляет во мне то, что для вас и для меня называется принадлежностью и руководством на пути призвания.

Не знаю, получится ли у меня сказать вам что-то полезное. Скажу вам, запинаясь, кое-что о Том, в Кого верю.

В центре моего краткого размышления будет Пасха. Пасха, в благодати которой мы живем, напоминает нам и возвещает нам, что убедительность или, мы бы сказали, вера, это не очевидность идеи, и не владение чем-либо, и не удушающая совокупность правил, а явление Личности. Это духовное ядро, глубокое и таинственное, куда можно войти только посредством любви и свободы, которую она порождает.

Я полностью вживаюсь в тему ваших упражнений «Радуется сердце мое, ибо Ты живешь, Христе». Я бы добавил: «Я встретил Тебя, и Ты освободил меня». Здесь нам помогает духовный опыт святой Екатерины, литургическую память которой мы празднуем. Ее опыт – слияние глубокой любви, которую дает Христос, и любви ко Христу с любовью к Церкви и к истории, которая живет внутри нее. В таком союзе любви со Христом и с Церковью, во Христе и в Церкви, дорогие друзья, все привлекательно, все есть свобода. Эта встреча или, если хотите, открытие должно строиться, должно становиться пленительной очевидностью, и трудом, и свободой.

Вы могли бы спросить меня: «А ты на каком этапе? Осознаешь ли ты, что свободен, поскольку у тебя есть все, если у тебя есть Он? Замечаешь ли ты, что Он тебе современен?» Я не могу ответить вам, дорогие друзья, но могу сказать, что все это проходит в верности и через верность Пасхе, являющейся событием спасения, в котором нужно пребывать и жить, пребывая и живя в человеческом времени, отведенном нам.

Конечно, все мы знаем, что Пасха помещает мою жизнь ученика в поединок, где, как мы возвещали на Пасхальной Литургии, сразились жизнь и смерть, и из этого поединка Господь, бывший мертвым, вышел живым и торжествующим. Это главный пункт, который помогает каждому из нас пройти через историю, время, вещи. Как часто говорит папа Франциск, жизнь верующего ученика – это не социальный статус, это не способ переживать духовность, делающую меня хорошим и, возможно, отрешенным от истории. Такая жизнь, жизнь ученика, есть свидетельство верности и послушания.

И в этой связи я приглашаю вас кратко рассмотреть вместе со мной три важных взгляда Пасхи.

Прежде всего отметим узнаваемость Воскресшего. Я часто думаю, что нас больше пугает радость Воскресшего. Даже ученики сказали: «Это призрак». Нам больше пугает радость Воскресшего, чем скорбь о Распятом. Переживание опыта Христа Воскресшего – не ответ в виде эмоции и не открытие желанной компании. Скорее, это новизна, которая радует, которая создает манящее изумление, это Любимый, Которого ты никогда не потеряешь, это Судьба, это Тайна, Которая переполняет тебя. И в этом, дорогие друзья, по-моему, есть первая великая свобода: невысказанное возможно, Мертвый идет сейчас вместе со мной.

Второй момент – принятие дара, который дал нам Воскресший. Дар воскресшего – Дух. «Примите Духа», – сказал Воскресший испуганным одиннадцати. Именно Дух позволяет тебе признать, Кто Он, именно Он объяснит все о тайне Христа. И вот, дорогие друзья, здесь есть вся свобода, какая нужна. В Духе ничто не структурировано, ничто не старо, ничто не отдает плесенью. Нужно позволить Духу, дару Христа Воскресшего вести тебя, чтобы жизнь стала приносить плоды, чтобы жизнь, хотя и отмеченная крестом, стала праздником, чтобы освободить плоть от соблазнов, которые она предлагает. Сковать или пытаться сковать Дух и Его харизмы – самый большой грех против Пасхи. Возвещение о Воскресшем не плод наших слов, или нашей алхимии, или социального и пастырского анализа в постоянном поиске чего-то новенького. Возвещение о спасении проходит через повседневность и в повседневности, которой придает свежесть вдыхающий в нее жизнь Дух. Я хотел бы напомнить вам маленький отрывок из Евангелия. Иисус Воскресший является не через какие-то впечатляющие жесты, но в повседневности. Помните, что Он спросил у двенадцати на Тивериадском озере? «Дети, есть ли у вас какая пища?»

Я хотел кое-что сказать вам и надеюсь, вы отнесетесь ко мне милосердно. Я говорю это с глубоким волнением. У вас особенная и пленительная харизма: не застарьте ее, не превратите ее в ископаемое! Всегда спрашивайте себя: «Чего требует от меня дух Пасхи сегодня, сейчас?»

И третий момент: Клеопа и его друг, почти отчаявшиеся, ничего не желающие, мертвые внутри. «Они узнали Его в преломлении хлеба», – говорит Евангелие. Жест Пасхальной Вечери – это жест, дающий жизнь. Вспомним: «Взял хлеб» – это было Его Тело; «преломил» – то есть «принес Себя в жертву»; «подал» – Его хлеб передает и дает жизнь; «сие творите в Мое воспоминание» – это не просто жест, не имеющий никакого значения. «То вы сделали Мне»: во имя Его и странным образом Ему на пользу (нужно как следует понять это «Ему»). Поверьте мне, здесь мы видим евхаристическую пасхальную типологию верующего ученика и Церкви, общины верующих, хотя они и грешники. Мне нравится выражение дорогого отца Джуссани: «Нищета рождается из милосердия», – что значит: если ты любишь, то становишься нищим; или: если ты любишь, ты служишь нищему Христу, Которого видишь, сейчас!

Я хотел бы в этой связи оставить вам образ, который я увидел несколько дней назад и который кое-чему научил меня. В нашем епархиальном музее в Анконе уже какое-то время выставлен образ, посвященный делам милосердия, неизвестного (мне) художника Оливуччо ди Чиккарелло. Смотря на разные фигуры, я заметил, что над головой у некоторых изображен венец славы. Я посмотрел внимательно и увидел, что эти фигуры были все разные. Венец славы был изображен не над одной и той же фигурой, и я задался вопросом, почему так. Фигуры с венцом славы – это были не Христос и не святые, прославившиеся делами милосердия, венцы славы были над головами адресатов дел милосердия, потому что в них присутствует Христос. По-моему, в этом и заключается убедительное свидетельство ученика. Не старей, собирая! Будь молод, отдавая! Таким образом мы живем свободой. Аминь.

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Хулиан Каррон. Ваше Высокопреосвященство, хочу поблагодарить вас от имени всех друзей из Движения за то, что вы с такой радостью согласились быть здесь с нами в это утро, предложить нам свою компанию и возглавить совершение Евхаристии, где вы свидетельствовали нам о том, какой отклик в вас рождает Пасха. Мы благодарны за это свидетельство, потому что вы отдали нам что-то от себя и поделились самым дорогим. Благодарим вас, потому что вы всегда принимали нас в объятия там, где находились; наши друзья из Анконы всегда рассказывают мне, с каким уважением вы относитесь к благодати, дарованной нам Господом. Просим вас, как вы призывали

нас сегодня утром, молиться, чтобы мы были верными, потому что вы чувствуете, какая это благодать для всей Церкви – дар харизмы, данной отцу Джуссани. Поэтому мы действительно благодарим вас за все.

Кардинал Меникелли. Это я благодарю вас и очень надеюсь, что вы сможете быть радостью и отрадой Церкви. Спасибо.

* * *

Regina Coeli

Суббота, 29 апреля, вечер

На входе и выходе:

Иоганнес Брамс. Симфония № 4 ми минор, ор. 98

Риккардо Мути – Филадельфийский оркестр

«Spirto Gentil» n. 19, Philips-Universal

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

«Явлю силу Моего имени в радости на их лицах»*

«Твои глаза видели все и говорили, обращаясь к сердцу. / Слова несли в себе пламя и желание идти, идти вперед»¹¹⁰. Если мы внимательны к тому, что поем, то замечаем, насколько все связано: желание идти вперед рождается от взгляда, который все видит и обращается к сердцу, от слов, которые несли в себе пламя. Вещи скреплены внутренними узами, они не прилепляются друг другу снаружи, как нечто добавочное.

Давайте же попробуем посмотреть, что выявляется в жизни человека, когда с ним случается встреча, подобная той, которую мы описали сегодня утром, когда его пленяет взгляд, полный милосердия, когда он находит ответ на жажду смысла, на свою потребность быть прощенным. Мы заметим, как все проистекает из одного и того же источника, из недр нашего опыта.

В энциклике *Evangelii gaudium* папа Франциск утверждает, что «наибольшая проблема [христианской жизни] обнаруживается, когда возвещаемое нами отождествляется с вторичными темами, которые, несмотря на всю свою важность, сами по себе не показывают суть Благой Вести Иисуса Христа». Действительно, содержание христианского благовестия состоит в чем-то ином – в событии, движущем глубинами человеческого «я». Без взгляда, без слов, разжигающих пламя, человек «вынужден» идти вперед, он идет исключительно за счет усилия, а не из желания не потерять увиденное, не потому что он хочет жить и следовать за этим желанием.

Вот почему стоит «связать сказанное нами с главной сутью Евангелия, сообщающей нашим словам смысл, красоту и привлекательность»¹¹¹. Папа настаивает: «Как органичность добродетелей не позволяет исключить какую-

* Cfr. Confractorium della IV Domenica d'Avvento. *Missale ambrosianum juxta ritum Sanctae Ecclesiae Mediolanensis*. Editio quinta post typicam. Daverio: Mediolani, 1954.

¹¹⁰ C. Chieffo. *Andare // P. Scaglione. La mia voce e le Tue parole*. Milano: Ares, 2006. P. 272.

¹¹¹ Франциск. *Evangelii gaudium*, 34.

либо из них из христианского идеала, так и нельзя отрицать какую-либо из истин. Не следует уродовать целостность евангельской вести. Кроме того, каждую истину можно понять лучше, если связать ее с гармоничной целостностью христианской вести, и в этом контексте все истины обретают свою важность и освещают друг друга. <...> Евангелие прежде всего призывает [как мы убедились сегодня утром] ответить любящему и спасающему нас Богу... Ни при каких обстоятельствах нельзя затмевать этот призыв!» Если мы считаем его самоочевидным, если оставляем его в тени как нечто «уже известное», христианство неизбежно, хотим мы того или нет, превращается в морализм, поскольку иссякает его начало, исток, делающий его разумным и возможным: «Если этот призыв не сияет с силой и привлекательностью, то над нравственной цитаделью Церкви нависает угроза превратиться в карточный домик, и это наша наихудшая опасность». Так христианство перерастает в этику, в морализм и перестает быть христианством, потому что утрачивает свою истинность, даже если мы продолжаем повторять христианские слова. «В этом случае, – продолжает папа, – возвещаться будет не собственно Евангелие, а ряд доктринальных и моральных положений, обусловленных определенными идеологическими предпочтениями. Благовестие столкнется с риском утратить свежесть [интерес] и “благоухание Евангелия”»¹¹².

Рассмотрим один пример, помогающий нам понять вышесказанное. Представим себе погрязшего в махинациях Закхея, которого мы уже упоминали сегодня утром. Все его желание полноты свелось к накоплению денег. Но всего, что он заполучил, было мало. Именно поэтому, когда до него дошел слух об Иисусе, о Его речах и деяниях, о Его отношении к другим людям, Закхей не смог сдержать в себе желание идти, то самое, о котором говорилось в песне! Идти куда? К Нему, чтобы увидеть Его, пусть даже с дерева. Услышав же, как Он обратился к нему: «Закхей, спускайся, Я иду к тебе домой», – он уловил в этих словах ответ на всю свою потребность в прощении. Мы уже говорили сегодня утром: Закхей был до мозга костей проникнут господствовавшим вокруг него менталитетом и потому думал: «Не обманывайся, для тебя нет спасения!» Однако, когда неожиданно прозвучала фраза: «Я иду к тебе домой», – он с радостью принял Его. Евангелие донесло до нас слова Иисуса: «Ныне пришло спасение дому сему»¹¹³. Как мы понимаем, что спасение действительно пришло? Благодаря порыву, родившемуся в Закхее после непредвиденного посещения: «Господи! половину имущества моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо»¹¹⁴. Видите? Все связано.

¹¹² Франциск. *Evangelii gaudium*, 39.

¹¹³ Ср. Лк. 19, 1–10.

¹¹⁴ Лк. 19, 8.

Подумайте, сколько попыток, должно быть, предприняли фарисеи, чтобы заставить его измениться, как бросали они ему в лицо обвинения во всех его ошибках, но не сдвинули его и на миллиметр. Иисусу же это удалось, потому что Он посмотрел на него милосердным взглядом, достигавшим самой глубины его сердца. Это и есть христианство. Без своего истока христианство оно быть таковым, даже если мы используем христианские слова.

Лишь от опыта милосердия может родиться тихая радость, меняющая все. Вот почему папа выбрал для своего обращения к Церкви и миру заглавие *Evangelii gaudium* – «Радость Евангелия».

1. Радость, что всех дороже, рождающая все добродетели

Связь с гармоничной целостностью христианской вести не является результатом интеллектуальных ухищрений, сложных умозаключений или особых усилий. Она выявляется в опыте встречи со Христом. Отец Джуссани учил нас замечать ее в опыте тех, кто встретил Христа первым и о ком повествует Евангелие.

«Подумайте об Иоанне и Андрее: на протяжении всей их жизни не было для них настоящего более настоящего, чем настоящее того дня». Внимательно вчитаемся в эту фразу: «Не было для них настоящего более настоящего, чем настоящее того дня». Речь не о событии прошлого! Самое настоящее настоящее вечно остается настоящим. «Ничто с ним не сопоставимо, разве только обновление того дня во все дни их жизни. Они провели три года как набобы, но не потому, что обогнули мир на аэроплане или слетали на луну, а благодаря связи всего, чем они занимались (когда смотрели на жен, заботились о детях, ловили рыбу, встречались с друзьями), с Ним, в силу которой они следовали за Тем Человеком, и в их сердце уже не было места ни для чего другого»¹¹⁵.

То же самое случилось и с Закхеем: представьте, как он погрузился в молчание, как слух его наполнял тембр того голоса, а сердце – слова Иисуса, Того, Кто наконец-то позвал его по имени! Без сомнения, призыв этот эхом раздавался во всем, что Закхей делал; он был как магнитом притянут присутствием Того, Кто позвал его, «присутствием не того, кто смотрит в другую сторону, а присутствием того, кто смотрит на тебя. Такая близость потрясает, и жизнь преобразается»¹¹⁶ – жизнь Закхея и наша с вами.

Когда случается такой факт, все начинает вращаться вокруг него. «Для Закхея, – продолжает отец Джуссани, – Тот Человек сделался горизонтом

¹¹⁵ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Op. cit. P. 363–364.

¹¹⁶ Appunti dalla lezione agli esercizi spirituali dei novizi dei Memores Domini. Le Pianazze (PC), 7 agosto 1982, conservati presso la Segreteria dei Memores Domini, Milano.

всего, и потому все его мысли, все суждения становились выражением этого горизонта и ориентировались на него. То лицо (интересно будет увидеть его!), тот взгляд снизу вверх, те слова – и вот Закхей уже бежит домой: все в его жизни устремилось к тому горизонту, а потому в идеале он судил обо всем, думал и действовал, исходя из него, отталкиваясь от него, ориентируясь на тот горизонт»¹¹⁷. Все происходящее становилось событием в рамках горизонта, охваченного тем взглядом. Для жизни Закхея решающим моментом, благодаря которому каждый день он уже был не самим собой, но кем-то иным, то есть все в большей степени самим собой, стало испытанное потрясение и то воодушевление, какое он в себе обнаружил после.

Откуда рождалось воодушевление? От встречи с Тем Человеком. «Все было там, всю его жизнь все было там, было Тем Человеком, Который умер и Которого затем он видел воскресшим...»¹¹⁸ Воодушевление Закхея рождалось от потрясения, принятого и обнятого, – в каждый день, в каждое мгновение, когда он шел по дороге, когда находился в молчании, когда заблуждался, когда не выносил себя самого, от потрясения, охватившего его при встрече с Тем Человеком, от признания Его исключительного присутствия. Иными словами, воодушевление рождалось от веры.

Итак, «если мы сознаем, что Он пребывает среди нас... трудности нас не пугают. Как когда ребенок плачет ночью и будит мать: ее воодушевляет вера, и потому трудности не страшны. Воодушевление в некотором смысле означает делание всего божественным. Делать все божественным – значит смотреть на людей и вещи определенным образом, ощущать людей и вещи определенным образом, стараться относиться к ним по истине и никогда не уставать, даже до смерти. Именно вера воодушевляет нас»¹¹⁹.

Следовательно, вера есть признание великого присутствия Бога, ставшего человеком. Но о какого рода признании речь? Оно не равноценно созерцанию статуи, картины или памятника, находящихся перед тобой. «Вера – признание Тебя в событиях жизни, дня, в событии настоящего, мгновения. Вера – признание великого иного Присутствия, сопровождающего наше присутствие, малое и смертное»¹²⁰. Такое свободное признание не позволяет нашему недугу стать смертельным, а слабости – превратиться в ничто. Недостаточно утверждать правильные вещи: если это Присутствие не определяет мою жизнь изнутри, то оно остается вне меня. Необходимо свободное признание, чтобы Его присутствие начало трепетать в недрах нашего «я», в глу-

¹¹⁷ L. Giussani. *Qui e ora* (1984–1985). Op. cit. P. 442–443.

¹¹⁸ *Ibidem*. P. 424.

¹¹⁹ L. Giussani. «Questa cara gioia sopra la quale ogni virtù si fonda...» // *Tracce – Litterae Communionis*. Op. cit. P. 38.

¹²⁰ *Ivi*.

бине того, что мы делаем, а не в том, чего не делаем, во всем том, на что смотрим, чему подвергаемся, что выносим, даже когда ошибаемся. Именно такое признание, порождает, как в Закхее, радость от возможности принять Его в наш дом. «И принял Его с радостью», – говорится в Евангелии.

«Радость, что всех дороже, рождающая все добродетели, есть вера, есть радость от встречи, произошедшей с нами, есть радость от события, случившегося с нами, есть радость пережитой встречи, которая пробуждает в нас желание измениться». Отец Джуссани обращает наше внимание на недвусмысленные знаки, указывающие, как в нас прорастает желание, рождающееся от веры, от импульса, заданного встречей: «Верно или нет, что многие из нас, все мы испытываем желание блага, которого раньше в нас не было, жажду чистоты и справедливости, которой раньше не знали, замечаем в себе изумленное чувство красоты и великого чуда безвозмездности, или любви, о котором прежде и мечтать не могли? Мы начали желать всего этого в силу того, что с нами произошло». Как и в случае с Закхеем, «дражайшая радость веры, этот драгоценный дар веры, возгретый и оживленный во встрече, вселяет в нас желание быть лучше, вселяет в нас желание добродетели, вселяет в нас желание измениться согласно воле Божией. А желание изменения, которое не является истинным, если не становится просьбой, обращенной к Богу, уже есть импульс, движение блага в нашей жизни»¹²¹.

Что же меняется? Отношение с вещами. «Закхей переполнял тот взгляд, и потому он думал: “Я верну все, что взял”»¹²². Чудо встречи всецело преобразило жизнь Закхея. Вот почему он ничуть не боялся что-либо потерять, ведь имя, наполнившее все его существо, затмило собой прочие приоритеты и цели, из которых состояла его жизнь до того, как Иисус позвал его. Тот же опыт пережил и святой Павел: «Что для меня было преимуществом, то... почитаю за сор»¹²³.

«Именно благодаря Его милосердному объятию, – напомнил нам папа 7 марта 2015 года, – мне хочется ответить и измениться, именно от него может взять начало иная жизнь»¹²⁴. Посмотрим и в этом случае, как все связано: только если радикальная нищета, о которой мы говорили сегодня утром (то есть составляющие нас жажда смысла и потребность в прощении), находит ответ, изнутри единственного в своем роде опыта соответствия, из ощущения, что Он вошел в самые недра нашего «я» может как благодарность родиться и материальная нищета. Ничто не остается за рамками той новизны, какую Христос представляет для жизни человека. Если бы событие Хри-

¹²¹ *Ibidem*. P. 46–47.

¹²² Appunti dalla lezione agli esercizi spirituali dei novizi dei Memores Domini. Le Pianazze (PC), 7 agosto 1982, conservati presso la Segreteria dei Memores Domini, Milano.

¹²³ Флп. 3, 7–9.

¹²⁴ Франциск. Аудиенция с «Общением и освобождением». 7 марта 2015 г.

ста не касалось всего, включая наши карманы, оно не было бы истинным: не потому, что тогда оно оказалось бы слишком нетребовательным, но потому что не освободило бы нас в полной мере, не обладало бы достаточной притягательностью для того, чтобы освободить нас даже от материальных богатств, то есть не отвечало бы до конца на нашу нужду, игнорировало бы какую-то ее часть, и мы по-прежнему пытались бы удовлетворить ее собственными силами, за счет чего-то, чем обладаем. Но истина Христа, истина, которая и есть Христос, открывается Закхею в том факте, что Его присутствие затмило собой все остальное и затронуло даже содержимое его карманов.

2. Добродетель нищеты

Если мы принадлежим Христу, говорит отец Джуссани, если Христос присутствует в жизни, если Христос неотъемлем от жизни, тогда мы, подобно Закхею, «не принадлежим вещам, которые у нас есть», поскольку в нас преобладает нечто иное, нечто более важное, то, что зовется *нищетою*. «Богатство – это привязанность к себе, к собственной мере, к собственным представлениям. <...> Нищета коренится в сознании о том, что моя сущность не зависит от обладания теми или иными вещами». Отец Джуссани предупреждает нас, никому не делая послаблений: «Мы отождествляем нашу состоятельность с тем, чем обладаем», – эта фраза характеризует всех людей в нашем мире и может стать страшной перспективой в том числе и для нас»¹²⁵. Как только Христос превращается в событие прошлого, как только Он перестает определять настоящее, как только утрачивает в нашей жизни первенство и интерес, мы тут же начинаем заполнять жизнь другими вещами.

И что в результате происходит? Мы связываем надежду на счастье с тем или иным обладанием. Нищета же, напротив, состоит в том, чтобы не надеяться на вещи, выбранные нами. Готов поспорить, никто из вас не слышал такого определения нищеты, глубоко противоречащего любым сложившимся у вас представлениям о ней. Нищета есть добродетель, рождающаяся [обратите внимание на связь вещей!] от глубинной человеческой онтологии [от коренного изменения, которое Христос приносит в жизнь человека], состоящей в том, что человек – одно со Христом и пребывает в Христовом присутствии»¹²⁶. Именно благодаря этому нищета возможна.

Чтобы облегчить нам понимание, отец Джуссани, по своему обыкновению, вживается в евангельские рассказы и представляет себе следующую

¹²⁵ ASAEMD. *Registrazioni audiovisive*. OR. AUDIO / 1030. Ritiro di Quaresima. Lezione del pomeriggio del 19 febbraio 1983. Trascrizione della registrazione.

¹²⁶ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* Op. cit. P. 345.

ситуацию: «Если бы вы вошли в дом в те два или три часа, когда там были Иоанн и Андрей, и сказали бы: “Погоди минутку, Учитель, постой! Иоанн, Андрей, не хотите ли вы чего другого? Может, ваше счастье, ваша радость, ваша уверенность, ваш свет в чем-то другом? Не желаете ли вы чего-то другого?” – они бы вас прогнали взашей, как человек, созерцающий прекрасную картину, поступил бы с кретином, который стал бы ее заслонять: он бы взял его да силой оттащил в сторону! Если это Присутствие действительно присутствует, наша надежда может полагаться только на него, а не на то, чего хочется нам»¹²⁷.

Следовательно, нищета «делается возможной благодаря тому, что есть Христос, что присутствие, господствующее [в моей жизни] – Христово, что мой взгляд сосредоточен на Христе»¹²⁸. Это противоположность морализма. Нищета есть плод Его присутствия в нашей жизни, а иначе все превращается в «карточный домик», который вот-вот рассыпется. Если в нас нет нищеты, то не будет смысла ни в упреках, ни в разговорах, все они окажутся провальными. Вместо этого станем просить, чтобы Христос еще раз привлек нас к Себе, взял нас; вернемся к Нему такими, какие мы есть. Если мы не просим, значит, уже начали отдаляться. Кто из нас хотя бы на мгновение не был целиком и полностью захвачен Христом, встречей с Ним? Без этого мы бы не находились сейчас здесь, уверяю вас: никого из нас здесь не было бы! И потому нужно вглядываться в тот момент, в ту исходную точку, а когда нам чего-то не хватает, мы должны возвращаться к нему, словно нищие, и просить на коленях (как мы говорили вчера вечером), чтобы Господь сжалился над нами. В противном случае мы окажемся во власти всего остального и никогда не станем радостными, уподобимся дрейфующим минам.

На упражнениях прошлого года мы сказали, что «частный случай... [есть] краеугольный камень христианского представления о человеке»¹²⁹. Ни слова, ни призывы нравственного характера не имеют достаточной силы, чтобы захватить все наше существо и породить иной взгляд на вещи и иное отношение к ним. Только благодаря тому, что Христос присутствует в моей жизни, господствует в ней, наполняет ее, отвечает на ожидание моего сердца, – только благодаря этому я замечаю, что свободен от всего. Вне опыта Его господствующего присутствия любые призывы к нищете тщетны, им не хватает остроты, силы, чтобы изменить нас, а результат их осуществления оказывается противоположным желаемому. Вот почему, сведя христианство к этике, мы потерпим поражение по всем фронтам. Посмотрим на Закхея: фарисеи

¹²⁷ *Ibidem*. P. 345–346.

¹²⁸ *Ibidem*. P. 388.

¹²⁹ L.Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 82.

всеми мыслимыми способами призывали его изменить стиль жизни, но он даже не шелохнулся. Каждый из нас найдет подтверждение и в собственном опыте.

Быть нищим – значит «не подчинять собственную уверенность ничему, кроме настоящего... того, что *всегда* присутствует в настоящем». Таким образом, чтобы мы могли стать нищими, Христос должен присутствовать в настоящем, христианство должно быть событием настоящего (если нет события в настоящем, то нет и христианства). Итак, альтернатива следующая: либо христианство является событием, которое овладевает нами полностью, изнутри, позволяет нам переживать единственный в своем роде опыт преизбытка и поэтому освобождает нас от всего, от тех многочисленных крох, на которые мы возлагаем наши надежды, либо мы всегда будем во власти тех или иных вещей или проектов. Однако последнее равносильно признанию, что не существует ответа на нашу жажду, на нашу нужду, поскольку, даже если бы осуществились все планы, приходящие нам в голову, этого оказалось бы мало для подлинного свершения нашей жизни, в чем мы не раз убеждались на опыте. И тогда нам ничего бы не оставалось, как только плакать, и не оттого, что мы недостаточно последовательны, а от невозможности быть самими собой. Настоящее несчастье нас постигло бы, если бы Христос не существовал! Ведь тогда у нашего ожидания не было бы шанса найти ответ. Христос присутствует в настоящем: «Присутствие Иисуса есть в каждом дне, и всякий раз, входя в обстоятельства, вы краем глаза замечаете его там»¹³⁰. Именно на этом признании Его присутствия в настоящем основана наша надежда.

Отец Джуссани захватывающим образом развивает мысль, с которой ранее мы столкнулись и в словах папы, говорившем об «органичности добродетелей», и показывает, что нищета рождается от надежды, является «следствием распространения надежды до самых последних пределов. Надежда расширяет свои границы до края земли, до небесного порога, а нищета есть ее следствие»¹³¹. Почему от надежды – плода веры – рождается нищета? Потому что лишь человек, который обладает твердой уверенностью в будущем, опирающейся на твердую уверенность в настоящем, то есть на обладание Христом присутствующим, может не быть привязанным к тому, что имеет или с помощью чего планирует реализовать свою личность, может не связывать собственную состоятельность и надежды на счастье с обладанием определенными вещами, им самим выбранными. Подтверждение этому мы находим в повседневной жизни – как в положительном, так и в отрицатель-

¹³⁰ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Op. cit. P. 345.

¹³¹ *Ivi*.

ном смысле. Приведу один из множества примеров. Если в человеке нет уверенности, что жена или муж не бросит его через несколько лет со словами: «Знать тебя больше не желаю», – он ни за что не станет объединять имущество и, без всякого сомнения, предпочтет раздельное владение. Прийти к общей собственности можно, только когда есть надежда на будущее, в противном случае ничего не получится, потому что люди просто не в состоянии доверять друг другу.

«Мне важно, – подчеркивает отец Джуссани, – чтобы вы понимали это, потому что нет ничего важнее... Вера позволяет мне признать присутствующего Христа, я обладаю Христом и поэтому я уверен в будущем – вот что такое надежда». Только благодаря такой уверенности в будущем, вытекающей из отношения со Христом и зовущейся надеждой, я могу не привязывать мою состоятельность к имеющимся у меня вещам и быть свободным от всего. «Любая попытка человека закрепить свою уверенность в настоящем или в будущем (что одно и то же) за чем-то, что им определено, им выбрано, противостоит этой надежде». И в этом заключается великое заблуждение, ведь «ты не можешь основывать свою надежду на будущее ни на каком обладании, потому что то, чем ты обладаешь, завтра у тебя отнимет время или велосипед: велосипед наезжает на человека неожиданно, человек падает, падая, разбивает голову о тротуар и умирает, и вот ты идешь уже не на свадьбу, а на похороны»¹³². Насколько же это верно для каждого из нас! Почти не замечая, мы связываем надежды на будущее с достижением того или иного результата, с обладанием тем или иным человеком, той или иной вещью или ситуацией.

Итак, нищета есть следствие надежды, уверенности в том, что Христос все приводит к свершению, поскольку мы желаем именно Его присутствия в настоящем (а если человек не переживает такой опыт, никому не удастся оторвать его от того, чем он обладает). Вместе с тем она является условием «спасения» надежды: «Нищета спасает эту надежду на будущее, не препятствует этой надежде на будущее, ибо не позволяет нам возлагать надежду на *определенное* обладание в настоящем»¹³³. Благодаря этому становится понятно, о чем папа говорит в своем письме, когда называет нищету «матерью и стеной». Новое отношение со всеми вещами, именуемое нищетой, способно порождать: «Нищета порождает, она мать и порождает духовную жизнь, жизнь святости, апостольскую жизнь». Нищета порождает жизнь, а не несчастья. Она мать, «она же и стена, которая защищает»¹³⁴, – добавляет папа. Она защищает нас от привязанности к вещам.

¹³² Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* М.: Христианская Россия, 2007. С. 225–226.

¹³³ Там же. С. 224.

¹³⁴ Франциск. *Письмо Хулиану Каррону*, 30 ноября 2016 г.

Нищета, необладание, которое рождается от веры через надежду, в то же время является единственным подлинным обладанием, возможностью истинного и совершенного утверждения другого: «Нищету можно определить следующей фразой: она есть утверждение другого в качестве смысла самого себя. Утверждение другого в качестве смысла самого себя, для себя – это любовь, но с точки зрения динамизма, того, как это происходит, это нищета, поскольку она освобождает тебя от того, к чему ты прилепился бы. <...> Нищета – условие любви (в том числе и потому, что человек, ощущающий себя богачом, ни в чем сию минуту не нуждается; он пользуется, а не любит)»¹³⁵.

Теперь, когда мы вспомнили об истоках нищеты, спросим себя: как мы признаем, что с нами случился Христос, что нашу жизнь характеризует уверенность в Его присутствии и, следовательно, уверенность в будущем, зовущая надеждой? В чем нам открывается переживаемая нами нищета?

Отец Джуссани отмечает три момента, три следствия, или три знака.

А. Свобода от вещей

Поскольку благодаря Христу мое сердце словно разрывается от полноты, я свободен от вещей: «Нищета есть **свобода от вещей**, а также от лиц, наступающая как следствие ясного выявления Того, с Чьей стороны мы можем с надеждой ждать счастья, Присутствия, от которого мы ожидаем всего, которое и есть всё: «Ты всё для меня – был и есть», – говорила Ада Негри»¹³⁶. Мы можем с надеждой ожидать счастья со стороны Того, Кто присутствует в настоящем.

Таким образом, свобода от вещей укоренена в отношении со Христом присутствующим: «Если Христос вселяет в тебя уверенность, что Он исполнит то, чего позволяет тебе желать, тогда ты в высшей степени свободен от вещей... Ничто не порабощает тебя, ты ничем не связан, ничем не скован, ни от чего не зависишь: ты свободен. <...> Поэтому ты не являешься рабом того, что используешь, потому что ты раб только Того, Кто дает тебе уверенность в твоём счастье. Нищета открывается как свобода от вещей»¹³⁷.

Основание нищеты – в уверенности, что Бог исполняет то, чего позволяет желать. «На чем же основывается ценность нищеты? На уверенности в том, что именно Бог приводит все к свершению. Христос исполняет то желание, которое заронил в тебе: “Начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа”»¹³⁸. Обратите внимание на слова отца Джуссани. Он говорит, что основание – в уверенности. Речь не о рассуждениях и не

¹³⁵ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Op. cit. P. 369–370.

¹³⁶ *Ibidem*. P. 346.

¹³⁷ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* Указ. соч. С. 226.

¹³⁸ Там же. С. 226.

о моралистическом усилии, а об уверенности в будущем свершении, которая является одновременно уверенностью в присутствии, без которой мы неизбежно привязываемся ко всему остальному. «Нищета наступает, потому что более великая уверенность позволяет нам оторваться от того, к чему до сих пор мы были прикованы»¹³⁹.

Такую свободу мы видим, замечаем в нашем отношении к вещам, людям, событиям, происходящим в нашей жизни. Об этом говорил святой Павел: «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего»¹⁴⁰. Но подобная свобода возможна только в том случае, если Иисус «“неотъемлем” [от жизни]... присутствует в жизни». Лишь при таком условии можно «отказаться от того, что хотелось бы иметь: от денег, здоровья, девушки, карьеры, почестей, политического кресла»¹⁴¹. И потому нищета – это «устранение мирского обладания, означающего, что человек в большей или меньшей степени полагает надежду, а иными словами, смысл собственной жизни и состоятельность собственной личности на то, чем обладает или что планирует». Иисус советует: «Не заботьтесь о том, что вам есть или во что одеться; Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом». Но как это понимать? Как необходимость отказаться от одежды и еды? «Значит ли это, что не нужно планировать, как одеваться или что есть? Нет, не значит. Речь о том, чтобы обладать вещами и не полагать на них свою надежду, не связывать с ними состоятельность жизни»¹⁴².

Отец Джуссани не призывает нас пренебрежительно относиться к вещам. Действительно, по его утверждению, «определение нищеты, которое дает Иисус... не предполагает упразднение или игнорирование чего-либо: ничего, ничего [не упраздняется]!» Он напоминает нам фразу святого Павла, открыто заявляющего: «Все, что прекрасно, что благо, что достославно, что приносит известность, что похвала от других, то и делайте». Итак, подчеркивает отец Джуссани, нищета «есть отказ от определенного способа» обладания людьми и вещами, «а точнее, отход от того способа, в силу которого человек обращается с другим человеком или с вещью не согласно вселенскому порядку (замыслу Божию), не согласно чувствованиям Бога, но в соответствии с собственными чувствами, или, по-другому, в соответствии с собственной реакцией; [отрыв

¹³⁹ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Op. cit. P. 387.

¹⁴⁰ I Кор. 7, 29–31.

¹⁴¹ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Op. cit. P. 389.

¹⁴² ASAEMD. *Registrazioni audiovisive*. OR. AUDIO / 1458. Incontro della casa. Gudo Gambaredo (MI), 23 marzo 1970. Trascrizione della registrazione.

от] следования за своей реакцией, а не за объективным предназначением вещей». Таким образом, нищета ни в коей мере не означает обесценивания вещей, она заключается в «отдалении, позволяющем положительно смотреть на все без исключения, на все, что происходит». Я на все смотрю положительно и не полагаю надежд на людей и вещи, которые, даже будучи истинными и прекрасными, недостаточны, чтобы придать содержательность моей жизни. Так появляется иной способ смотреть на все – уважение. «Уважение означает, что ты смотришь на вещь, а в тебе господствует некое другое присутствие... смотришь на вещь, а краем глаза следишь за другой». Иными словами, «Тайна, творящая тебя, господствует во мне, пока я смотрю на тебя, пока думаю о тебе. Это и есть отдаление: ты мне не принадлежишь. И действительно, все мое отношение с тобой сводится к утверждению тебя»¹⁴³.

Б. Тихая радость

Каков признак нищеты, понимаемой как свобода от вещей? Тихая радость. «Из этой свободы от вещей, которая рождается от уверенности в том, что Бог Сам совершает все, вытекает другая отличительная черта нищей души – тихая радость»¹⁴⁴. Чем более зрелой, чем более привычной становится уверенность в том, что Бог Сам совершает все, чем больше в нас свободы от вещей, тем мы радостней. «Тихая радость не цветет ни на какой иной почве. <...> Тихая радость рождается исключительно на почве такого осознания нищеты»¹⁴⁵. Наша радость не зависит от того, чем мы обладаем, поскольку нас освободил Тот, Кто случился в нашей жизни. Исток нашей радости – в признании, что Христос есть, что Он присутствует.

Но кто убедит нас в этом, если все вокруг утверждают противоположное? Необходимо в нашей собственной жизни открыть истинность сказанного. Однако такое открытие доступно лишь тем, кто дерзает, кто соглашается на риск и проверяет, действительно ли отношение с присутствующим Христом освобождает и делает радостными, в каких бы условиях мы ни находились. Именно об этом свидетельствовал автор письма, которое я прочитал сегодня утром. Если мы не совершаем проверку, никто не убедит нас, и мы по-прежнему будем пытаться оправдать наше обладание вещами.

Отец Джуссани неустанно напоминал нам и показывал, какая динамика порождает радость: «“Я радуюсь” значит “Радуется сердце мое, ибо Бог живет”»¹⁴⁶. Именно тот факт, что Бог живет, что Он присутствует, вселяет

¹⁴³ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* Op. cit. P. 392, 395, 396.

¹⁴⁴ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* Указ. соч. С. 227.

¹⁴⁵ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* Op. cit. P. 347.

¹⁴⁶ L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Op. cit. P. 281.

в меня уверенность в прошлом, в настоящем и в будущем и в результате делает меня радостным. «Состоятельность жизни, счастье, уготованное нам будущим, не в том, что мы видим». Видимое и преходящее ничего не в состоянии гарантировать на будущее, а потому оно не может дать мне достаточное основание для радости. «Нельзя полагать надежды на то, что у тебя есть жена или невеста. От этого не рождается тихая радость, от этого рождается удовольствие, в той или иной мере преходящее, но не тихая радость, потому что тихая радость опирается на обладание, которое имеет бесконечную перспективу». Вот почему, даже когда воплощаются в жизнь наши проекты или когда нам удается достичь желаемого, мы какое-то время довольны, но не радостны. У тихой радости другой источник. И поэтому «нет более прекрасного описания тихой радости, чем следующее: имеющие да будут как не имеющие. Имею или не имею – все равно... А вот обладание чем-то, что длится вечно, не может оставить нас равнодушными! Если у тебя есть что-то, что длится вечно, тогда [меняется] любовь мужчины к женщине, любовь к другу, любовь к родителям, любовь к восходящему солнцу»¹⁴⁷.

В. Ты свободен, ибо ни в чем не имеешь недостатка

Если опираешься на нечто непреходящее, на божественное, то ни в чем не имеешь недостатка, «ибо все твое». Все твое. «Как это так: все твое?» – спрашивает отец Джуссани. «Потому что у тебя есть необходимое, у тебя есть все необходимое»¹⁴⁸. Поразительно, как его слова созвучны со словами святого Павла: «Все ваше: Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий»¹⁴⁹.

Вот какую нищету притягательность Иисуса порождает в истории и в нашей жизни, чтобы мы не оставались вечно прикованными к результатам наших проектов. Его присутствие настолько прилепляет нас к Нему, настолько переполняет, что освобождает нас, делает радостными, ведь мы ни в чем больше не имеем недостатка.

3. От первоначального порыва к борьбе всей жизни

Сделаем последний шаг. Мы уже ранее говорили, что от радости веры возникает желание измениться. Но это не происходит автоматически. Для Закхея, для всех тех, кого Иисус позвал и увлек за Собой, ничего не произошло авто-

¹⁴⁷ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* Указ. соч. С. 228–230.

¹⁴⁸ Там же. С. 231.

¹⁴⁹ I Кор. 3, 21–23.

матически. Закхей, по словам отца Джуссани, «был переполнен тем взглядом, вследствие чего подумал: “Отдам все, что я взял”. Но следствие это длилось всю жизнь, потому что не являлось автоматическим». Желание принадлежать Ему с самого начала всеохватно. Но раскрывается оно не автоматически и продолжается всю жизнь. Вот почему никто не должен судить о себе с позиции какой-либо меры, поскольку в отношении с Тайной никакой меры нет: «Каждый из нас знает, с каким порывом отдаст себя и как потом отступает, и потому речь идет о борьбе всей жизни. Однако то, что позволяет жизни преобразиться, стало фактом». В нас уже есть «вирус» (естественно, благотворный), Его присутствие уже проделало брешь в нашей жизни. «Это противоположность эпизоду с богатым юношей (Мф. 19, 16–30), которому Христос говорит: “Пойдем со Мной”, – то есть: Я хочу быть рядом с тобой. В Евангелии сказано: “Он отошел с печалью”, – юноша богатый и печальный». Итак, какая же альтернатива встает перед нами, если исходить из всего того, о чем мы говорим и что так часто видим в нашем мире: «Можно быть либо преобразенными, либо печальными, поскольку, после того как Христос позвал, нельзя недвижно оставаться на прежнем месте». После того как Христос позвал нас, вышел нам навстречу, нельзя оставаться такими, как раньше: «Можно быть либо преобразенными, либо печальными... ты либо становишься все печальнее... либо преображаешься»¹⁵⁰ в силу той новизны, которую Христос принес в твою жизнь. Действительно, можно иметь в избытке деньги, проекты, идеи и все же быть печальным.

Однако преобразование не наступает механическим способом – один раз и навсегда. Закхей не вычеркнул из жизни всех своих ошибок чисто автоматически. «Ощувив, как тот взгляд и тот призыв охватили его, Закхей сказал: “Раздам половину своего имущества и отдам в четыре раза больше, чем украл», но, наверное, через два дня он рассердился на жену, а через неделю – на детей, и из-за горизонта, открытого, очерченного тем лицом и тем голосом, который позвал его, Тем Человеком, Который пришел в его дом, он ощутил острую боль от того, что обидел свою жену. И на другой день, положим, он попросил у нее прощения или ничего не сказал ей. А еще на другой день, через два часа после окончания предыдущего дня он рассердился снова. Итак, если последовательность есть правило этического пути, пути нравственности, то на последовательность мы не способны! <...> Последовательность – благодать, обновление удивительной встречи с тем, является тобой в большей степени, чем ты сам, без чего ты не был бы самим собой»¹⁵¹.

¹⁵⁰ Appunti dalla lezione agli esercizi spirituali dei novizi dei Memores Domini. Le Pianazze (PC), 7 agosto 1982, conservati presso la Segreteria dei Memores Domini, Milano.

¹⁵¹ L. Giussani. *Qui e ora. 1984–1985*. Op. cit. P. 432–433.

Встреча с Иисусом вложила в руки Закхея метод, состоящий в том, чтобы впустить в жизнь присутствие, а не полагаться на собственные моралистические усилия, уже доказавшие свою неспособность менять нас. Христианство, как я говорил ранее, есть событие. Когда же оно превращается в морализм, сама природа его меняется. Оно перестает быть христианством, хотя мы и продолжаем произносить христианские слова.

Помните, что сказал нам папа на площади Святого Петра? «Христианская мораль есть ответ, ответ, взволнованный удивительным милосердием, непредсказуемым и даже «несправедливым» с человеческой точки зрения, милосердием Того, Кто знает меня, знает мое предательство и тем не менее любит меня, ценит меня, обнимает меня и вновь призывает, не теряя на меня надежды и не оставляя ожиданий. Христианская мораль не в том, чтобы никогда не падать, а в том, чтобы всегда подниматься, опираясь на Его руку, поддерживающую нас»¹⁵².

Присутствие Христа вносит в жизнь борьбу. Почему? Вот как отвечает отец Джуссани: «Христианство в такой степени есть дар, преподнесенный нашей природе... [что христианин] то есть тот, кто живет обращением, а значит и сознанием о своей принадлежности Христу... тот, кто живет памятью о Христе, является другим человеком... Это новое рождение». В этом-то и проблема: хотя новое рождение уже произошло, хотя уже случилась встреча, «мы по-прежнему созданы из плоти и крови, рождены от наших отца и матери. “В беззаконии зачала меня мать моя”... Верно, мы остаемся внутри гроба, в удушающих границах плоти, в которой продолжаем рождаться, и это второе рождение словно в высшей степени чуждо нам». В результате мы наблюдаем следующий «феномен: поскольку вера нам была дана, к тому же во встрече поистине благодатной, поистине судьбоносной (кто знает, как Богу такое удалось!), в какие-то мгновения наша душа поднимается, перед призывом наша душа “пробуждается”, приходит в движение, однако затем мы вновь начинаем смотреть на повседневную жизнь пустым, ни за что не цепляющимся, тяжелым, ограниченным, подавленным взглядом. Эти два момента мысли и взгляда на нас самих словно никогда не связываются между собой, разве только извне». Как мы вчера сказали, они соединяются разве только с позиций «морализма [или формализма]: то есть, поскольку у нас есть вера, мы не можем делать определенные вещи, тогда как другие делать нужно. <...> [Поэтому] то, что делается или не делается, не является выражением нового сознания (обращения), истины о нас [которая рождается изнутри], это словно оплата пошлины, адресованной чему-то внешнему, пусть даже благоговейно и глубоко признаваемому и уважаемому»¹⁵³.

¹⁵² Франциск. Аудиенция с «Общением и освобождением». 7 марта 2015 г.

¹⁵³ См. сн. 30.

Сейчас мы можем лучше понять важность того, о чем напоминал отец Джуссани в отрывке, который я цитировал вчера вечером: «Если любое действие нашего Движения не порождает в самой глубине конкретных дел нашей жизни призыв к памятованию о Христе, то нет в нем никакой ценности. И даже хуже, в таком случае оно усугубляет положение человека, поскольку благоприятствует формализму и морализму»¹⁵⁴.

Альтернатива, отсылающая нас к причинам борьбы, ясна: «Или Бог есть жизнь, или Он как будто стоит за нашей дверью»¹⁵⁵. Именно здесь в игру вновь вступает тайна человеческой свободы («Мы хотим, чтобы спасение было заработано... самим человеком»¹⁵⁶, – пишет Пегги). И как же это происходит? «Возражение, касающееся нашей плотской природы, возражение, касающееся гробового бремени, каким давит на нас ограниченность повседневных вещей, возражение, в силу которого мы живем в безразличии, в цинизме или же с чувством отворачивания или скуки в зависимости от момента, от душевного состояния – все это должна охватить и пронзить христианская надежда, всему этому она должна бросить вызов, бросить вызов сейчас»¹⁵⁷. Но тут никак не обойтись без нашей свободы.

И потому борьба продолжается, и лишь тот, кто остается верен, кто соглашается на сроки, нужные человеку для изменения, которое происходит при участии нашей свободы, – лишь тот сможет увидеть триумф, победу Христа в жизни. Именно на этом уровне мы в состоянии понять значение и цель нашего совместного пребывания, как напоминает нам отец Джуссани: «Братство просто-напросто помогает нам жить истиной о самих себе во всех наших делах ... а истина о самих себе, переживаемая во всех делах заключается в том, что мы принадлежим Другому. [Мы часто думаем:] “Как? Я? Такой, как я?!” Да, такой, как я, я, такой, какой я есть, всецело принадлежу Другому»¹⁵⁸. Даже если я продолжаю ошибаться, произошедшее со мной уже не исчезнет: это событие, которое закрепляется у самых истоков моего существования. Я навсегда отмечен встречей. Мы отдаем себе в этом отчет, когда человек уходит из Братства, но тем не менее не может не испытывать ностальгию по тому, чем жил раньше (если ему приходилось переживать что-то по-настоящему важное).

Мы вместе, поскольку надеемся, что «сознание... о принадлежности Христу» облечет «повседневные вещи, повседневную жизнь, повседневные действия в семье, на работе, в Движении, в обществе». В противном случае

¹⁵⁴ См. сн. 29.

¹⁵⁵ См. сн. 30.

¹⁵⁶ См. сн. 3.

¹⁵⁷ L. Giussani. *Una strana compagnia*. Op. cit. P. 195–196.

¹⁵⁸ *Ibidem*. P. 196.

христианство утратит для меня всякий интерес, так как я, по словам отца Джуссани, в конце концов «стану задыхаться в цинизме, в удовлетворенной поверхностности или в отчаянии скуки»¹⁵⁹.

«Чтобы надеяться, дитя мое, надо быть очень счастливой, надо получить, принять великую благодать», – пишет Пеги. Надежда на то, что Христос охватит нашу повседневную жизнь, каждое ее мгновение, возникает от большого счастья, от великой благодати, полученной нами. Отец Джуссани тут же утверждает: «Друзья мои, великая благодать есть реальность, к которой мы принадлежим и которую Церковь назвала Братством, великая благодать есть этот опыт веры». Мы все здесь находимся, поскольку «в один прекрасный момент почувствовали что-то невыразимое, что-то уловили, испытали некое ощущение, предчувствие, эмоцию, услышали убедительные нотки: вот великая благодать, которую Бог дал нам со всем тем тактом, с каким Он обычно действует в человеческой жизни, с тем тактом, с каким свобода Бога уважает нашу свободу. Нам была дарована благодать веры, которую мы предощутили как нечто глубоко убедительное, соответствующее и, более того, идентичное жизни. Это должно вселять в нас огромное счастье! Вот в чем суть. Это должно вселять в нас огромное счастье, ведь без веры даже лицо любимой женщины, как сказал бы Честертон, было бы подобно имени, написанному черным мелом на черной стене темной комнаты». Наша надежда состоит в том, что «Он, начавший в нас Свое дело, доведет его до свершения. Нужно только позволить Ему войти сквозь узкое отверстие, сквозь узкое отверстие того глубинного благоговения, уважения и разумения, которые не позволяют нам вырвать Его из себя с концами. Нужно позволить Ему проникнуть в нас через эту трещину»¹⁶⁰.

Как можно всегда жить сознанием о Присутствии, от которого мы ожидаем всего? Джуссани указывает нам простой и надежный путь: «Необходимо вновь и вновь переживать моменты сознательности и быть внимательными к месту, где Сам Христос пробуждает наше сознание»¹⁶¹.

А. Итак, первое указание связано с повторением моментов сознательности. Речь, в первую очередь, о молитве, то есть о просьбе и памятовании, о непрестанном осознании того, что мы со Христом – одно. «Такое сознание не приходит автоматически [для него всегда требуется свобода]. Ты должен хотеть этого, желать этого! То, что в тебе сухо [такое часто случается], что ощущается на языке, как пемза, становится сладким на вкус, если продолжайешь водить языком по этой пемзе и испытывать ту сухость, какую человек

¹⁵⁹ *Ibidem*. P. 196–197.

¹⁶⁰ *Ibidem*. P. 197–198, 202.

¹⁶¹ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Op. cit. P. 346.

представляет сам по себе. И человек, и вселенная были бы в его сознании огромным скоплением пересохшей пемзы, если бы он не просил о том, чтобы знать и чувствовать, если бы первым делом не “намеревался осознать это, помнить об этом как можно больше в течение дня”. Вот что такое молитва! <...> Именно так человек становится человеком: постоянно возвращаясь... к моментам сознательности»¹⁶².

Б. Второе указание касается внимания к компании по призванию. «Бог, творящий небо и звезды, утвердил место, где ты становишься сознательным. Что это за место? Компания по призванию, компания призванных вместе с нами, имеющая своим местом – в узком смысле слова – область времени и пространства (пространство – то, куда ты направляешь стопы; время: часы, минуты), где эта компания собирается, где компания призванных вместе выражает себя. Компания по призванию – та компания, которая, самовыражаясь, призывает тебя. Если ты рассеян, она не призывает ни к чему, но если внимателен, если хочешь быть, стать самим собой, то признаешь, что компания существует, чтобы призывать тебя к этому. Разве не с такой целью мы были собраны вместе? <...> Ты не можешь находиться в компании или думать о ней и не чувствовать тем или иным образом призыв к этой глубочайшей истине»¹⁶³.

Так мы подходим к третьему указанию, вытекающему из второго. Нужно переживать обстоятельства по-новому. Действительно, компания своим призывом раскрывает значение обстоятельств, которые в свою очередь и сами становятся... непрерывным призывом к осознанию Его присутствия. «Компания призывает тебя к удивительному явлению, она потихоньку напоминает тебе, что у всего есть смысл, все напоминает тебе об этом, все: полевой цветок, плод на дереве, дитя, рождающееся на свет...» Иисус предложил ученикам смотреть на всю реальность как на знак Его присутствия. «Компания по призванию приучает тебя каждый момент и каждое обстоятельство (на работе, в пути, в молчании, в игре, в пролетающем времени, в трамвае, в поезде [или когда нам кто-то сильно надоедает, или когда кто-то очень нравится, или когда мы слушаем музыку]) превращать в призыв к истине о твоём “я”, к участию в бытии»¹⁶⁴. Все отсылает нас к памяти о Нем.

Только если мы все больше облакаемся во Христа, может возникнуть новый способ обращения с вещами – нищета, предполагающая использование вещей ради судьбы. Такому обращению нужно учиться. «Мы призваны совершать некую работу... <...> Нищета – наша инициатива; если она не

¹⁶² L.Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* Op. cit. P. 348–349.

¹⁶³ *Ibidem*. P. 349.

¹⁶⁴ *Ibidem*. P. 350.

является нашей инициативой, то это не нищета. Нищета есть акт свободы, она не в том, чтобы терпеть лишения, а чтобы браться за что-то и идти вперед, браться за что-то и созидать, браться за что-то и тем самым отвечать на призвание Бога»¹⁶⁵.

Как воспитать в нас подобную нищету? Совет отца Джуссани и в этом случае прост и легок в применении: «нужно возвращаться к моментам сознательности», к тем моментам, которые наряду со школой общины всегда были характерной чертой нашего пути.

Общий фонд

«Ежемесячная поддержка общего фонда всего Братства, подразумевающая жертвование, служит укреплению сознания о нищете как о евангельской добродетели. Как говорит святой Павел, “мы ничего не имеем, но всем обладаем”. Истинный способ обладания всем состоит в том, чтобы ото всего оторваться. Можно взять на себя обязательство лишь в сто лир, но отдавать их верно – тогда этот жест, конкретный и цельный, становится напоминанием и обретает основополагающую значимость. Человек, не следующий этим указаниям, не может считать себя частью Братства»¹⁶⁶.

Меня поражает категоричность утверждения отца Джуссани, показывающая, насколько тесно для него связаны участие в общем фонде и принадлежность: «Ничто так не свидетельствует о нашей принадлежности [о нашей желании принадлежать], как верность общему фонду». Вот почему мы без усталости напоминаем друг другу о важности этого момента. Отец Джуссани не только излагает нам весьма четкое понимание нищеты, но и предоставляет инструменты, доступные любому человеку, чтобы мы легко и просто могли приучать себя к этому измерению христианской жизни. Получая предложение участвовать в общем фонде, каждый должен спросить себя, почему он делает взносы, кто побуждает его к этому. А чтобы ответить, необходимо вспомнить все то, о чем мы говорили. «В неблагоприятные в психологическом плане и обременительные с точки зрения принятой на себя ответственности моменты нужно напоминать об общем фонде как о простейшем проявлении аскезы, принадлежности: скажите вашим друзьям, что внесение денег в общий фонд есть форма молитвы, выражение *pietas* [благочестия]»¹⁶⁷.

Зная, что мы с легкостью скатываемся в схематизм и формализм, отец Джуссани уточняет: «Именно в этом заключается символическая и воспи-

¹⁶⁵ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* Указ. соч. С. 241–242.

¹⁶⁶ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. Cinisello Balsamo (MI): San Paolo, 2002. P. 246–247.

¹⁶⁷ *Ibidem*. P. 90–91.

тательная ценность жертвы, касающейся общего фонда. Кто-то, возможно, не в состоянии делать ничего другого, и тогда общий фонд становится его приношением Христу, его способом участия, выражением его желания быть в распоряжении той реальности, которая видится ему великой, той реальности, которую Христос создал в Своей Церкви и которую мы зовем нашим именем – “Общение и освобождение”. Кто-то, возможно, только и может, что жертвовать в общий фонд, и эта жертва буквально становится как бы его молитвой. Но если человек вкладывает все сердце, делая минимум, лишь минимум, но от всего сердца, он неизбежно будет стремиться к максимуму»¹⁶⁸.

Об этом написал один из вас: «Дорогие друзья, недавно мы с женой неожиданно получили определенную сумму денег. К счастью, у нас нет неотложных материальных нужд, и к тому же мы научились тому, что все нам дается с определенной целью – помочь всем узнать Христа». Смотрите, по каким причинам они решили сделать пожертвование! Не связанный со всем остальным, взнос превращается не более чем в налог, которым однажды можно спокойно пренебречь. Письмо продолжается: «Братство – это наш “дом”, место твердой уверенности, где мы на опыте переживаем объятие Христа и откуда обнимаем весь мир». Видите? Он не читал всех текстов, процитированных мной, но пережил опыт, которым поделился с нами: в этом месте – “нашем доме” он научился обнимать весь мир. «Поэтому мы решили сделать внеочередной взнос в общий фонд». Если мы не связываем все происходящее с истоком, любое действие становится поверхностным. Отец Джуссани предложил нам участвовать в общем фонде, чтобы помочь нам воспринимать и переживать каждую деталь в связи со всем остальным.

Недавно мы отправили членам Братства письмо с просьбой обновить личные данные на сайте. Дело в том, что со стороны некоторых людей, записанных в Братство, мы вот уже несколько лет не имели никакого отклика. Казалось бы, речь о формальности, но ответы, полученные нами, стали неожиданностью: кто-то сообщил, что пошел другим путем, а кто-то наоборот желает возобновить отношения, кто-то рассказал об одиночестве, а кто-то – о стыде оттого, что может отдавать в общий фонд совсем немного. Все это свидетельствует о необходимости быть ближе друг к другу.

Прочитаю вам некоторые из этих писем. «Я больше не делал взносов в общий фонд, однако, получив твое письмо, вновь испытал чувство принадлежности “чему-то”, что встретил много лет назад. Я просто “потерялся” в текущих проблемах». Именно ради этого мы вместе: даже если ты сбиваешься с пути, кто-то всегда постучит в твою дверь.

---

¹⁶⁸ *Ibidem.* P. 75.

Другой человек с сожалением сообщает о невозможности приехать на упражнения из-за работы, а потом добавляет: «Что касается общего фонда, я перестал делать взносы по причине финансовых проблем, а затем, со временем, это превратилось в невнимательность, и я забыл о том, как именно этот простой момент научил меня делиться».

Кто-то из вас столкнулся с трудностями: «Увы, нынешний кризис вынудил меня сделать драматический выбор... Я не говорил об этом с моей группой Братства. Гордыня не позволяет мне даже участвовать в упражнениях из-за нехватки денег».

Есть те, кто чувствует одиночество, но в то же время, хочет начать все сначала: «Скажем так, я весьма невнимательна, однако, получив письмо, я ощутила грусть от собственной небрежности. Я бы хотела попробовать взять ситуацию в руки и начать все сначала».

Кто-то вспомнил, что перестал делать взносы из-за технических проблем в банке: «Конечно, это не оправдание. Причина в моей человеческой слабости». Ничего страшного, друзья мои! Именно поэтому мы и позволяем себе время от времени потихоньку стучать в вашу дверь, чтобы напоминать о том, почему мы вместе.

Серьезное отношение к участию в общем фонде может помочь человеку открыть что-то о себе и для себя: «После восьми лет очень трудной работы по временному контракту, меня наконец приняли на штатную должность врача. Я сразу подумала о том, чтобы увеличить мой взнос в общий фонд в знак благодарности. Это место превратило годы временной работы в возможность спросить себя, чего я стою и что составляет ценность моей личности». Посмотрите, какую связь заметила наша подруга: «Мою ценность определяет не зарплата или форма контракта, а бесконечность моего сердца». Отец Джуссани предложил нам простое участие в общем фонде, чтобы каждый мог лучше понять ценность жизни.

Еще одна женщина пишет: «Сегодня вечером я призналась самой себе, что затягивать с перечислениями в общий фонд в надежде на лучшую экономическую ситуацию не полезно для меня». Проблема, друзья мои, не в сумме, проблема в верности. Никто никого не осуждает за размер взноса, мы настаиваем только на верности, потому что она помогает нам осознать, кто мы и в чем наша состоятельность. «Я приняла всерьез указания, которые вы нам дали на упражнениях: “Достаточно малой суммы, но выплачивать ее нужно постоянно”. Сейчас это позволяет мне милосердно обнимать мою реальность». Необходимо только принять тот факт, что кто-то обнимает нас такими, какие мы есть, и тогда у нас получится обнимать нашу реальность. «Я становлюсь все более уверенной и, даже если не все понимаю, если все таинственно, мой опыт подсказывает мне, что речь идет о невероятном благе!»

Некоторые благодарят за стипендию, выделенную Братством: «Мне никогда не удастся должным образом выразить благодарность за то, что вы показали мне, как каждое дело Движения отсылает к одному факту, о котором говорилось в рождественском плакате: “Восхотел прийти Тот, Кому довольно было снизить до нас”. Это суждение спасает не только сиюминутные потребности, но и всю жизнь».

Наконец, одна наша подруга написала: «Я давно не делала взносов в общий фонд, и не потому, что у меня не было денег, а из-за забывчивости и лени. Когда несколько недель назад мы с моим молодым человеком решили пожениться, все изменилось». Удивительно: она вспомнила об общем фонде, когда собралась замуж. Как ей пришла в голову такая мысль? «Если бы я не встретила христианство через Движение, я никогда бы не вышла замуж. Я сразу ощутила общинное измерение, измерение Церкви в моем и нашем решении сказать “да” перед Богом. Этому месту я обязана всем. Вот почему сегодня я внесла месячный взнос в общий фонд. У меня не очень большие финансовые возможности, но я решила увеличить взнос, удвоить его, и мне кажется, что даже этого мало! Я дала бы намного больше за эту встречу, которая изменила мою жизнь и которая, надеюсь, через миссии и жизнь Движения, изменит жизнь других людей вроде меня».

Последние слова являются живым подтверждением истинности слов отца Джуссани: воспринимать собственную жизнь как «находящуюся в распоряжении у Движения означает не что иное как практическое приложение миссионерского порыва, ведь Движение есть способ, наш способ, переданный нам способ жить в мире согласно сердцу Церкви». Участие в общем фонде учит каждого из нас понимать «собственную жизнь, жизнь семьи, свою профессию, воспитание детей, свободное время, силы, деньги как то, что служит Движению», то есть чему-то более великому, в рамках чего человек действует с полной свободой, поскольку без свободы его ответ не был бы человеческим. Лучше ответить на одну сотую, но свободно, чем, казалось бы, на пятьдесят процентов, но не свободно. Это лучше даже, чем стопроцентный ответ, данный без свободы». Таким образом, общий фонд «переводит в очень конкретные, а потому элементарные, почти банальные термины ту связь, какую человек чувствует и переживает между всем, чем он является и что делает и тем, что больше него, то есть участием в Церкви или в Движении, в силу которого его маленькая личность с ее маленькими повседневными занятиями... соработничает в великом замысле»¹⁶⁹.

Напоминаю вам, что общий фонд *один*, как и Братство *одно*, и у общего фонда *одна* цель: созидание дела – Движения (которое поддерживает множе-

¹⁶⁹ FRATERNITÀ DI COMUNIONE E LIBERAZIONE, Milano (FCL). *Documentazione audiovisiva*. Assemblea della Fraternità di Comunione e Liberazione delle Marche. Loreto (AN), 15 gennaio 1984.

ство инициатив и рассматривает множество нужд). Нас научили тому, что это более всего остального служит славе Божией и должно предшествовать поддержке любой другой инициативы как раз потому, что Движение является источником, из которого мы черпаем все, истоком нашей благодарности.

В связи с этим прочитаю вам письмо одного друга: «Перейдем к неуплате взносов в общий фонд. На самом деле я никогда об этом не задумывался. С тех пор как я открыл свое дело, я каждый год вносил довольно много. Конечно, я мог продолжать платить символическую сумму, но мне это казалось насмешкой». В действительности же нет! Никакая это не насмешка. Верность общему фонду помогает нам не забывать наши истоки, откуда происходит наша щедрость, и мы должны сознавать это. Щедрость, оторванная от истока, рано или поздно иссякает. Так случается с любыми нашими действиями: если оторвать их от истока, все становится формальным и со временем сходит на нет. Как когда отключаешь обогреватель от розетки.

Исток – в Том, Кто дает тебе все, чем ты являешься и чем обладаешь! Это утверждение верно для всех, в том числе и для людей, находящихся в крайне затруднительных ситуациях, о чем свидетельствует один наш друг из Венесуэлы, страны, переживающей поистине драматические события. Во время его приезда в Италию в конце одной встречи люди из одной нашей общины предложили ему деньги, желая таким образом поддержать венесуэльских друзей в их нуждах. Но он денег не взял и попросил перечислить их в общий фонд Братства, говоря: «Без Братства у моего дела не было бы будущего». Вот вам пример того, как участие в общем фонде может по-настоящему воспитывать наше сознание принадлежности.

В этом смысле мне кажется важным напомнить, что в первую очередь нужно иметь в виду именно общий фонд Братства, затем – конкретные нужды наших общин, и наконец – те потребности, которые Бог ставит перед нами, бросая вызов нашей любви.

Участие в общем фонде – знак свободы действующего «я», умеющего замечать связи между вещами. Без этого в нас побеждает дуализм и ничто не длится во времени. Предлагая нам простой и свободный жест, отец Джуссани пытался помочь нам уловить связь с источником всего, без которого любая щедрость сходит на нет. Этот шаг сознательности мы должны совершать постоянно.

Только такой путь позволит нам ответить на призыв, который папа обратился к нам в конце своего письма: «В мире, терзаемом логикой выгоды, которая влечет за собой все большую нищету и порождает культуру отвержения, я не перестану звать о благодати Церкви бедной и для бедных»¹⁷⁰.

---

¹⁷⁰ Франциск. Письмо Хулиану Каррону, 30 ноября 2016 г.

Каритатива

Такой позиции нас постоянно учит каритатива. «Христос дал нам понять глубинную причину всего, раскрыв высший закон бытия и жизни – милосердную любовь. То есть высший закон нашего существования – в разделении жизни других людей, в том, чтобы делиться самими собой. Только Иисус Христос говорит нам об этом, ведь Он знает, что представляет собой каждая вещь, Кто такой Бог, что такое Бытие. Мне удается объяснить себе смысл выражения “милосердная любовь”, когда я думаю, что Сын Божий, возлюбивший нас, не послал нам Свои богатства, как мог бы, перевернув таким образом ситуацию нашей жизни, но стал, подобно нам, бедным, “разделил” нашу ничтожность. Мы идем на каритативу, чтобы научиться жить, как Христос»¹⁷¹.

Каритатива очень проста и доступна всем и служит тому, чтобы все, о чем мы до сих пор говорили, возникало из самых недр нашей жизни. Она помогает нам научиться делиться, внимая призыву папы Франциска, который понимает, какая опасность подстерегает нас всех: «Если духовная жизнь замкнута в собственных интересах, то в ней больше не остается места для других людей, ее больше не интересуют бедные, ей не слышен голос Божий, у нее исчезает чувство нежной радости Его любви, пропадает воодушевленное желание творить добро. Этой опасности, безусловно, постоянно подвергаются даже верующие. Она настигает многих людей и превращает их в обидчивых, недовольных, утративших радость жизни личностей. Это нельзя назвать выбором достойной и полноценной жизни, Бог не этого желает нам, и жизнь в Духе, протекающая из сердца воскресшего Христа, не имеет с этим ничего общего»¹⁷².

Чтобы мужественно свидетельствовать об истинном характере христианской жизни, как просил нас о том папа в своем письме, недостаточно «отступить в прошлое». Только что-то присутствующее в настоящем способно изменить нас, и поэтому, только если непрестанно вновь и вновь происходит новое начало, мы можем заметить в самих себе то «новое дерзновенное начало, обращенное в будущее», о котором говорит Франциск. Именно оно производит «переворот нежности и любви»¹⁷³, заставляющий нас постоянно возвращаться к нашим корням. Отец Джуссани всегда напоминал нам, насколько это необходимо для того, чтобы наша принадлежность не превратилась в формализм и морализм и не потеряла для нас в конечном итоге всякий интерес.

---

¹⁷¹ L. Giussani. *Il senso della caritativa: scopo, conseguenze, direttive*. Milano: Società Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2010. P. 7.

¹⁷² Франциск. *Evangelii gaudium*, 2.

¹⁷³ Франциск. *Письмо Хулиану Каррону*, 30 ноября 2016 г.

Как мы видим, во всем, о чем мы говорим, на карту поставлена подлинность христианской жизни и, следовательно, полнота нашего существования. Только достигнув их, мы сможем отправиться к бедным, «и не потому, что уже знаем: бедняк есть Иисус, а чтобы вновь открыть, что бедняк перед нами есть Иисус»¹⁷⁴, как написал нам папа. «Необходимо, – читаем мы в его апостольском обращении, – уделять внимание, быть рядом с новыми формами бедности и хрупкости, в которых мы должны видеть страдающего Христа, хотя ясно, что это не приносит нам осязаемых и немедленных преимуществ: бездомные, страдающие разными формами химической зависимости, беженцы, туземные народы, все чаще остающиеся в одиночестве старики и отверженные и т. д. Особый вызов бросают мне мигранты, ведь я – пастырь Церкви без границ, Матери для всех людей»¹⁷⁵. И Церковь эта призвана обнимать и сопровождать каждого человека, нашего брата.

Франциск приглашает нас к открытости, вниманию и безграничной близости. Мне кажется, таким образом он призывает нас к тому типично христианскому поведению, которое стало нам знакомым благодаря отцу Джуссани: к экуменизму, к положительному объятию, распахнутому для всех и вся и рождающемуся в ответ на то, что «нами всецело завладела любовь», «любовь Христа, “изобилующего миром”»¹⁷⁶.

---

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Франциск. *Evangelii gaudium*, 210.

¹⁷⁶ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 158.

Воскресенье, 30 апреля, утро

На входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт. Симфония № 40 соль минор, KV. 550

Франс Брюгген – Оркестр XVIII века

«Spirto Gentil» n. 36, Philips-Universal

Отец Пино. Утро – это начало драмы двух свобод. Каждый день я могу спрашивать Тебя, молить о Тебе, признавать Тебя потому, что Ты отвечаешь, Ты, Господи, принимаешь инициативу по отношению ко мне.

Ангел Господень

Утренняя

■ СОБРАНИЕ

Хулиан Каррон. Всем добрый день!

Давиде Проспери. Благодарность – вот первое чувство, возникающее при чтении тысячи двухсот вопросов, которые нам поступили и которые мы прочли один за одним. У благодарности, как нам прекрасно известно, тот же корень, что и у благодати, поскольку она есть плод последней. Сердце открытое (вложенное нам в грудь как раз для этого), сердце ожидающее признает дар, полученный нами в дни упражнений. За что же мы благодарны? За то, что нам вновь помогли увидеть, какие дела может сотворить Христос в нашей жизни. Подобно первым ученикам, мы приехали сюда со множеством вопросов, прежде всего с одним: «Кто Ты?» Мы услышали в ответ: «Придите и увидите». То начало по сей день живо как начало. И в этом – основная причина нашей благодарности, в этом – знак того, что харизма, данная нам ради всей Церкви, по-прежнему жива, о чем напомнил нам в своей проповеди кардинал Меникелли. Она остается живой, только если вновь происходит начало. А что же случилось в начале, что случилось для меня, для каждого из нас в начале всего, в историческом начале, когда с нами произошла встреча? В мою, в нашу жизнь ворвалась новизна, породившая невообразимую притягательность, и мы смогли увидеть, смогли встретить лик присутствующего Христа в Его человеческих очертаниях.

Второе слово, описывающее наши чувства сегодня, – «желание». Желание не утратить эту красоту, то есть желание приняться за работу, глубже понимать и познавать, видеть больше. Вопросы, которые вы нам прислали, гово-

рят о том, какой отклик пробудили в нас упражнения. Почти все они возникли из желания разобраться в сказанном, не сводя его содержание к тому, до чего мы уже когда-то дошли и что усвоили.

И поэтому сегодня мы начнем помогать друг другу разбираться. Разумеется, эта работа будет сопровождать нас и в последующие месяцы, вот почему не стоит отчаиваться, если нам кажется, что мы не все поняли сразу. У нас есть время.

Начнем с двух вопросов, касающихся одной темы – отношения свободы и спасения, о котором говорилось в первый вечер.

«В пятницу ты назвал свободу необходимым условием нашего спасения. Что ты понимаешь под спасением?»

«Я бы хотел лучше понять, в чем состоит спасение, о котором ты так настойчиво говорил, поскольку мне оно представляется чем-то очень далеким во времени, чем-то, что придет в конце моей жизни. Почему оно должно интересовать меня сейчас, перед лицом повседневных вызовов?»

Каррон. Как раз в силу сказанного Давиде спасение не только не далеко от нашей жизни, оно к нам ближе всего. Мы получили великую благодать – весть о том, что Бог победил отдаленность. То, что могло остаться далеким от нас или касающимся исключительно будущего, присутствует в настоящем. И мы здесь именно поэтому. Нам пришлось бы вырвать из себя пережитый опыт, чтобы назвать спасение далеким от нас. Как нам еще нужно расти в сознании о том, что спасение начало проникать в самое нутро нашей жизни, что оно наполняет ее светом, радостью, благодарностью! Мы видим это из песен, которые поем и которые не являются только музыкальным сопровождением упражнений, а выражают человеческий опыт, возникающий именно потому, что спасение близко. «Не плачь больше, о том, что ты сделал, но не хотел делать, – пели мы. – Не плачь о том, чего хотел и не сделал. / Не плачь больше о любви, которой сказал нет. / Не плачь больше: ты был рабом, а теперь ты сын»¹⁷⁷.

Когда в нас ослабевают сознание о Присутствии, вошедшем в нашу жизнь и изменившем ее, спасение начинает нам казаться далеким, и в результате на первый план выступает все остальное: наши проекты, наши сожаления, наша мера, наши идеи. Если же в нас господствует встреча, мы можем сказать в полном, совершенном смысле то, о чем услышали сейчас в песне: «Если бы ты не был здесь, горе мне... / я была бы мертвой, / была бы потухшей свечой, / бесполезной женщиной...»¹⁷⁸ О ком можно со всей правдой сказать

¹⁷⁷ R. Veras, R. Maniscalco. Cry no more // *Canti*. Op. cit. P. 324–325.

¹⁷⁸ M. Terzi, C. A. Rossi. Se tu non fossi qui. 1966. Canzone cantata da Mina.

такое? О ком мы можем сказать такое, как не о Нем, победившем расстояние, ставшем присутствием в нашей жизни и позволяющем нам уже сейчас вкушать спасение? Не отталкиваясь от пережитого опыта, мы не сможем уловить значение заданных вопросов. Вот почему Евангелие не дает нам определенный спасения, а ставит нас перед событием, в рамках которого оно совершается. Вернемся еще раз к примеру о Закхее. Тот человек желал встретить кого-то, кто ответил бы на его жажду, какую даже накопленные деньги не в состоянии были утолить, кто избавил бы его от его несообразности, испустил бы его ошибки. Поэтому, как только Иисус приблизился к нему и взглянул на него, обратился к нему с речью, Закхей оказался перед Присутствием, утверждавшим его, уважавшим его, как никогда с ним в жизни не случилось (вот вам и первый знак близости спасения). В этот момент он пережил опыт соответствия себе, своей жажде, которое никогда не мог бы и вообразить. Так в нем родилось желание измениться. Встреча освободила его от привязанности к богатству. Закхей начинает отрываться от самого дорогого, что имел до сих пор, от денег: «Кого чем обидел, тем воздам». Евангелие говорит нам, как, войдя в дом Закхея, Иисус сказал: «Ныне пришло спасение дому сему»¹⁷⁹. Спасение было близко к тому человеку, очень близко. Чем живее в нас сознание о драме жизни, тем проще признать спасение. Никогда Закхей не испытывал подобной радости. Это тот же опыт, что пережил Безымянный Мандзони, разразившийся от радости безудержными рыданиями. И все изменилось, все обновилось.

«Что ты понимаешь под спасением?» – иногда мы задаем этот вопрос определенным образом, и становится ясно: мы хранили это слово, отделив его от жизненного опыта. Как же прав Джуссани! «Мы, христиане, в современной обстановке оказались оторванными не непосредственно от христианских формулировок, не непосредственно от христианских обрядов, не от законов... Мы оторваны от человеческого основания»¹⁸⁰, отсечены от опыта и уже больше не знаем значения слов.

Вот почему проблема не в том, чтобы заново разъяснить, в чем состоит спасение, но чтобы оставить открытым вопрос – наш человеческий вопрос. Тогда мы сможем постичь весь его смысл в самых недрах нашей жизни! Никому с помощью слов не удастся втолковать нам суть спасения, никто одними разъяснениями не побудит нас «хладнокровно» быть христианами.

Христианство не логика, не речи, не список обязанностей, а событие. Чтобы понять его сущностную связь со свободой и ответить на первые два вопроса, мы должны еще раз взглянуть на Закхея. Когда спасение вошло

¹⁷⁹ См. сн. 113.

¹⁸⁰ См. сн. 34.

в его дом, Закхей начал совершенно иначе смотреть на все, что могло показаться препятствием и что заставило бы нас с вами воскликнуть: «Да как же это? Я все еще должен пользоваться моей свободой?!» Как ответил бы он? «Во встрече с Тем Человеком я открыл для себя именно свободу во всем ее истинном значении и как никогда хочу задействовать ее!» Наконец-то возникает пламенная любовь к свободе! Свобода уже больше не является бременем. Христианство превозносит нашу свободу, и мы начинаем смотреть с положительной точки зрения на все, друзья мои! Спасение есть взгляд, достигший Закхея и нас с вами, меняющий жизнь и позволяющий нам смотреть на все с окончательной положительностью. «Радует сердце мое, ибо Ты живешь, Христе».

Преспери. «Как любить и уважать свободу другого, когда видишь, что твой муж, с которым произошла встреча и которого Христос привлек к Себе, остановился и не желает меняться? Я стала ненавидеть эту свободу: можно ли надеяться на спасение, если перед тобой стена, в которой, кажется, нет никакого просвета: И как смотреть на другого с нежностью и милосердием?»

О том же самым другими словами: «Как принимать во внимание и уважать свободу твоего ребенка, когда видишь, что он все больше запутывается в жизни и живет в грусти и одиночестве? Я желаю видеть его счастливым, я постоянно спрашиваю чудо его изменения, но ждать, что его свобода начнет двигаться, приходится слишком долго, и появляется искушение просить у Христа, чтобы изменение случилось сейчас».

Каррон. Проси о нем! Проси Христа, чтобы Он пришел. Однако не всегда замыслы Божии совпадают с нашими, и не всегда другие люди готовы принять благодать, даруемую им Богом. Нужно учитывать оба фактора. Эти вопросы свидетельствуют о том, как нам трудно находиться перед лицом свободы – нашей и окружающих, когда все происходит не в те сроки, которые установили мы. Поэтому-то так важно понять, как действует Бог. Какой трепет, должно быть, Он испытывает, глядя на наши неудачные усилия, видя, насколько мы сопротивляемся! Ему с самого начала было известно, что мы способны сопротивляться: если творишь свободное существо, то чем-то рискуешь! Так почему же Бог, несмотря на это, не ненавидит нашу свободу и не стирает ее с лица земли, а любит ее (как ты любишь свободу твоего сына) и всякий раз являет нам Свою любовь все больше? Причина в том, что без свободы спасение не стало бы нашим, и ради этой свободы Бог готов пожертвовать всем. Когда ночью твой ребенок не прекращает плакать или когда упрямится как осел, и ты так и размазала бы его по стенке, тебе приходится собрать воедино все ресурсы твоего «я», чтобы сдержаться – только потому, что ты любишь

его свободу. В отличие от Бога мы часто ненавидим свободу других людей, да и нашу тоже. Если события не разворачиваются, как мы запланировали, нам кажется, будто муж или сын не могут достичь свершения, не могут проделать их путь по маршруту, отличному от нашего. У людей, обращающихся ко мне с такого рода вопросами, я часто спрашиваю: «Ты головой ручаешься за то, что единственная возможность для Тайны привести твоего ребенка к его судьбе совпадает с твоей идеей?» Еще никто не ответил мне да! И слава богу, это значит, что мы по-прежнему используем разум как категорию возможного и признаем: от нашего внимания могла ускользнуть какая-то лазейка, через которую Тайна способна привести нашего ребенка к судьбе, не попирая его свободу. Итак, становится ясно, что вопрос в действительности касается нас, а наши дети столкнутся с проблемой свободы самостоятельно.

И каким же образом поступает Бог с человеком, который колеблется, усложняет себе жизнь, сбивается с пути? Он приближается к нему, совсем как ты в отношении с ребенком: вместо того чтобы размазать его по стенке, выгнать его, ты вновь смотришь на него, начинаешь все заново, помогаешь ему по мере сил, наугад, и ждешь. Почему? Потому что это твой ребенок. Бог же, вместо того чтобы возненавидеть нашу свободу, вочеловечился и стал нам другом, поставив нас тем самым перед Присутствием куда более притягательным, нежели любые наши дела, нежели все то, к чему мы привязаны или чем способны себя обеспечить. Если Бог далек, человек полагает, будто может творить все, что ему заблагорассудится. Но когда Бог входит в жизнь, как вошел Он в дом Закхея (Закхей, конечно, слышал о Боге, но то был Бог, умаленный до законов, обязательных к соблюдению), Его близость позволяет нам измениться.

Вопрос в том, чтобы относиться к нашим детям, как Иисус отнесся к Закхею, войдя в его дом. Всякий раз, когда вам трудно принять вашу свободу и свободу ваших детей, всякий раз, когда вы не знаете, что делать перед лицом жены или мужа, попробуйте предстать перед ними с той же уверенностью, с какой Иисус вошел в дом Закхея, безоружный, ни к чему не принуждающий, ничего не насаждающий силой: «Можно Я приду к тебе?» Какая же уверенность в судьбе требовалась, чтобы так войти в его дом и не впасть при этом в суровость, в раздражительность, не поддаться страхам! Мы ищем другие способы «вхождения» в свободу других людей – детей, мужа или жены – как раз из-за нехватки уверенности. Иисус же в силу уверенности в победе, которой Он достигает в отношении с Отцом, может предстать перед лицом нашей свободы, не испытывая к ней ненависти и продолжая стучать в нашу дверь. Он стучит в нее снова, и снова, и снова. И обнимает тебя, и прощает, и принимает, и вновь смотрит на тебя, ожидая, прося, подобно нищему, не идя на поводу у твоих капризов и не ненавидя твою свободу. Кому не хотелось бы, сбившись с пути, встретить в жизни такое присутствие? Но именно

это с нами и произошло: мы здесь именно благодаря встрече с этим Присутствием, которое прощает нас и вновь смотрит в нашу сторону. Человек, принимающий Его, начинает – в той мере, в какой он Его принимает – любить свободу своих детей, начинает любить и свою собственную свободу.

И потому основополагающий вопрос заключается в том, можем ли мы стать более уверенными в Воскресении Христа, чтобы нас не пугали первые же трудности, – ведь победа уже одержана. Мы дети Того, Кто воскрес! А значит, победа, то есть наше спасение, уже состоялась. Нужно время, чтобы эта победа распространилась и чтобы люди свободно ее приняли. Сколько – зависит от Другого, Кому мы должны всецело довериться, как Иисус доверял замыслу Другого вплоть до последнего мгновения: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают»¹⁸¹. Перед нами – та же самая альтернатива, что была когда-то перед Иисусом, и если мы не уверены, как Иисус был уверен в отношении с Отцом, то начинаем злиться и, подобно Петру, вытаскиваем меч из ножен, и насилие вспыхивает в самых разных формах. Однако Иисус останавливает нас за руку, как остановил Петра: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или ты думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?»¹⁸² «Отче, прости им, ибо не знают, что делают», – с такими словами Он уверенно отдается замыслу Своего Отца.

Преспери. «Ты сказал, что мы должны открыться перед самими собой, с симпатией посмотреть на нашу человечность, принять всерьез то, что переживаем. По твоим словам, эта работа крайне важна. Значит ли это, что все во мне годится? Что значит смотреть на опыт незамутненным взглядом, о котором говорит отец Джуссани? Когда обнажается вся моя человечность, меня охватывает сильнейший страх, почти ужас при мысли о том, что нужно смотреть на нее, принимать ее, позволять чему-то иному войти в мою жизнь, словно существует риск нарушить зыбкое равновесие, которого я достиг. Как в простоте следовать за движением обнаруживающей себя человечности, чтобы она не раздавила нас?»

Каррон. Одним из самых ошеломительных следствий встречи с Движением для меня стало открытие моей способности любить собственную человечность. Думаю, то же произошло и с каждым из вас, когда вы ощутили себя объектом любви и пережили опыт отношения с человеком, которого не возмущает ваша человечность, который обнимает вас такими, какие вы есть. Но

¹⁸¹ Лк. 23, 34.

¹⁸² Мф. 26, 52–53.

в определенный момент все мы начинаем рассуждать с точки зрения меры: если перейти те или иные границы, человек устанет от нас, как мы устаем от самих себя. Только Христос смотрит на нашу человечность с симпатией, которую ничто не в состоянии умалить. Благодаря этому мы признали и продолжаем признавать Его присутствие. Лишь отношение с Его присутствием позволяет и нам самим смотреть на собственную человечность с симпатией. До встречи с отцом Джуссани я никогда не слышал, чтобы кто-то говорил: «Как человечна моя человечность!»¹⁸³ А после мне уже не удавалось смотреть на нее без такой любви. Вопрос не в усилении, а в любви к моей человечности! Мы были сотворены хорошо. Чтобы с симпатией относиться к собственной человечности, нужно увидеть ее в изначальном виде, какой ее создал Бог, потому что она остается такой, какой Он пожелал ее видеть, друзья мои! Даже первородный грех и влияние общества не в силах помешать нашей человечности признавать соответствие, когда она сталкивается с ним. Из-за первородного греха наша природа повреждена, но не разрушена («Человеческая природа не испорчена полностью»¹⁸⁴, – говорится в Катехизисе. – [Человек] сохраняет желание добра»¹⁸⁵). В противном случае христианства не было бы, как и нас здесь сегодня. Тот факт, что мы здесь, свидетельствует именно об этом: наша первоначальная человеческая структура никуда не делась, а наша человечность создана хорошо! Только научившись так смотреть на нее, мы полюбили ее. Моя человечность позволяет мне признавать Тебя, Христе! Никакие ошибки не воспрепятствуют моей человечности признавать Христа, когда Он предстает перед моими глазами, ничто не запретит моей человечности вновь приходить в трепет перед Его присутствием, когда я сталкиваюсь с явлением инаковой человечности, в которой Христос делается присутствующим здесь и сейчас. Как много раз мы замечали это в нашей жизни! Так человек постигает природу и ценность собственной человечности, созданной, чтобы признавать Его, чтобы наполняться Его присутствием.

Встретив отца Джуссани, который так смотрел на свою человечность, я наконец-то понял, почему столь важна моя, и начал любить ее. И нельзя сказать, что с тех пор я ни разу не оступался или не смотрел зашоренным взглядом – наоборот! Но уважение к тому человеческому, что есть во мне, больше уже не пропадало. Часто я объясняю людям: «Вы должны смотреть на себя, как смотрю на вас я, а иначе вы не смотрите должны образом, смотрите плохо». Говорю я так не потому, что кажусь себе лучше других, просто я смотрю так, как когда-то посмотрели на меня. Вопрос в том, встречаем ли мы кого-то, кто

¹⁸³ Cfr. L. Giussani. *Affezione e dimora*. Milano: Bur, 2001. P. 42.

¹⁸⁴ *Катехизис Католической Церкви*. П. 405.

¹⁸⁵ Там же. П. 1707.

смотрит на нас правильно, таким же взглядом, каким Иисус посмотрел на Закхея. Это, однако, не значит получить лицензию, оправдывающую все, что мы творим. Нет, нет и нет, речь не о том. Искать оправдание нашим поступкам – глупое занятие. Я не хочу, чтобы кто-то оправдывал что-либо, совершенное мной (особенно мои ошибки). Я хочу, чтобы кто-то смотрел на меня такого, какой я есть изначально, кто возвращал бы мне подлинный взгляд на мою человечность, как Иисус. Именно поэтому Он может войти в какой угодно мрак, в дом любого Закхея в мире, испытывая высшую симпатию. Христос не позволяет нам запутаться в наших усеченных идеях, Ему известно, что за Windows стоит DOS, что за видимостью вещей, за всеми ошибками Закхея есть сердце, есть человек, ожидающий Его и способный Его признать. Поэтому не надо бояться, друзья мои! В мире появился Тот, в Чьей компании я могу смотреть на все, даже на то, что мне нелегко брать в расчет, я могу смотреть на все и не приходить в шок. Об этом говорится в отдельных письмах, которые я получил от вас как раз в дни упражнений и которые не читаю из деликатных соображений. Стоит только человеку ощутить на себе такой взгляд, и ему удастся посмотреть на свою человечность искренне, положительно, посмотреть даже на то, в чем он годами не признавался самому себе. Так может случиться, даже если мы находимся среди двадцати тысяч других людей. Чтобы говорить о человечности каждого из нас, не обязательны встречи «с глазу на глаз» в частном порядке. Отец Джуссани выступал публично, перед всеми, но, когда я его слушал, казалось, что он обращался напрямую ко мне, и это освобождало меня. Больше всего в личном плане нам помогает то, что говорится открыто и для всех, утверждал отец Джуссани¹⁸⁶. Личные беседы нужны не для того, чтобы сделать нам поблажку. То, что я должен сказать, я говорю перед всеми. И люди чувствуют, как это их освобождает. Истинные вещи, необходимые для жизни, можно говорить перед всеми, чтобы потом вместе смотреть на происходящее и помогать друг другу на пути.

Проспери. «При каких условиях мы, стремясь быть честными с самими собой, не рискуем свести все к волонтаристскому усилию? Ответить Христу

¹⁸⁶ «Помните: если то, что вам говорит авторитет, выступая перед всеми, не трогает вас, не достигает лично вас, как в частной беседе, значит, оно не истинно. Даже если вы оказываетесь в его кабинете, полном дружбы, нежности, любви, это лишь басни. Духовное руководство может идти на «уловки», когда необходимо, но факт остается фактом: отношение авторитета с личностью, а не с группой, осуществляется, именно когда он обращается ко всем, а не к отдельно взятому человеку. Вероятно, он может говорить с отдельно взятым человеком, чтобы компенсировать его неспособность прилагать слова к жизни; в этом смысле он ему поможет. <...> Но запомните, предпочтение следует отдавать тому, что говорится публично и обращено ко всем» (L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza*. 1975–1978. Op. cit. P. 384).

возможно лишь в силу воодушевления, которое пробуждает в нас дарованное нам объятие. Однако ты добавил, что речь не идет об автоматизме. Как преодолеть страх сопротивления? Как действительно полностью отдаться инициативе Другого?»

Каррон. Чтобы понять, нужно посмотреть, как возникает наш ответ. Если он рождается от опыта, то не является волюнтаристским усилием: когда случается важная встреча, мне не хочется потерять взгляд, достигший меня. Всмотритесь в ваш опыт: влюбляясь и отправляясь в кино с любимым человеком, вы не совершаете над собой волюнтаристское усилие. Или возьмем болельщика, идущего на матч своей команды (не говорю, какой именно, а то начнется потасовка!): разве для него это волюнтаристское усилие? Спроси его кто-нибудь: «Зачем тебе идти на стадион, ведь на улице дождь и холод, а игру показывают и по телевизору?», – он ответил бы: «Ну и болван же ты! Это совсем не то же самое!» Тут налицо не волюнтаризм, а порыв, рождающийся в человеке: болельщик не хочет пропустить матч *вживую!* Что не отменяет трудностей, поскольку пойти на стадион куда труднее, чем остаться дома в кресле перед телевизором. Не надо путать одно с другим: если человек выкладывается свободно и по полной, это вовсе не равноценно волюнтаристскому усилию, потому что в таком случае альтернативой ему было бы ничегонеделание. Нет, нет и еще раз нет! Тот, кто ничего не делает, ничем и не увлечен, ничего не любит. Суть в этом. Чем сильнее человек что-то любит, тем меньше волюнтаризма в любом его действии. Когда же любви не хватает, всякое действие остается для нас сторонним, словно наклепленным сверху: я действую, поскольку не могу по-другому, поскольку иначе мне в конце месяца не дадут денег, поскольку я должен платить своего рода пошлину, чтобы меня приняли. Так происходит от недостатка любви. Напротив, видя, как рождается любовь, ощущая себя в чьем-то объятии, человек замечает, что все предельно просто. Даже те, кто сопротивляется, вдруг сдаются, чтобы, подобно Безыменному, разразиться безудержными рыданиями. Сдаться, не оказывая сопротивление – значит ввериться любви, как ребенок, когда он в один прекрасный момент бросается вам на руки. Вопрос в том, сколько времени нам потребуется, чтобы сдаться. Я всегда говорю, что сопротивляться гораздо сложнее, чем уступать. Но эту борьбу каждый должен вести за себя, и Бог тут не хочет заранее давать никаких ответов. Он ждет, ждет, ждет, подобно нищему, у двери нашего «я».

Проспери. «Открытие нищеты как блаженства оказалось по-настоящему головокружительным. Почему в нашем опыте мы воспринимаем нищету как нежеланную уязвимость, а не как подтверждение проделанного пути?»

Каррон. Мы рассматриваем эту уязвимость, не уделяя должного внимания опыту. Наш идеал, *desideratum*, то, чего мы так желаем, – не быть уязвимыми, потому что мы, сами того не замечая, понимаем спасение как прекращение жажды, упразднение желания. Однако что это за спасение, если оно лишает нас нашего желания? Его нельзя было бы назвать спасением. Вот почему превознесение нашего желания, нашей человечности есть явный знак истинности Христа. Когда роль христианства как исторического факта становится менее значимой, мы снова начинаем бояться желания, как боялись его в дохристианские времена. В одном тексте 2016 года, перепечатанном в газете *Avvenire*, недавно ушедший из жизни философ и эссеист Цветан Тодоров делает следующее существенное замечание о Просвещении: «В Просвещении отсутствует мера, и потому всегда есть опасность, которую таит в себе *хюбрис*. <...> Что касается просветителей, я, к сожалению, не был достаточно бдителен и, с радостью разделяя многие их идеи, не учел их чрезмерности»¹⁸⁷. Звучит почти как призыв ограничить «чрезмерность» желания. Человеческое желание не имеет меры и по этой причине представляет собой нечто опасное для человеческой жизни – *хюбрис*. Вот почему необходимо масштабировать его и держать под контролем. Иными словами, в виду невозможности найти сообразный ответ на наше бесконечное желание, единственный выход, который позволит нам не впасть в разочарование, заключается в уменьшении его значения. Лишь воплощенная бесконечность, лишь Христос в состоянии спасти желание во всей его широте, как раз потому, что Он ему соответствует. Христос непрестанно пробуждает и побуждает наше желание, и в этом – очевидный знак Его истинности. Мы же думаем: «Как же так, даже после встречи со Христом у меня все еще остались желания?» Слава богу, что остались, ведь именно они доказывают: Христос является ответом на нашу человечность! Только то, в чем содержится ответ, только божественное способно поддерживать живой всю нашу человечность, всю нашу увлеченность, всю нашу ностальгию, все наше желание, всю нашу изначальную нищету. Потому-то нищета и становится желанной, открывается нам как нечто головокружительное. Разве вы предпочли бы (я всегда об этом спрашиваю) не испытывать ностальгии по любимому человеку? Если однажды вы утратите ностальгию по нему или по ней, это будет концом отношений! Самый неоспоримый признак конца – как раз тот факт, что вы больше не тоскуете по нему или по ней.

Лишь Христос позволяет желанию постоянно пробуждаться – это наиболее ясный знак Его инаковости и истинности. Он единственный в состоянии спасти человеческое желание, не умалив его. Все остальные, какую бы пози-

¹⁸⁷ T. Todorov. Todorov e le ombre dei Lumi // *Avvenire*. 7 marzo. 2017. P. 1, 24.

цию они ни занимали, должны отсекают часть человеческого опыта (и поэтому любая позиция, кроме Христовой, неполноценна), отбрасывать то, для чего у них нет ответа, и пытаться по мере возможности ограничивать слишком большое желание. Но кому удастся ограничить его так, как хотелось бы? Попробуйте сами! И когда переберете все способы, вспомните, что существует альтернатива, которая зовется Иисус. Только Он способен поддерживать желание живым, ни от чего не отмахиваясь.

Преспери. То, что ты сказал в конце, затрагивает один момент, породивший большую часть вопросов. Христос позволяет желанию расти и не ограничивает его. Мы чувствуем, как наши желания становятся все больше, что свидетельствует о позиции нищеты. Вместе с тем, ты вчера сказал, что нищета представляет собой иной способ обладания вещами. Как соотносится одно с другим? Иными словами, каким образом совместить нищету, предполагающую решительное отдаление от вещей (когда я в конечном счете ни к чему не привязан), и желание, которое ощущаю в себе? Как ты уже сказал, особенно сильно я хотел бы желать то, что люблю больше всего. Это утверждение верно как в вопросах привязанности, так и в отношении наших планов. Разве неправильно строить в жизни какие-то планы? Прочитаю вопросы, разъясняющие проблему.

«Если мы оставляем все, чтобы следовать за Ним, что происходит с нашими желаниями или конкретными ожиданиями, которые касаются семьи или работы и которые мы ежедневно пытаемся осуществить? Как мне оторваться от проектов, которые в любом случае я должен довести до ума?»

«Как связаны нищета и работа? Я воспринимаю отдаление как уход от того, чего требуют от меня обстоятельства. Оно представляется мне даже как что-то отрицательное».

Каррон. Этот вопрос остро встал и на упражнениях студентов. В самом начале собрания меня спросили: «Если действительно мое желание гораздо больше того, что я себе воображаю, если мое желание успокаивается лишь в Тебе, Христе, тогда в чем ценность всего остального? Зачем мне терять время на отдельные повседневные желания, которые я испытываю?» Хватило одного вопроса с моей стороны, чтобы для девушки, говорившей это, все перевернулось: «Ты когда-нибудь влюблялась?» – «Да». – «И чего стоили все остальные вещи, когда ты влюблялась? Конкретные вещи и все прочие обстоятельства жизни утратили свое значение?» – «Нет». – «Так как же мы ответим? Какой опыт ты переживаешь во влюбленности? Вещи теряют свою ценность или же превозносятся?» – «Они вновь расцветают»¹⁸⁸.

¹⁸⁸ J. Carrón. *A te si volge tutto il mio desiderio*. Milano: Editrice Nuovo Mondo, 2017. P. 36–37.

Видите? Любовь ко Христу, любовь к исключительному присутствию, любовь к тому, что в конечном счете соответствует нашему желанию, не сводит желание на нет, не лишает значимости наши проекты или реальность. Напротив, она все превозносит. Чем больше Христос входит в жизнь, тем все становится интересней. «В опыте большой любви, – часто говорил нам Джуссани словами Гвардини, – все становится событием в своей сфере»!¹⁸⁹ Даже самые банальные вещи обретают необычайную важность. Любовь Христа не предполагает отрицание чего-либо. Наоборот, именно потому, что Христос совершенно ошеломительным образом наполняет мое сердце, переполняет его так, что я не в состоянии объяснить, как это возможно, – именно поэтому я свободен от любых моих планов. Я с головой погружаюсь в дела, как никогда раньше, вкладываю в них всего себя, работаю над проектами, вовлекая весь мой ум, всю мою привязанность, все мое желание, всю мою интуицию, но в то же время я свободен, поскольку моя радость не зависит от того, чем я занимаюсь. В сфере труда это очевидно: для языческого мира работа был полностью лишена ценности, а потому считалась уделом рабов. Кто мог себе позволить, тот не работал. Работа понималась исключительно в отрицательном смысле. Кто же принес новый взгляд на нее? Христос, сказавший, что работа есть соучастие в деле Бога. Выше оценить ее просто невозможно! Поэтому отец Джуссани говорит, что тот, кто не любит свою работу, не живет нищетой. По замыслу Бога работа – инструмент, «обязывающий» человека быть в распоряжении чего-то более великого, нежели он сам, служить ему. Отец Джуссани проводит параллель с любовью: Бог позволяет тебе влюбиться, чтобы ты мог выйти за рамки эгоцентризма. Точно так же Он помогает нам переступить через эгоцентрическое утверждение самих себя, вынуждая нас «работать для». Однако всегда есть искушение обладать нашей работой. И поэтому Христос начал говорить о нищете как об отдалении в работе, в отношениях, или, если хотите, Он начал говорить о свободе. Достаточно просто посмотреть, что случается, когда Христос входит в вашу жизнь (именно по этой причине мы подчеркиваем определенные слова: «изнутри существования», «неотъемлемый», «признание Тебя в моем опыте»). Он побуждает тебя бросаться с головой во все, что ты делаешь, и одновременно освобождает. Лучше ничего и представить себе нельзя: вовлекаться, выкладываться по полной и вместе с тем оставаться свободны-

¹⁸⁹ «Как говорил уже неоднократно цитированный мной Романо Гвардини в одной прекрасной фразе (самой прекрасной, из всех что я слышал по этому вопросу, и самой лаконичной), “в опыте великой любви все вещи становятся событием в своей сфере”. То великое, благодаря чему все становится событием в своей сфере (потому что оно все определяет), есть вера. <...> ...а вера – это признание того Присутствия: содержание веры – Христос». (L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose. 1979–1981*. Milano: Bur, 2007. P. 398).

ми и ничего не лишать ценности. Это важнейший момент. В чем же наша проблема? В неправильной привязанности к работе. Действительно, когда мы теряем работу, нам с нашими представлениями о том, какими должны быть наши полномочия и наша позиция, невероятно сложно согласиться на другой тип работы, поскольку вся наша состоятельность сосредотачивалась в занимаемой должности, в нашей роли, в размере зарплаты и так далее. Так, вместо того чтобы позволить Христу освободить нас из клетки наших идей и помочь нам заново начать, откуда возможно, мы предпочитаем чудовищные трудности. Люди, оказывающие поддержку тем, кто остался без работы и ищет новую, видят это со всей ясностью. Самая большая сложность для последних связана не с нехваткой навыков, требующихся для устройства на новое место, а с необходимостью изменить менталитет. Они должны стать нищими, оторваться от собственных идей, а иначе им не справиться в ситуации эпохальных изменений. Проблема, однако, не столько в эпохе, сколько в определенном роде привязанности к работе.

Проспери. Последние вопросы касаются заключительной части твоего второго размышления, в которой ты говорил о Братстве и об основополагающих моментах в его жизни.

«У меня часто возникает вопрос о делах, которыми мы занимаемся вместе. Что мы предлагаем? Как мы это предлагаем? С каким осознанием глубинной причины мы ищем моментов общения? Как я могу проверить, служат ли мне и другим эти дела, то есть помогаем ли мы друг другу на уровне, соответствующем нашему сердцу, о котором ты говорил во второй лекции? Откуда рождаются эти дела и что делает их моментами сознательности?»

«Мы недавно присоединились к Братству, и у нас пока еще нет группы. Согласно каким критериям следует выбирать друзей для группы Братства?»

«Как мы можем помогать друг другу, чтобы группа Братства становилась для нас все более близкой компанией?»

Каррон. Как раз чтобы такая помощь была возможна, я подчеркивал, насколько важно, двигаясь вперед, не оставлять за плечами нашу человечность, не думать, будто религиозное чувство или сердце нужны нам только в самом начале, а после того, как случается встреча, нет.

Мы уже говорили, что у Братства одна простая цель: помогать друг другу идти по жизни. Проверять, осуществляется ли она, можно всякий раз, когда мы собираемся вместе, как всякий раз мы проверяем, помогают ли нам наши дела идти вперед или нет. Нам прекрасно известна разница между рассеянным чтением утрени (в таком случае ничего не происходит) или же молитвой, во время которой мы сознаем, что произносим (и что-то

начинает происходить). В пятницу вечером, в самом начале упражнений, мне захотелось, чтобы сразу же после входа в зал мы спели вместе: это была попытка научить нас быть внимательными к происходящему. Аналогично и песня¹⁹⁰, прозвучавшая сегодня утром перед молитвой «Ангел Господень», должна была помочь нам вернуться к сознанию о себе как о пустом сосуде. Мы часто участвуем в тех или иных моментах нашей общей жизни по инерции, ожидая только, чтобы они поскорее закончились, и думая: «Нам нужно этим заниматься, поскольку мы из Движения, поскольку нас научили читать молитву “Ангел Господень”» Помните оплату пошлины, про которую говорил отец Джуссани? Иными словами, мы совершаем те или иные действия, но при этом как бы отсутствуем, и в результате «Ангел Господень» и все остальное ничего в нас не меняет. А теперь представьте, что человек, прежде чем зайти в зал, на полминуты задумывается и говорит сам себе: «Какую боль я испытываю, с какими затруднениями сталкиваюсь, какие проблемы переживаю, какой денек ждет меня...» – а потом читает молитву с таким сознанием. Попробуйте проверить, что тогда происходит.

То же самое касается и Братства. Когда я понимаю всю его ценность? Когда вижу, что оно мне помогает. Братство должно бы являться местом, где каждый может быть самим собой, куда может принести свои трудности, где чувствует, что ему помогает уже простой факт принадлежности – помогает настолько, что он возвращается домой другим человеком. А иначе какая нам в нем польза? Однако вряд ли Братство станет таким местом, если мы будем приходить туда рассеянными, оторванными от человеческого основания. На встречах Братства важно, чтобы мы не «парковали» нашу человечность, а всеми силами стремились сделать ее полезной для нас и для других друзей, находящихся рядом с нами. Например, эти упражнения, которые мы вместе переживаем, – отличная практика для нашей человечности, тем более эффективная, чем активнее мы вовлекаемся, чем осознанней присутствуем здесь, ведь спасение невозможно без свободы. Именно по этой причине я начал с прекрасного текста Пеги. Бог желает видеть нас соратниками нашего спасения, потому что в противном случае оно никогда не станет нашим. Если человек сам не прилагает усилий и не проверят, действительно ли то, чем он живет в Братстве, ему помогает, пусть потом не приходит ко мне, чтобы спрашивать доволен он или нет. Вы сами, раньше остальных должны это видеть. Не то чтобы у нас вдруг исчезли все критерии, позволяющие нам выносить суждение о том, что мы делаем, когда собираемся вместе!

Остается еще один вопрос. На основании какого критерия нам выбирать группу Братства? По сути, для нас, людей, с которыми произошла определен-

¹⁹⁰ А. Mascagni. *Al mattino // Canti*. Op. cit. P. 180

ная встреча, выбор означает признание. Не мы решили, что соответствует потребностям нашего сердца: мы обнаружили это перед собой и признали. С нашей стороны это было послушание. Так в чем же критерий для выбора группы Братства? Необходимо признать, какие люди лучше всего помогают тебе осуществлять то, чего ты хочешь от жизни, следовать за тем, что делает тебя радостным. Ты сам понимаешь, помогают они или нет. Тайна не должна посылать тебе ангела, который поможет понять, и у меня спрашивать тоже не надо. Господь через твоих друзей приводит в трепет твою жизнь, позволяя тебе на опыте убедиться, что они оказывают помощь на твоём пути. И тогда все просто: нужно просто последовать за опытом, который Тайна дает тебе пережить, как это случилось, когда мы последовали за Братством. Критерий, в силу которого я здесь, тот же, что и для выбора группы Братства.

Хорошей всем работы.

Во время упражнений Братства, проведенных отцом Хулианом Карроном в Авиле (Испания), в воскресенье, 7 мая, состоялось заключительное собрание. Предлагаем три вопроса и ответа, прозвучавшие на нем.

Ты сказал, что нужно проделать путь, чтобы открыть собственную человечность как жизненно важное присутствие и услышать крик, составляющий нас. Ты также отметил, что первый шаг – открыться самим себе и посмотреть на себя с симпатией. Мне как-то сложно понять, какой взгляд ты имеешь в виду. На самом деле я не понимаю, и когда ты говоришь о подлинном опыте как об исходной точке, призывая меня не останавливаться на фрагментарных ощущениях, идти до глубины подлинных потребностей, которые я могу распознать, если, например, переживаю болезненный опыт, действительно заново пробуждающий потребность в смысле, утолить которую может только Христос. Я бы хотела лучше понять все это.

Хулиан Каррон. Можно тебя спросить?

Да.

Раз уж ты здесь, я этим воспользуюсь, чтобы с тобой поговорить. Переживала ли ты в своей жизни такой опыт, когда ты вдруг видела что-то такое, чего никогда раньше не замечала? Необходимо исходить из опыта. Мне важно не отвечать на ваши вопросы (я всегда это вам повторяю), а помочь вам понять, как вы сами можете на них ответить. Ты помнишь какой-нибудь момент, когда ты вдруг поняла что-то, что уже было, но что раньше тебе не удавалось увидеть?

Да.

Вот отправная точка. И что позволило тебе увидеть? Где ты научилась такому взгляду? То есть, что позволило тебе обрести такой взгляд, который теперь ты просишь меня объяснить?

Во-первых, я услышала от кого-то, что можно смотреть на вещи по-другому.

А где ты это слышала? В университете, на занятиях йогой, в кино?

Нет. Здесь, с вами.

Друзья, все дело в том, что история по-настоящему конкретна! Когда мы говорим об частном случае, об отдельно взятой истории, мы ссылаемся на совершенно определенное место. Этот опыт ты пережила здесь. А почему здесь? Если вы не будете совершать такую работу над событиями, которые с вами случаются, то не найдете ответов на ваши вопросы, потому что все останется абстрактным. По-твоему, почему это произошло здесь?

Потому что вы так смотрите.

Мы. А почему мы? Что у нас есть такого, чего нет у других? Ты много других людей встречала в жизни, но почему только с нами получила такой опыт? Что в нас другого?

У меня мурашки от этих слов, но Христос как будто к вам ближе.

Христос к нам ближе или Он здесь?

Он здесь.

Это наша большая проблема. Не поняв этого, мы не постигнем природу христианства, и все станет в высшей степени абстрактным. Самарянка встретила много людей в своей жизни, но по-настоящему посмотреть на свою жажду, только когда оказалась перед Ним. Женщина, страдавшая кровотечением, обращалась к разным врачам, и никому не удалось вылечить ее. Это не остановило ее поиск, она продолжала искать. Она не сдалась, ведь ей не было в жизни покоя, она страдала, она испытывала боль, она знала, что для нее существовала возможность чувствовать себя лучше, и когда она услышала о человеке, реальном, конкретном, историческом, который творил определенные дела, она побежала к Нему с желанием прикоснуться хотя бы к краю Его одежды. Кто позволил ей смотреть на свою болезнь, ни от чего не отмахиваясь? Разве ей надо было закрыть глаза на болезнь, чтобы установить отношения с Христом? Нет, ее болезнь, именно она, не задвинутая в дальний угол, подтолкнула ту женщину установить отношения с Христом. Да у нее и не получилось бы оставить болезнь в стороне: она чувствовала боль и не могла вставать по утрам, не ощущая неотложной потребности разрешить эту ситуацию. Как изменилась бы жизнь, если бы каждый из нас претерпевал такие страдания, такой недуг! Боль не оставляла ее в покое. И это заставляло ее искать Его. Но посмотреть на свою болезнь до самой глубины, не умаляя более свою человечность, женщина смогла только перед Его присутствием.

Она научилась этому целостному взгляду на себя, находясь перед Его присутствием. Совершенная честность в отношении себя, в отношении собственной нужды стала возможной только перед Присутствием. Так происходит и с нами: когда у нас нет перед глазами присутствия Христа, мы не способны смотреть на свою боль.

Много лет назад Роза Монтеро написала статью в *El País*, в которой, вспоминая один случай из жизни, говорила: «Желать – это всегда несчастье». Поэтому лучше не принимать во внимание свое желание. Она добавляла: «Желать – это всегда проблема, а особенно – когда желания исполняются». Потом она цитировала святую Терезу, которую и мы не можем не процитировать здесь, в Авиле: «Больше проливается слез об услышанных молитвах, чем о не принятых». Почему? Потому что когда человек получает ответ и понимает, насколько его недостаточно, тогда-то и возникает проблема. Если я жду, что кто-то удовлетворит мое желание, и такой человек появляется, но на самом деле мое желание не получает ответа, то проблема растет, а не уменьшается. «Именно поэтому, из-за того что желаниям в высшей степени недостает надежности и из-за их бесконечной способности так или иначе ранить нас, многие восточные религии и философии провозглашают отказ от них». В наше время мы возвращаемся к определенным религиям, которые, чтобы избежать страдания, призывают не смотреть на человеческую природу. Нет зуба – нет боли. Если я не принимаю боль во внимание, у меня ее нет. Как если бы мы сказали: «Женщина с кровотечением не принимает во внимание свою болезнь, значит, у нее нет болезни». Или: «Я не думаю о жажде, значит, я не хочу пить». Не желать все равно что не страдать. Если кого-то убедило такое рассуждение, пусть применит его на практике и увидит, чем оно обернется в жизни. Но все-таки Роза Монтеро отдает себе отчет, что «мы, западные люди, думаем, будто желание есть двигатель жизни, а умиротворение, которого можно достичь, обходясь без желания, слишком уж напоминает кладбищенскую тишину». Как же тогда поступать? «Возможно, дело в том, что в наших желаниях не нужно выходить за рамки нашего горизонта». Вот какое предлагается решение: подрегулировать желание, как будто это отопление. «Желать того, что мы разумно можем получить, что нам доступно, или, иными словами, что у нас уже есть»¹⁹¹. В одно мгновение человек, изначальная природа человека стирается. «Я» больше не существует. «Я» с его изначальной потребностью, отброшено.

Мы находимся здесь, на духовных упражнениях, не для того, чтобы обращать глаза к небу и делать скорбные лица, мы здесь, чтобы вести диалог с современной мыслью во всей ее глубине и насыщенности. Мы не изо-

¹⁹¹ R. Montero. La piscina que no fue y otros deseos // *El País*. 18 aprile 2010.

лируемся, чтобы понять, как защититься от реальности. Мы приехали сюда не защищаться от реальности, а смотреть ей в лицо. Каждый должен принять решение. Что позволяет нам смотреть в лицо реальности? Ответив, мы, вполне вероятно, начнем понимать название упражнений. Радость возможна в силу того факта, что Христос есть. Он единственный, Кто спасает желание, единственный, Кто нашел смелость взглянуть на желание самарянки, единственный, Кто позволяет нам смотреть на наше желание; без него мы возвращаемся к язычеству до Христа и видим в желании *любрис*, нечто весьма опасное, и в результате предпочитаем довольствоваться чем-то поскромнее.

Есть в фильме Ингмара Бергмана «Фанни и Александр» одна сцена, которая меня всегда поражала. Ближе к концу фильма происходит обед, и один из героев говорит: «Мы, Экдали [это фамилия семейства]... пришли в этот мир не для того, чтобы разгадать его. У нас нет приборов для подобных изысканий. <...> Мы будем жить в маленьком... в маленьком мире. Будем держаться за него». Лучше всего довольствоваться тем, что есть, словно жизнь для этого и нужна: быть счастливыми, когда мы счастливы, когда получается быть счастливыми, быть приветливыми, великодушными, нежными друг к другу и хорошими. А в чем тогда счастье? Герой тут же объясняет: «Радоваться этому маленькому миру, вкусной еде, добрым улыбкам, цветущим садам, вальсам»¹⁹². Вот такое предложение, и оно не отличается от предложения язычества до Христа. Когда Христос пропадает с горизонта, когда у нас больше не получается видеть Его, нам остается только приспособиться, утешаться мелодичными вальсами, фруктовыми деревьями в цвету и хорошими обедами. Смотрите сами, отвечает ли это на вашу нужду. Мы находимся именно в этой точке. Именно такова природа вызова, не заблуждайтесь, мы здесь не для того, чтобы говорить о второстепенных вещах. Мы пытаемся открыть, что такое жизнь и что дает на нее ответ. И моя способность смотреть на нее – первый знак Его присутствия.

Итак, если ты с удивлением замечаешь, что в окружающей культуре (которой мы тоже переполнены и которая повторяет нам: «Лучше не спрашивать меня, потому что у меня нет приборов, чтобы рассмотреть твои вопросы. Перечеркнем их, пусть другие вещи отвлекут нас, и мы будем спокойно жить-поживать») существует место, где можно смотреть на всю нашу человечность, спроси себя, почему.

Мне очень помог и меня очень поразил второй пункт первой лекции, где ты говорил о прощении, потому что часто в своей жизни я замечал, что во

---

¹⁹² Фанни и Александр (Fanny och Alexander, Швеция-Франция-ФРГ, 1982). Режиссер Ингмар Бергман.

мне господствует опыт прощения, неожиданного прощения, как и для Безыменного. Но я увидел себя и в Маньяре, который встретил Джироламу, как я встретил Движение. Прошло уже двадцать лет, но я понимаю, что какие-то вещи в жизни я сделал плохо, и это оставило во мне след. Ты это видишь, видишь, как твое зло смогло поломать жизнь. И в этот момент ты чувствуешь, что тебе нет прощения, доходишь до мысли, что тебе нет прощения, и ненавидишь себя. Ты сказал, что в нашей неспособности всецело довериться. Я думаю, что так происходит, потому что мы часто полны собой. В исповеди ты доверяешься всецело, всегда доверяешься всецело, это не механический поступок, это полная отдача себя. Я думаю, что жить так – это революция, самое большое освобождение. Что позволяет всецело довериться на таком уровне?

Понимаете, почему Пеги говорит, что Бог хочет, чтобы спасение стало нашим? Это нормально, что человек, если он по-настоящему отдает себе отчет в собственном зле, чем больше он его осознает, тем больше видит, до какой степени ему нет прощения и что он никак не может его уничтожить. Я не могу стереть зло как будто взмахом тряпки с доски. Оно возвращается. Поэтому чувство вины всегда было в высшей мере человеческим опытом: просто достаточно любить человека, чтобы ощутить всю боль из-за того зла, которое я причинил любимому человеку, а не тому, кого я не люблю. Как часто мы видим людей, которые причинили зло, например, совершили теракт, и потом они всегда носят на себе этот груз. И даже если они отсиживают весь положенный срок, это не сможет исцелить рану, нанесенную злом. Определенные вещи, совершаемые человеком, не пропадают со временем; наоборот, чем больше проходит времени, тем больше он отдает себе отчет в совершенном зле, в том, какие раны он нанес, раны, которые он не может исцелить, потому что не в его силах воскресить убитых им людей, вернуть их тем, кто страдает и ненавидит его за смерть близких. Здесь перед нами встает ключевая проблема, и если мы не сможем ее решить, то не найдем мира. Тогда я могу понять, какую революцию принес в жизнь Иисус. Каков ответ Бога на нашу драму? Это не абстракция, не психоанализ, не теория, а отдельно взятая история, конкретное человеческое присутствие, которое говорит тебе: «Твои грехи прощены». Понимаете, какой след радости проходит по каждой странице Евангелия? Это что-то доселе невиданное. Оно настолько превосходит любое воображение, что почти возмущает нас. Мне всегда вспоминается человек, который пострадал от теракта, получил семь огнестрельных ранений, и когда он слышал, что кто-то из нас в Италии говорил о милосердии, у него внутри все переворачивалось: «Как?! Что ты говоришь?!» Наши слова не исцеляли его ран. Что позволило ему посмотреть на рану и освободиться из того адского механизма, в котором он застрял, из

того сплетения обстоятельств, откуда он не мог найти выхода, потому что чем дольше он жил, тем чаще перед его глазами вставала эта сцена? Действительно, он говорил: «Я не мог просыпаться утром без того, чтобы мне на ум не приходили ужасные сцены, которые я пережил или про которые я слышал от других, все образы людских страданий». Но в определенный момент, проведя какое-то время вместе с нашими друзьями, он начал открываться навстречу другой перспективе: «С того времени, как я вас встретил, первое, что встает у меня перед глазами, когда я просыпаюсь, – это ваши радостные лица». Не было другого способа излечить рану: отдельно взятая история, лица счастливых людей, которые освободили его от сплетения обстоятельств, в котором он застрял, и он наконец смог из них освободиться, сбросить оковы, которые его удерживали. Что позволяет совершиться такому освобождению? Благодарить, как я сказал вчера, искра, которую дает нам мгновение нищеты духа. Но это, как мы видим в Мигеле Маньяре, не происходит раз и навсегда. В большинстве случаев так не происходит. Поэтому Мигель Маньяра возвращается к аббату, после того, как тот исповедовал его и дал ему отпущение, чтобы жаловаться на свои грехи, как мы жалуемся на свои. И что говорит аббат? Он повторяет ему суждение, которое вынесла Церковь в тот день, когда он исповедался: «Твои грехи прощены, все это никогда не существовало». Церковь не использует пустые слова, не бросает слов на ветер, ее слова – это суждение: все прощено. Но это суждение должно проникнуть до самого нутра нашего «я», поэтому Маньяра вступает в настоящую борьбу, чтобы принять, чтобы признать, чтобы согласиться, чтобы отдаться этому суждению. Вот работа, которую должен проделать каждый из нас. Каждый из нас знает, что он был прощен, но должен снова выслушать возвешение этого прощения, должен снова признать его присутствие, оно снова должно быть у нас перед глазами, оно постоянно должно бросать вызов нашей боли этой благой вестью: «Ты до сих пор думаешь о вещах, которые более не существуют (и которых никогда не существовало, дитя мое [твои грехи прощены!]). Всего этого никогда не существовало»¹⁹³. Нужно бросать вызов всем угрызениям, каждый раз отвечая этой истиной, которая есть истина о нас самих, перед которой нам еще трудно капитулировать. Как будто человек говорит: «Я сомневаюсь в красоте этих гор». Если бы горы могли говорить, они ответили бы ему: «Что нам за дело до твоих сомнений? Твои сомнения не меняют реальность нашей красоты». Мы современные люди, и мы думаем, что мы сами, своей мыслью решаем, что есть реальность, и что она реальна в том виде, как мы ее себе представляем. Нет, реальность реальна, если она реальна. Если она нереальна, то, даже если ты ее представляешь, она нереальна, потому что не ты делаешь ее реальной. «Твои грехи прощены». Проблемой будет время, которое понадо-

¹⁹³ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 87.

биться тебе, чтобы обратиться к тому, что реально (в данном случае – к тому факту, что твоих грехов больше нет), а значит, чтобы позволить Христу войти в твою жизнь. Потому что взгляд, истинно определяющий жизнь, – это взгляд, который принес Христос, но я должен принять его. И это не может произойти без моей свободы. Этот взгляд не может быть моим без меня. Бог, сотворивший нас без нашего участия, не может спасти нас без нашего участия. Вот такая свобода нужна, чтобы спасение стало нашим. Поэтому я всегда спрашиваю вас, как вы можете жить, не перечитывая отрывок, в котором отец Джуссани говорит о «да» Петра¹⁹⁴. Нужно перечитывать его именно для того, чтобы ответить на твой вопрос. Мне нужно перечитывать его, чтобы я снова мог смотреть на себя так, как Иисус смотрел на Петра, мне нужно возвращаться и перечитывать его, чтобы я смог смотреть на себя по-настоящему, то есть смог бы смотреть на самого себя так, как Он посмотрел на меня и как Он смотрит на меня сейчас. Если мы не позволим войти Его присутствию, больше нечего делать. Когда вам грустно, перечитывайте этот отрывок, чтобы признать Его присутствие, потому что без признания Его присутствия больше нечего делать. Когда вы пали духом и чувствуете, что вам нет прощения, нужно, чтобы вы перечитали «да» Петра», как нищие, с благодарностью: «Слава Богу, что мне грустно, что я пал духом, что я чувствую, будто мне нет прощения, потому что иначе я не стал бы снова читать этот отрывок, не почувствовал бы неотложной потребности это сделать, я бы думал, что уже его знаю». Я постоянно возвращаюсь и перечитываю его, чтобы понять всю ту бескорыстность, с которой Он прощает меня. Он прощает нас и дает нам все время, которое нам потребуется, чтобы принять Его, чтобы уступить перед Его прощением, Его объятием.

Что такое присутствие Христа, о котором ты говоришь? Какое оно? Оно связано с плотью, с обстоятельствами, с историей, с людьми или Христос есть, но Его нельзя увидеть и потрогать? Оно совпадает с плотью, с другим человеком или есть что-то дополнительное, независимое от плоти? Чтобы лучше объяснить: в песне, которую мы пели вчера («Andare»), Кьеффо говорит об отце Джуссани, о человеке Луиджи Джуссани. «Твои глаза видели все и говорили, обращаясь к сердцу. Слова несли в себе огонь и желание идти... идти»¹⁹⁵. Кажется очевидным Его присутствие во плоти, когда ты говоришь о первых учениках, которые последовали за Христом, об Иоанне, Андрее, Петре. Но когда ты говоришь о Его присутствии сегодня, как можно конкретизировать его в плоти с именем и фамилией? Я хочу попросить: мож

¹⁹⁴ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 82

¹⁹⁵ C. Chieffo. *Andare // P. Scaglione. La mia voce e le Tue parole*. Milano: Ares, 2006. P. 272.

бы ты больше конкретизировать это в нашем опыте, в нашей истории, чтобы помочь нам узнать Его, каждому по отдельности и всем вместе, как компании.

Что ответили бы Иоанн и Андрей на твой вопрос, имеет ли Христос отношение к плоти?

Что Он совпадает с плотью.

Совпадает с плотью. Как говорит отец Джуссани, «именно во плоти мы можем признать присутствие Слова, ставшего плотью; если Слово стало плотью, то мы находим Его *во плоти*»¹⁹⁶, в человеческой реальности. Но не в любой человеческой реальности, а в человеческой реальности, которая столкнулась с Христом и была преображена Христом. Он являет Свое присутствие в истории через тех, кого избирает и кто признает Его, принимает Его (вот снова свобода), кого Он изменяет. Достаточно подумать о том, что произошло с каждым из нас. Почему мы здесь? Потому что мы столкнулись с иной человечностью, встретились с таким способом жить, проводить вместе время, сталкиваться с проблемами, смотреть на собственную нужду и нужду другого человека, которого раньше никогда не видели. Мы оказались перед настолько человеческими чертами, что были ими привлечены и не могли не спросить себя, чем порождалось такое осязаемое отличие жизни. То есть нас привлекла не человеческая реальность сама по себе, а человечность, вылепленная Христом, обладающая определенной особенностью, состоящая из людей с именами и фамилиями, которая собралась вместе в силу свидетельства конкретного человека, как ты сказал. Но это помогает нам понять важнейшую вещь: как Христос стал убедительно присутствующим через «да» отца Джуссани и многих других, которые последовали за ним, так сейчас Христос становится присутствующим через наше «да», наше проживаемое следование. Христос не ярлык, который мы прилепляем на любой способ быть вместе или сталкиваться с обстоятельствами: Он свидетельствует о Себе через изменение, которое производит в плоти нашей жизни, если мы позволяем Ему войти. И это очень просто – признать Его в действии, Его черты безошибочно узнаваемы. Точно так же можно быть вместе по-другому – в рассеянности, в забывчивости, в самонадеянности, но это не воздает Ему славу.

В прошлом году меня поразил один случай, и я рассказал об этом в статье¹⁹⁷. Беженец мусульманин приезжает в Италию, и его помещают в центр для мигрантов. Волонтер спрашивает его: «Ты будешь мясо или рыбу?» И он начинает плакать. Это была не сентиментальность. «Почему ты плачешь?» –

¹⁹⁶ L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Op. cit. P. 123.

¹⁹⁷ Ср. X. Каррон. Рождество верующих, жесты человечности, трогающие сердце // *Corriere della Sera*. 23 dicembre 2015. P. 35.

спросил волонтер. И этот человек рассказал, что восемнадцать лет работал на хозяина, который все время бил его. А теперь он среди «неверных», и кто-то наконец называл его по имени и даже спрашивал, что он хочет выбрать из меню. «Разве могут такие люди попасть в ад?» – спросил он наконец. Упомянув об этом в одном разговоре в Италии, я сказал: «Что понял этот человек? Это не могло бы случиться, если бы Слово не стало плотью». И кто-то ответил мне: «Не будем перебарщивать! Все зависит от нашего воспитания. Мы такие, потому что нас воспитали и научили принимать людей». Нет, это не вопрос «хорошего воспитания», и должен появиться какой-то пришелец, чтобы мы осознали, что мы получили и что стало частью нашего взгляда на реальность. Речь идет о том, что не случилось бы, что не было бы нам свойственно, если бы Христос не вошел в историю. Но даже мы сами утратили это осознание. И правда, этот разговор, про который я только что сказал, состоялся у меня с людьми из Движения!

После первой лекции упражнений в Италии через друга мне передали такое сообщение: «Если у тебя будет возможность, передай Хулиану мою благодарность. Если бы я мог, я омыл бы ему ноги, как Магдалина, слезами, которые выплакал. Даже в момент первой встречи для меня не было очевидно присутствие Христа и не было огромно желание Его так, как я увидел Его сегодня». Как часто, встречая какого-то человека, мы вдруг говорим так. Христос – не *независимо от* и не *наряду с*, Он *внутри* плоти. Каждый должен увидеть, где это для него происходит, где он открывает Его, где ему это дается, какая рука сейчас ему это приносит. Иначе мы уподобимся ученикам сразу после Воскресения: всего, что они видели, даже всех тех случаев, когда Он ел и пил с ними, не было достаточно, чтобы победить их грусть. Только Его присутствующее присутствие может ее победить. Поэтому этот вопрос имеет решающее значение. Именно поэтому, чем больше времени проходит, тем важнее для нас становится участие в этой истории. Значение для нас этой истории совпадает с важностью для нас опыта Его современности. Иногда последний, кто пришел к нам, как тот иммигрант, про которого я рассказывал, замечает ценность нашей компании больше, чем мы сами, находясь внутри этой компании. Последний из пришедших возвращает нам сознание того, что нам стало неясно, из-за чего мы спрашиваем, где Христос: во плоти или где-то еще. Тогда проблема в том, происходит ли передо мной или когда я нахожусь в определенном месте с друзьями – там, не вовне, не где-то рядом, не после, но в тот момент, – происходит ли то, из-за чего я не могу не ощущать в себе неудержимое стремление назвать Его имя. Каждый должен понять, где это происходит, с кем это происходит, в какой плоти Христос достигает меня сегодня.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 2, 14, 22–33; Пс. 15; 1 Пет. 1, 17–21; Лк. 24, 1–35

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО БРАСКИ

У них было только одно желание: уйти подальше от этого города, ставшего подмостками не только для смерти Иисуса, но и для их провала. Печален был их взгляд, поскольку они осознали, как напрасны оказались их надежды и как они теперь были опустошены, и не знали более, на что и надеяться. В течение многих месяцев они, ослепленные иллюзиями, упорно лелеяли надежду на Иисуса освободителя, мирского Иисуса-политика, хотя Сам Иисус всегда делал все возможное, чтобы развеять подобные представления о Себе.

Они и впрямь были неразумны и медлительны сердцем!

Неразумны, то есть неспособны понять реальность (прилагательное указывает здесь не столько на моральное качество, сколько на неспособность к познанию), и медлительны сердцем, то есть, сердце их было не в состоянии биться быстрее из-за чего-то отличного от их идей.

Нет ничего удивительного в том, что они не узнали Иисуса, Который присоединился к ним в их бегстве от реальности, ставшей невыносимой. Да и знали ли они Его когда-нибудь по-настоящему? Так или иначе, еще будучи с ним, они довольно быстро опутали Его своими мечтами, поймали Его в них, как в сети.

Теперь же Иисус и вовсе стал лишь поводом для разговоров, возможно даже для перебранки между ними, для очередного поиска тех, на кого взвалить вину за их провал.

И все же воскресший Христос вновь приближается к ним, именно к ним.

Это Он снова выступает с инициативой, пробуждает в них желание быть в человеческой компании, показывает, что реальности еще есть что ответить на их закрытость. Они узнают Его в преломлении хлеба – евхаристическом жесте и в жесте умножения хлебов, в повторении опыта немислимой полноты, когда Христос без всякой меры дарует Себя именно им.

Так они возвращаются на путь, и вновь обретает смысл компания, от которой они отделились и в которую теперь желают вернуться, где они находят подтверждение своего опыта встречи со Христом.

То же самое произошло с нами в эти дни: Христос вновь предпринял инициативу, присоединился к нам в нашем пути, предложил нам в свидетельстве отца Хулиана слова, способные вновь разжечь вопрос и желание в нашем сердце.

Даже борьба нас не пугает, если мы искренни с тем, что происходит сейчас. Христос, *vir pignator*, снова, здесь и сейчас преломляет хлеб для нас. Его приближение, Его дар Себя в преломлении хлеба – единственная уверенность, благодаря которой мы действительно можем переживать тихую радость: вопреки всему, вопреки нам самим, переживать тихую радость.

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дорогие друзья,

человек не может сам дать себе радость. Это ясно как божий день. Он только может просить о благодати, чтобы получить ее в дар. Кроме того, для радости нужно, чтобы этот дар стал ответом нашему сердцу, то есть стал даром в настоящем. Иисус – это личный дар, неожиданно настигающий жизнь человека, который его принимает, и наполняющий ее неизмеримой радостью. Ничто, даже боль, хрупкость и грех, не является препятствием для того, чтобы с течением лет росла эта радость как творческое измерение сердца, из которого бьет ключом истинная жизнь.

Желаю каждому все больше переживать это на опыте, уподобляясь лику Слуги Божьего монсеньора Луиджи Джуссани.

*С любовью и моим особым благословением,
кардинал Анджело Скола,
архиепископ Милана*

Дорогой отец Хулиан Каррон,

посылаю тебе и всем друзьям из Движения свое приветствие и молитвы о благополучном совершении этих духовных упражнений Братства «Общения и освобождения». Я пребываю в единстве с вами на пути харизмы, которая изменила нашу жизнь и привила нам пламенное желание возвещать Христа умершего и воскресшего, живя в мире и служа Церкви.

Тема этих упражнений – «Радуется сердце мое, ибо Ты живешь, Христе» – говорит нам о главном факте нашей жизни, источнике мира и радости, которая, как напоминает нам папа Франциск в *Amoris Laetitia*, есть «расширение границ сердца» (126). Это происходит сегодня в общении с харизмой в великом теле Церкви. И таким образом все – иное и более истинное в обстоятельствах, в которых Господь призывает нас жить. Для меня – также и в сложной ситуации, когда здоровье ложно противопоставляется достойному труду.

С доверием прошу для всего Движения о даре Духа и готовности следовать по пути, который ты указываешь.

Призывая на всех вас благословение Господа и заступничество Божией Матери, сердечно вас приветствую.

*Монсеньор Филиппо Санторо,
архиепископ митрополит Таранто*

Дорогой отец Хулиан,
название, выбранное для духовных упражнений Братства, выражает уверенность, сопровождающую нашу жизнь: «Радуется сердце мое, ибо Ты живешь, Христе». В это время, когда так много вызовов брошено нашей вере, как прекрасно и умиротворяюще каждый день снова признавать Присутствие, позволяющее нам жить и дышать в любых обстоятельствах!

Я рядом с тобой и со всем народом, который был рожден харизмой Слуги Божьего отца Джуссани, и сопровождаю вас своими молитвами: пусть Богородица пробудит в каждом из нас «радостную уверенность», которая возможна только благодаря Христу, а Дух да соделает нас ревностными свидетелями для других людей, наших братьев.

*Монсеньор Коррадо Сангвинети,
епископ Павии*

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Его Святейшеству папе Франциску

Ваше Святейшество, мы воспользовались самым важным событием в жизни нашего Движения, духовными упражнениями Братства «Общения и освобождения», в которых приняли участие двадцать две тысячи человек, приехавший в Римини, и еще тысячи людей, подключившихся по спутниковой связи в шестнадцати странах, чтобы лучше усвоить содержание письма, которое Вы направили нам в конце Юбилейного года милосердия. Поддерживая Ваш призыв к бедности, необходимой, потому что она описывает то, что на самом деле составляет наше сердце – нужду в Нем, мы вновь окунулись в опыт евангельских бедняков – Матфея, Закхея, самарянки, которые признали Христа как единственный адекватный ответ на нужду, они сами были нуждой.

В память о жизни отца Джуссани мы углубили опыт, который он нам предложил как нищету, рождаемую привлекательностью Иисуса в нашей жизни («радость, что всех дороже, рождающая все добродетели»). Уверенная надежда на то, что Бог исполнит желание сердца, наполняет нас радостью, той радостью, которая исходит из Пасхи, как нам напомнил кардинал Меникелли во время совершения Евхаристии, и делает нас нищими, то есть свободными от обладания вещами, ибо после того, как мы нашли Христа, нет ничего, чего нам бы не хватало.

Затем мы размышляли над словами Вашего письма о неотложной необходимости делиться с нуждающимися, в этом смысле мы получаем воспитание постоянно через конкретные действия, разделяя нужду пожилых, детей, больных и немощных. Мы видим, что эта нужда бесконечна.

Апостольское обращение *Evangelii gaudium* было основой наших размышлений, оно напомнило нам о том, что лишь Христос присутствующий – это та весть, которая отвечает на жажду бесконечности, живущую в каждом человеческом сердце, и все имеют право получить эту весть, без исключения, как Вы свидетельствовали нам прямо в эти дни в Египте.

С благодарностью за Ваше послание и за Ваше благословение мы продолжаем молиться о Вашем вселенском служении. Спустя тридцать пять лет после папского признания Братства мы вновь вверяем всех нас в Ваши руки. Используйте нас, Ваше Святейшество, чтобы распространить то положительное объятие по отношению ко всем и ко всему, что рождается от всеохватной любви Христа, изобилующего миром».

Свящ. Хулиан Каррон

Его Святейшеству папе на покое Бенедикту XVI

Ваше Святейшество,
содержанием духовных упражнений Братства стало письмо, которое папа Франциск адресовал нам в конце Юбилейного года милосердия; в нем он призвал нас переживать нищету как нечто необходимое, «поскольку она выражает то, что в действительности составляет наше сердце, – нужду в Нем». Вы продолжаете быть для нас свидетелем этой нищеты, которая рождается только благодаря тому, что человек богат Христом: ни в чем нет недостатка у того, кто столкнулся с великим Присутствием. По ходатайству отца Джуссани просим Богородицу наполнить радостью Ваши дни, а у Вас просим благословения для всего нашего Братства, идущего по пути в сегодняшний день истории.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Баньяско,
председателю Конференции епископов Италии*

Ваше Высокопреосвященство,
во время духовных упражнениях Братства, на которые в Римини собралось двадцать две тысячи человек, мы размышляли о призыве папы Франциска к нищете, с которым он обратился к нам в письме, направленном нам в завершение Юбилейного года милосердия, то есть о призыве к самой сути христианской жизни, к тому, «что в действительности составляет наше сердце, – нужде в Нем». Мы ощущаем, что и к нам обращен призыв папы, адресованный «Католическому действию»: «Разделять жизнь людей», чтобы «показать, что возможно переживать радость веры», свидетельствуя об этом в повседневных жизненных обстоятельствах.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Кевину Джозефу Фарреллу,
префекту Дикастерии по делам мирян, семьи и жизни*

Ваше Высокопреосвященство,
двадцать две тысячи членов Братства «Общения и освобождения» и еще несколько тысяч присоединившихся к ним через спутниковую связь в шестнадцати странах мира обновляют готовность быть инструментами миссии Церкви в верности харизме отца Джуссани и в следовании за папой Франциском, который призвал нас жить тем, что составляет «суть христианской жизни», то есть нищетой, которая «необходима, поскольку она выражает то,

что в действительности составляет наше сердце, – нужду в Нем», во Христе присутствующем, освобождающем нас.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству
кардиналу Анджело Сколе, архиепископу Милана*

Дорогой Анджело,

в течение этих дней Господь поразил нас, позволив нам испытать ту радость, о которой ты говорил нам в своем сообщении. Размышляя над письмом, направленным нам папой, мы возвращаемся в свои дома с большим осознанием своей нищеты, то есть нужды в Нем, наполненные только Христом. Отец Джуссани продолжает говорить к нам через свидетельство своей жизни, которая была захвачена Христом, и поэтому она плодотворна в нас, его детях, которые желают сегодня вновь переживать его опыт.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству монсеньору Филиппо Санторо,
архиепископу митрополиту Таранто*

Дорогой Филиппо,

с благодарностью за твое сообщение мы возвращаемся домой после этих духовных упражнений, еще больше нуждаясь в Нем и с еще большей готовностью разделять жизнь со всеми, особенно с нуждающимися, как просил нас папа Франциск, чтобы свидетельствовать о Христе присутствующем, Который наполняет жизнь радостью в любых обстоятельствах.

Свящ. Хулиан Каррон

*Его Преосвященству монсеньору Коррадо Сангвинети,
епископу Павии*

Дорогой Коррадо,

благодарим за твое сообщение и уверяем, что «радостная уверенность», о которой ты говорил, стала в нас чуть больше реальной благодаря опыту Христа, Который снова склонился над нашей безграничной нуждой и сделал нас еще больше нищими и еще больше свободными, потому что мы больше полны Им.

Свящ. Хулиан Каррон

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Сандро Кверичи

Список изображений, показом которых сопровождалась произведения классической музыки, звучавшие перед началом и по завершении встреч

Наследие византийских мозаик в Равенне принадлежит к числу наиболее важных свидетельств христианской иконографии раннего Средневековья (V–VI вв.). Мы начнем наш путь в базилике Сан-Витале с ветхозаветных сюжетов и продолжим его под сводами арианского баптистерия и баптистерия православных, а затем перейдем к сценам жизни и Страстей Христовых на стенах Сант-Аполлинаре-Нуово. Завершится наше путешествие в абсиде Сант-Аполлинаре-ин-Классе и мавзолее Галлы Пладиции.

1. Базилика Сан-Витале. Свод хоров. Мистический Агнец
2. Базилика Сан-Витале. Конха абсиды. Христос – Господин мира
3. Базилика Сан-Витале. Южный люнет. Жертвоприношение Авеля и Мелхиседека
4. Базилика Сан-Витале. Северный люнет пресвитерия. Гостеприимство Авраама
5. Базилика Сан-Витале. Северный люнет пресвитерия. Гостеприимство Авраама, деталь. Жертвоприношение Исаака
6. Базилика Сан-Витале. Северный люнет пресвитерия. Гостеприимство Авраама, деталь. Приношение трем Ангелам
7. Базилика Сан-Витале. Северная стена пресвитерия. Моисей получает скрижали Закона
8. Базилика Сан-Витале. Южная стена пресвитерия. Моисей-пастух в земле Мадямской
9. Арианский баптистерий. Купол. Крещение Иисуса
10. Баптистерий Неона, купол, Крещение Иисуса
11. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Чудо на браке в Кане Галилейской
12. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Умножение хлебов и рыб
13. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Призвание Петра и Андрея
14. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Исцеление слепых в Иерихоне
15. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Исцеление женщины, страдавшей кровотечением
16. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Иисус и самарянка
17. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Иисус и самарянка, деталь

18. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Воскрешение Лазаря
19. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Молитва мытаря и фарисея
20. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Лепта бедной вдовы
21. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Христос-Судия отделяет овец от козлов
22. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Исцеление расслабленного
23. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Исцеление расслабленного, деталь
24. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Исцеление одержимого злым духом
25. Сант-Аполлинаре-Нуово. Северная стена нефа. Исцеление расслабленного в Вифезде
26. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Последняя Вечеря
27. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Иисус в Гефсиманском саду
28. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Поцелуй Иуды
29. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Иисуса ведут на суд
30. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Иисус перед Синедрионом
31. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Предсказание отречения Петра
32. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Отречение Петра
33. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Иуда возвращает тридцать сребренников
34. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Иисус перед Пилатом
35. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Путь на Голгофу
36. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Мироносицы у гроба
37. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Ученики в Эммаусе
38. Сант-Аполлинаре-Нуово. Южная стена нефа. Неверие Фомы
39. Сант-Аполлинаре-ин-Классе. Крест в абсиде
40. Сант-Аполлинаре-ин-Классе. Абсида, Святой Аполлинарий у подножия креста
41. Мавзолей Галлы Плацидии. Свод с крестом в звездном небе
42. Мавзолей Галлы Плацидии. Южный люнет. Мученичество святого Лаврентия
43. Мавзолей Галлы Плацидии. Северный люнет. Иисус – добрый Пастырь
44. Архиепископский музей. Христос-воитель

Заметки

Заметки

Содержание

ПОСЛАНИЕ ПАПЫ ФРАНЦИСКА	3
-------------------------	---

Пятница, 28 апреля, вечер

ВВЕДЕНИЕ	4
----------	---

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО	23
--	----

Суббота, 29 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – « <i>Блаженны нищие духом</i> »	24
--	----

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА ЭДОАРДО МЕНИКЕЛЛИ, АРХИЕПИСКОПА АНКОНЫ-ОЗИМО	47
---	----

Суббота, 29 апреля, вечер

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – « <i>Явлю силу Моего имени в радости на их лицах</i> »	51
---	----

Воскресение, 30 апреля, утро

СОБРАНИЕ	76
----------	----

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО БРАСКИ	99
--	----

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ	101
----------------------	-----

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ	103
-------------------------	-----

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ	106
----------------------------	-----

